И. МУХИДДИНОВ

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ПАМИРСКИХ ТАДЖИКОВ ВАХАНА И ИШКАШИМА

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. А. ДОНИША

И. Мухиддинов

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ПАМИРСКИХ ТАДЖИКОВ ВАХАНА И ИШКАШИМА

в XIX— начале XX в.

(ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция
восточной литературы
Москва 1975

9(С)17
М 92

Ответственный редактор
Л. Ф. МОНОГАРОВА

В книге исследуются характерные черты высокогорной земледельческой культуры, приемы традиционной ирригации и т. д. в кишлачной общине памирских таджиков Вахана и Ишкашима.

М $\frac{10602\text{-}129}{013(02)\text{-}75}$ 125-75

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1975.

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последние годы в историко-этнографической литературе появились серьезные труды, посвященные земледелию — исконному занятию таджиков (наряду со скотоводством), или работы, в которых достаточно подробно даны сведения, относящиеся к хозяйству [71; 56, 48—100; 122; 123; 16, 21—108; 17, 14—77; 115, 286—299; 59; 140, 108—194; 96, 51—80; 152, 11—99; 155, 111—113, табл. III—XVI]. В то же время среди этой литературы отсутствуют специальные этнографические работы по высокогорному земледелию памирских таджиков. До настоящего времени этот вопрос не исследовался.

Изучение этнографических особенностей земледелия труднодоступных в прошлом районов Западного Памира, находящихся на стыке горных хребтов Бадахшана, Памиро-Алая и Гиндукуша, очень важно для понимания приемов хозяйственного освоения человеком высокогорных долин. Советский Бадахшан, горные области Афганистана, Северный Пакистан, северо-западные районы Индии послужили академику Н. И. Вавилову своего рода лабораторией для изучения очагов возникновения земледелия и происхождения сельскохозяйственных культур.

В программе сбора материалов к Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана поставлена задача «выявить и показать наиболее характерные черты земледельческой культуры, как общие для народов Средней Азии и Казахстана, так и специфически присущие отдельным народам и их локальным группам, расселенным в разных природно-хозяйственных районах» [77, 32]. Мы решили объектом своего исследования избрать высокогорное земледелие Вахана и Ишкашима, так как в таком плане этот район специально не изучался.

Западный Памир и его население, живущее в труднодоступных высокогорных долинах верховьев Пянджа и его притоков (ванчцы, язгулемцы, рушанцы, шугнанцы, ишкашимцы, ваханцы и другие), стали изучаться немногочисленными путешественниками только в конце XIX в. Крупный русский ученый-путешественник И. П. Минаев писал в своем труде, что до 1879 г. «Памир остается не исследованным европейцами и, кроме Вахана, ни одна из стран, лежащих на западной окраине Памира, не была посещена ими» [91, 19]. Эта работа представляет собой свод сведений китайских, арабских путешественников и английских исследователей о народах верховьев Амударьи, т. е. Пянджа, и в ней помимо прочего приводятся краткие сведения о хозяйстве, в том числе у ваханцев.

Некоторые материалы, относящиеся к земледелию в ранний средневековый период в Вахане и Ишкашиме, дают китайские источники, приводимые в трудах Н. А. Аристова [23, кн. XI, № 3, 62—63] и Н. Я. Бичурина [40, 323—324]. В числе первых европейских путешественников, посетивших Памир в конце XIX — начале XX в., — географов, ботаников, военных и чиновников царской администрации — были русские ученые[1]. В своих описаниях они уделяли внимание и занятиям населения, в том числе земледелию. Но сведения эти далеко не полные.

Ряд важнейших, хотя и отрывочных материалов по истории и этнографии народов Западного Памира получен экспедициями, организованными в то время с военно-стратегическими и топографическими целями. Для нашей темы наиболее интересны материалы, собранные экспедицией капитана Генерального штаба Путяты [117], принимавшим в ней участие Д. Л. Ивановым [63; 64], и материалы Кузнецова [82, 1—21].

Иностранные исследователи в основном занимались изучением языков припамирских народностей, и только отдельные ученые останавливали свое внимание на хозяйстве и культуре. Некоторое представление о хозяйстве и материальной культуре населения Западного Памира дают работы датчанина О. Олуфсена [157] и немца А. Шульца [159]. К сожалению, последний описывает быт припамирских народностей в целом, не выделяя особенностей, характерных для ваханцев, рушанцев, шугнанцев и т. д.

После фактического присоединения Памира к России в 1895 г. этот район стал более доступен русским ученым.

Из опубликованных трудов, имеющих непосредственное отношение к нашей теме, следует в первую очередь назвать работы русских ученых А. Е. Снесарева, А. А. Бобринского и М. С. Андреева, продолжавшего свои плодотворные исследования в советское время [133; 134; 41; 42; 11; 15; 16; 32; 92; 94; 95; 96; 10; 65; 66; 25; 26; 47; 46; 48; 28; 129].

Основными материалами для настоящей монографии послужили данные, собранные автором за время его полевой работы среди памирских таджиков Вахана и Ишкашима в 1968—1970 гг. Автор пользуется случаем выразить глубокую благодарность своим информаторам, особенно Михрабонову Мадатхону (92 г.), Маликмамадову Шанбе (102 г.), Хотамбекову Курбонмамаду (64 г.), Ниаматовой Нимхо (62 г.), Хайдарбекову Зайдулло (90 л.), живущим в кишлаке Вранг (Вахан), а также Тошмахмадову Зарику (67 л.) из кишлака Внукут (Вахан), Нурхаётову Мамадгулу (86 л.), живущему в кишлаке Зунг (Вахан), Азимову Замиру (83 г.) из кишлака Андароб (Горон), Хаитмамадову Хайдару (72 г.), Хабибову Джалолу (59 л.) и Бодурбекову Латифу (58 л.), проживающим в кишлаке Рын (Ишкашим), Шозурову Тайгуншо (69 л.) из кишлака Яхшвол (Ишкашим).

[1] См. использованную литературу [39].

Глава I

КРАТКИЙ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Природные условия. Вахан и Ишкашим расположены на Юго-Западном Памире, который является самой высокогорной южной областью в СССР. Географически он разделяется на Восточный — собственно Памир, представляющий собой плоскогорье, расположенное на высоте 4—5 тыс. *м*, хребты которого достигают высоты свыше 7 тыс. *м* над уровнем моря, и Западный Памир, или Бадахшан, с сильно расчлененным высокогорным рельефом, с узкими труднопроходимыми горными хребтами (свыше 6 тыс. *м*), с глубокими ущельями [104; 9, ч. I, 14—24; 29, 26—30]. «В районе Хорога разность в уровнях между долинами и вершинами соседних хребтов достигает 2,5—3,5 *км*. Разница в уровнях между долинами и горными хребтами на Памире гораздо меньше, чем в западных районах области и редко превышает 1—1,5 *км*» [29, 27].

По физико-географическому районированию Памира, предложенному О. Е. Агаханянцем, исследуемый нами район отнесен к Вахан-Гиндукушскому Памиру, расположенному между «гребнями Гиндукуша, а также Южно-Аличурского и Ваханского хребтов... характеризуется *сочетанием эрозионных и ледниковых форм высокогорного рельефа*» [9, ч. I, 29, ч. 2, 202—203].

Климат Вахана и Ишкашима резко континентальный, средняя температура января —7,4°, июля +22,5°. Амплитуда среднемесячных температур составляет от 20 до 30° (в Ишкашиме на высоте 2600 *м* —28,6°); зима холодная, лето — умеренно теплое. Значительная сухость климата объясняется тем, что влагоносные воздушные массы задерживаются высокими горными хребтами. Наибольшее количество осадков в исследуемом районе приходится на март — май, особенно на май. Годовая сумма осадков не превышает здесь 100—150 *мм* [29, ч. I, 121, 128, 145, ч. 2, 202—203]. Снег появляется в октябре, сходит в марте, высота снеговой линии от 4600 до 5100 *м* [9, ч. 1, 145].

Для Западного и Юго-Западного Памира характерны так называемые горно-долинные ветры. «Летом долинные ветры преобладают над горными. Особенно славится горно-долинным ветром («бад-и-Вахан») широтный отрезок верхнего Пянджа (Вахан), в пределах которого долинный ветер сливается с ветрами западного переноса» [9, ч. 1, 133]. Поэтому из-за специфического режима этого ветра «земледельческое освоение террас и конусов производится с восточной, заветренной их части» [9. ч. 1, 133].

Посевные земли Вахана и Ишкашима находились на конусах выноса, у подножия гор и на территории кишлаков и по площади были различны: от 5—6 до 40—50 *кв. м*, редко до 70—80 *кв. м*.

Почвы преобладают серо-палевые и примитивно рухляковые; они быстро улучшаются при орошении, соблюдении правильного чередования сельскохозяйственных культур и внесении удобрений (навоза). В Вахане встречаются местами песчаные и солончаковые почвы [29, 44—45; 9, ч. 2, 203]. Поверхность почв часто покрыта щебнем или дресвой. Горные почвы характеризуются значительной водопроницаемостью и как следствие этого — быстрым выщелачиванием из них питательных веществ, в первую очередь солей азота [29, 71].

Реки Вахана и Ишкашима — Памир и Вахандарья — принадлежат к бассейну Пянджа (слияние двух названных рек образует Пяндж). Разливы рек зависят от таяния снегов и ледников, наибольшее половодье приходится на июль — август.

Сухость климата, преимущественно ледниково-снеговой тип питания рек, характер почв обусловили возможность развития земледелия только при искусственном орошении. Немаловажную роль в развитии сельскохозяйственных культур играет и «световой климат»; на Памире отмечена «самая высокая интенсивность радиации в коротковолновой части спектра» [29, 33], способствующая накоплению в растениях сахаров и растворимых веществ [29, 51].

Растительный и животный мир. Лесов на Западном Памире, в том числе в Вахане и Ишкашиме, очень мало. Распространены засухоустойчивые деревья: арча, тополь (в Вахане встречается и пирамидальный), на островах вдоль ручьев и рек — ива; из кустарников тамариск, облепиха, тал, шиповник. Облепиха, ива и памирский тополь растут на высоте до 3500 *м*.

Распространены и плодовые деревья. Грецкий орех встречается отдельными деревьями в Ишкашиме и Вахане (3000 *м* в кишлаке Лянгар), но не приносит плодов, как и белая шелковица. Из-за высокогорных климатических условий и особенностей рельефа в этом районе очень мало садов. Из плодовых деревьев, приносящих плоды, здесь выращивают яблони, абрикос, а в Ишкашиме отдельные деревья черешни.

Есть в районе и ценные дикорастущие кормовые травы [29, 42—43; 134, 136; 29, 130—131]: синяя люцерна (некоторые ученые считают, что здесь центр ее формообразования), растущая на высоте до 3500 *м* (культурная — до 2900), красный клевер, торон — гречиха бухарская, борщевик Лемана, желтый донник и некоторые травы, которые употребляют в пищу в голодные весенние месяцы: молодые побеги торона, ревеня, соцветия ферулы, дикорастущий лук, камч, мята, щавель. Одни из них употребляют как приправу к блюдам (камч), другие едят в сыром виде с солью (торон). Традиционные способы предварительной обработки для удаления горечи (ферула) и приготовления съедобных блюд и приправ аналогичны дарвазским [98, 419—422].

Для нашего исследования очень важно отметить влияние природных факторов на высотные границы сельскохозяйственных культур. Интересная таблица высотных пределов для злаков, бобовых и плодовых культур дана в работе П. А. Баранова, А. В. Гурского и Л. Ф. Остапович. Мы приведем из нее (см. таблицу на стр. 8) только сведения С. И. Коржинского за 1898 г., т. е. конец XIX в. — основного периода, рассматриваемого в нашей работе.

Животный мир Западного Памира, в частности Вахана и Ишкашима, представлен травоядными (домашние животные — крупный рогатый скот, в том числе яки, а также овцы, козы, в небольшом количестве верблюды, лошади и ослы; дикие животные — горные бараны и козлы, охота на которых играла в хозяйстве памирских таджиков немаловажную роль [112, 4, 5, прим. 6, 66, прим. 149, 68—70]), и хищ-

Рис. 1. Кишлак Рын в Ишкашиме

Рис. 2. Кишлак Вранг в Ваханс

Высотные пределы для злаков, бобовых и плодовых культур (по данным академика С. И. Коржинского) на 1898 г.*

Названия культур	Высотные пределы, *м*
Ячмень голозерный	3250
Пшеница	3250
Рожь	3250
Просо	2670
Кукуруза	1980
Горох	3260
Бобы конские (бокло)	2510
Чина	—
Маш	2135
Брюква	2860
Хлопчатник	1600
Подсолнечник	1978
Люцерна	2200
Арбуз	2000
Табак	2000
Тутовое дерево	2670
Абрикос	2826
Яблоня	2670
Груша	2543
Черешня	2198
Орех грецкий	2133
Виноград	1978

* Н. И. Вавилов отметил, что в таблице предельных высот следует набавить 300 *м*, чтобы они соответствовали действительности (Н. И. Вавилов, У Памира (Дарваз, Рошан, Шугнан), — в кн [29, 11]).

никами (снежный барс, гималайский медведь, волк). Из птиц распространены грифы, орлы, соколы, горные индейки и горные куропатки. Последний вид местные жители приручают и используют на охоте как манщиков. Раньше светские феодалы охотились с соколами. Много здесь пресмыкающихся, особенно ядовитых змей (самая опасная из них — гюрза).

Специфические природные условия повлияли на развитие в этих высокогорных долинах земледелия в сочетании со скотоводством. На Западном Памире сложился один из древнейших очагов пашенного земледелия, которое «является своего рода синтезом ручного земледелия и животноводства, возникает всюду, как соединение первой отрасли хозяйства со второй» [145, 172, 206].

Этнический состав и краткие исторические сведения. Большинство населения Вахана и Ишкашима в XIX — начале XX в. составляли ваханцы (*самоназвание «хик», «вахи», «вахони») и ишкашимцы* [1] (*«иш-*

[1] Ваханцы в основном жили в феодальном владении Вахан, занимавшем долины рек Вахандарьи и Памира. На востоке у кишлака Лянгар они граничили с киргизами Восточного Памира, в 20—22 *км* западнее слияния этих рек, образующих Пяндж,— с Бадахшаном, на севере — с Шугнаном. Ишкашимцы с востока граничили с Ваханом, на западе у Сориших — с Гороном. Основная территория Ишкашима находилась *на левобережье Пянджа. На правобережье они жили в* нескольких кишлаках, у излучины названной реки.

В настоящее время ваханцы живут в Ишкашимском районе Горно-Бадахшанской области (ГБАО), на правобережье Пянджа и в долине Памира от кишлака Лянгар на востоке до кишлака Видит на западе. Ишкашимцы — на побережье Пянджа от кишлака Авдж до кишлака Наматгут. По данным 1959 г. (собранным о родном языке), численность ваханцев составляла 7 тыс., ишкашимцев — 500 человек.

кошими») — восточноиранские народности [39; 42; 11; 116; 96, 5—14, 156—169], родные языки которых вместе с языками других народностей Западного Памира (язгулемцев, рушанцев, бартангцев, шугнанцев) относятся к восточноиранской группе [108, 333—339; 111; 112; 113; 126; 137].

Из-за отсутствия официально опубликованных данных переписи население Вахана и Ишкашима исчислялось исследователями весьма приблизительно. Так, Гордон [52, 21] считал, что численность населения Вахана в 1874 г. около 3 тыс. человек (не более 500 семей).

Феодальные междоусобицы вызывали уменьшение населения (захват в рабство, миграции в соседние страны — Сарыкол, Кашгар, Читрал, Дарваз и др.). А. А. Бобринской [42, 42; 5, ф. 115, 3—11] приводит данные за 1901 г. по правобережному Вахану и Ишкашиму (вместе): мужчин — 1296, женщин — 1132, всего — 2428 человек, дворов — 219 [42, 42; 5, ф. 115].

Статистические сведения из архива А. Е. Снесарева от декабря 1902 г. о селениях, находящихся по правому берегу р. Пяндж в Вахане, дают численность населения, равную 1525 человекам (из них мужчин — 470, женщин — 460, мальчиков — 335, девочек — 260). Общая численность населения Ишкашима равняется 903, из них мужчин — 491, женщин — 412 человек.

Народности Западного Памира исследователи называли «горцами верховьев Пянджа», «иранскими племенами Западного Памира», «припамирскими народностями» и «памирскими таджиками». Последние два термина утвердились в советской этнографической литературе.

Этнические процессы последних десятилетий на Западном Памире дают основание рассматривать названные выше народности как этнографические группы памирских таджиков [95, 96, 156—169].

По религии верующие ваханцы и ишкашимцы — мусульмане-исмаилиты[2].

В антропологическом отношении ваханцы и ишкашимцы, как и другие памирские таджики, относятся к памиро-ферганскому типу европеоидной расы и являются в основном потомками древнего местного населения [110; 51; 127], которое, судя по археологическим материалам и древним письменным источникам (античным и китайским), было оседлым и занималось земледелием и скотоводством. А. Н. Бернштам датирует начало оседлых поселений Западного Памира даваньским периодом (III—I вв. до н. э.) [35, 87; 36, 129]. По данным Птолемея (древнегреческий географ II века н. э.), Западный Памир был населен комедами. Он включал весь Памир в страну саков, что дало основание А. М. Мандельштаму полагать, что комеды входили в состав саков [87, 83—84].

Изучив крепости Вахана, археолог А. Д. Бабаев считает, что, продвинувшись в долину Вахана, некоторые группы саков не могли вести кочевую жизнь и постепенно перешли к оседлости, став одним «из древнейших пластов населения Вахана» [25; 26].

Многие исследователи [42; 15; 94; 96, 65] полагают, что современное население Вахана и Ишкашима, а также Язгулема, Рушана, Шугнана — смешанного происхождения. «Хотя основная масса жителей Западного Памира была аборигенами страны, которые жили в ней испокон веков, тем не менее многочисленные события, происходившие главным образом в соседних районах, временами вынуждали определенную часть населения к бегству в горы, что в свою очередь способствовало дальнейшему смешению народов» [65, 31].

---

[2] Исмаилиты — одна из сект шиитского толка в исламе [см. 41; 131; 89; 96]

Интересные материалы о Вахане мы находим в описаниях китайских путешественников. Путь через Вахан был «кратчайшим... из Хотана до Бактрии и Индии» [8, 59].

Эти источники свидетельствуют, что уже в VII в. припамирские страны, в которых жили оседлые народы, были хорошо известны китайцам [23, кн. IX, № 1; 40]. Китайский путешественник Сюань Цзан, проезжавший в 640 г. через Вахан, отметил, что жители этого района «сеют немного пшеницы... культивируют в небольшом количестве овощи» [23, 62; 50а].

Арабские географы и историки IX и X вв. также дают интересные сведения о населении, отмечая, что на Памире существует три государства: Вахан, Шугнан и Керран [30, 66—67; 144].

Политическая история феодальных владений верховьев Пянджа, в том числе Вахана и Ишкашима, бывших в средние века фактически самостоятельными, а с XVIII до конца XIX в. периодически находившихся в вассальной зависимости от Дарваза, Кундуза, Бадахшана, Афганистана, Бухарского ханства, изложена в трудах востоковедов И. Минаева [91], Путяты [117], В. В. Бартольда [30], А. А. Бобринского [42], А. Е. Снесарева [134], Н. А. Кислякова [70], Б. И. Искандерова [65, 66], Т. Г. Абаевой [8] и других исследователей. Мы остановимся лишь на характеристике земельных отношений.

В Вахане и Ишкашиме, как и в других припамирских странах, население делилось на сословия [11, 8—9; 65, 153—154; 152, л. 48]: привилегированное, куда входили светские феодалы (ша, или миры — правители, их родственники, акобиры или наукары — военные дружинники из родовой знати), и духовное (шо, или пиры, иначе ишаны — у исмаилитов духовные наставники верующих, их помощники халифа́ и шейхи — последних М. С. Андреев считает представителями существовавшего до принятия ислама жреческого сословия) [15, 38—39]. Пиры были освобождены от всяких налогов. По сообщению наших информаторов[3], помощники пиров — халифа́ и их близкие родственники вместо $^1/_{10}$ урожая зерна в пользу Ага-хана могли по желанию дать и $^1/_{40}$ или $^1/_{50}$, а иногда и ничего. Привилегированное сословие держалось особняком от податного, браки между ними не заключались.

Чокары — слуги, состоявшие на службе у правителя, тоже были освобождены от налогов.

Податное сословие составляли крестьяне-общинники — райят. Как и в других припамирских владениях, землевладение в Вахане и Ишкашиме несколько отличалось от землевладения, господствовавшего в Бухарском ханстве [75; 73; 65; 10; 32; 33; 96]; здесь не было ленных земель — танхо [75, 100], вакуфные же земли встречались очень редко.

В припамирских владениях существовали следующие категории земель: шахские («замини шохи») — частная собственность светских и духовных феодалов; наследственно-владельческие («замини-хонаи-падар») — находящиеся в пользовании крестьян; султанские — государственные (*принадлежали местным правителям, затем—эмиру бухарскому*); общинные — пастбища, леса, магистральные каналы (находились в нераздельном пользовании сельских общинников) и вакуфные земли.

Вакуфные земли были обнаружены нами только в кишлаке Зунг (Вахан). Эти участки были подарены мазару Шокамбар. Ими распоряжался пир Сейид-Карам-Али-шо — один из крупных пиров, живших в Зунге. Он распределил их между крестьянами (своими мюридами),

[3] Полевая запись 1969 г.

которые обрабатывали эти участки. Половину урожая с них пир брал себе, якобы для бога, а другую половину отдавал работавшим на участке мюридам с условием, что каждый из них устроит общественное угощение в честь мазара (в память святого).

Существовали в Вахане и земли типа вакуфных — так называемые божьи земли («замини саркори» — букв. саркор — «руководитель», эпитет бога). В прошлом это были наследственно-владельческие земли, подаренные их владельцами Ага-хану в лице пиров (без всяких грамот, устно) для «спасения» жизни заболевших близких людей. Например, пир Сейид-Карам-Али-шо, живший в кишлаке Зунг, имел в кишлаке Вранг семь участков божьей земли, на которых ежегодно сеял 21 пор зерна (в данном случае пор равен 6 тюбетейкам зерна; см. гл. «Ирригация» настоящей работы). Эти земли обрабатывали мюриды Сейид-Карам-Али-шо во главе с халифой. Бóльшую часть урожая пир забирал себе, а мéньшую и мякину отдавал крестьянину, который следил за посевами в период вегетационного развития растений (поливал, жал, обмолачивал).

Кишлаки в Вахане и Ишкашиме представляли собой соседскую сельскую общину — кабиль, состоявшую из одной или нескольких групп родственных семей — авлод (каум и кында у ишкашимцев, тухм — у ваханцев), аналогичных кауму язгулемцев, и гру, гуру шугнанцев. Л. Ф. Моногарова эти семейно-родственные группы считает патронимией, т. е. группой близких родственников [94, 51—55, 11—12, 23; 96, 37—38], ведущих свое происхождение от общего памятного предка. В ряде отношений эти родственные семьи сохраняют хозяйственное, общественное и идеологическое единство, хотя каждая семья и представляет собой самостоятельную единицу [81, гл. I, II]. Каждая патронимия объединяла несколько родственных между собой больших патриархальных семей (в последней стадии развития называемых «неразделенными») и малых, число которых вследствие разделов постепенно увеличивалось к концу XIX — началу XX в. Хозяйства и семьи[4], входившие в одну семейно-родственную группу (патронимию), обычно жили по соседству, что характерно не только для других припамирских народностей, но и для Бадахшана, Афганистана и Дарваза [69, 22—23]. Они обычно помогали друг другу в сельскохозяйственных работах, при постройке жилищ, в проведении свадеб, во время похорон, в выплате налогов и т. п.

Главой семейно-родственной группы был старейший, с ним обычно советовались главы больших патриархальных и малых семей [79, 14—15, 17—24] по различным хозяйственным и семейным вопросам. Члены одной патронимии (в большом кишлаке их могло быть несколько) имели свое определенное место для погребения умерших.

Прежде земля считалась собственностью патронимии, но к XIX в. она уже была поделена между большими патриархальными и малыми семьями, превратившись в их частную собственность, передававшуюся по наследству.

Кишлачную общину в Вахане и Ишкашиме составляли несколько или одна патронимия, подразделявшаяся на большие патриархальные (неразделенные) [139, 173—177; 38, 23—24] и малые семьи, главы которых в маленьком кишлаке представляли совет сельской общины, в большом кишлаке совет составляли главы патронимий.

На общем сходе кишлачной общины выбирали мироба — человека, следящего за состоянием каналов ирригационной сети и регулирующе-

---

[4] Хозяйство и семья называются одним термином — буна (в Бадахшане — буне [8, 24; 65, 102]).

го водопользование между общинниками. Спорные вопросы между своими мюридами решал пир, а уголовные дела судья — кози (в начале XX в. живший в кишлаке Ямг). Староста — аксакал (арбоб при бухарцах) был в каждой кишлачной общине, если кишлаки были большие, и один на два-три кишлака, если они были маленькие.

Сбором налогов занимались назначенные миром его приближенные, во времена бухарцев — амлякдоры.

Пережитки общинного землепользования проявлялись в кишлачной общине в том, что вся община продолжала пользоваться пастбищами и водой из магистральных каналов. Кроме того, все они были обязаны придерживаться единых для всех членов общины сроков сельскохозяйственных работ: пахоты, сева, полива, жатвы, обмолота и переноса зерна. Водопользование здесь отличалось от других районов Средней Азии, где несколько селений пользовались единой для всех оросительной сетью, а в Припамирье каждый кишлак имел свою ирригационную систему, и если в кишлаке было много воды, очередность не практиковалась.

Принудительного и обязательного севооборота здесь не было [75, 120], но сроки выгона скота на летовки и возвращения в кишлак были едины для всех, чтобы избежать потрав и продуктивнее вести выпас скота на жнивье. Так как в Вахане и Ишкашиме трав было мало, то не существовало общих сенокосов; хозяйство заготовляло сено только для себя, траву жали на межах, по берегам оросительных арыков, проходивших по собственной земле.

В коллективной работе общинники участвовали при сооружении ирригационной сети, ремонте и чистке каналов, а также в проведении троп и дорог.

Сельское хозяйство крестьян (вместе с домашними промыслами), обеспечивающее их питанием, одеждой, утварью и всем необходимым, можно определить как «патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство» [4, 207].

Все исследователи [11; 45; 94; 96; 65; 8] отмечают, что у народностей Западного Памира, в том числе в Вахане и Ишкашиме, были многочисленные семьи. Патриархальная семья (в последней стадии своего развития так называемая неразделенная) состояла из нескольких брачных пар. Возглавлял ее калонтари хона, представлявший семью на сельском сходе. Он распоряжался всем имуществом и бюджетом семьи, решал вопросы заключения браков, распределял работу среди мужчин, которые занимались всеми сельскохозяйственными работами. Его жена ведала продуктами, молочным хозяйством и распределяла работу среди женщин семьи. Женщины в основном ограничивались занятием в домашнем хозяйстве и принимали участие только в некоторых земледельческих работах: разбивали мотыгой комья земли за пахарем, убирали мелкие камни с поля, вязали снопы, помогали при веянии и чистке зерна.

В состав патриархальной семьи обычно входили женатые сыновья главы семьи с детьми, незамужние дочери, неженатые сыновья, несовершеннолетние дети главы семьи, иногда его женатые братья со своим потомством и старики родители. Вся семья часто жила в одном большом доме.

В XIX в. обычно после женитьбы внуков семья разделялась. После смерти отца семью возглавлял наиболее расторопный из сыновей, лучше других умевший вести хозяйство.

Семья (хозяйство) выступала в качестве податной единицы.

Своему миру ваханцы и ишкашимцы платили «с дома по одному барану и по чашке масла». В случае, если миру требовалось еще что-

нибудь сверх положенного для угощения гостей или для подарков, то он посылал за сбором необходимого своих ,нукеров, которые брали у жителей нужные миру предметы, чаще шерстяные чекмени или лишних баранов. Денег в Вахане не было. Главный доход миры извлекали из проходивших через страну караванов [42, 65].

Подати, как мы видим, носили натуральный характер. Барщину местным феодалам крестьяне отрабатывали в форме кыряр, т. е. общественной «помочи», что наглядно иллюстрирует использование общинно-родовых пережитков в классовом обществе. Поземельный налог «ушр» взимался в размере $^1/_8$ от высеваемых на пахотном участке семян.

После захвата Афганистаном в 1883 г. Вахана и Ишкашима поземельный налог был увеличен и взимался в количестве, равном высеянным семенам. После передачи этих регионов Бухарскому эмирату ушр (херадж) с наследственно-владельческих земель стал равен $^1/_8$ части урожая. Херадж представлял собой феодальную ренту-налог, так как эмир бухарский считался верховным собственником всей земли. К. Маркс писал: «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают» [2, ч. 2, 354]. Следует подчеркнуть, что крестьяне Вахана и Ишкашима, как и других припамирских владений, испытывали тяжелый тройной гнет: от своих миров, затем от афганских, а в последующем от бухарских властей и русского царизма и одновременно от исмаилитского духовенства с его многочисленными поборами. Исмаилитское духовенство с каждого хозяйства взимало натуральный налог саркори — божьей доли в пользу Ага-хана ($^1/_{10}$ часть урожая зерновых культур и $^1/_{20}$ часть поголовья скота). Со 100 голов крупного рогатого скота отдавали одну корову, или двух телок, или пять овец. С 40—50 голов овец брали шерсть с одной овцы (без веса). С 50 голов дойных коров пять — восемь дней за весь сезон выделяли для саркори, в течение этого времени все молоко с 50 коров шло на приготовление масла (примерно 14—18 *кг*). Сами хозяева за это время ничего от этих коров не брали — ни молока, ни масла. Имевшие от 5 до 10 дойных коров выделяли на саркори два дня, а те, у кого было от одной до пяти коров, выделяли один день.

Пир заставлял своих мюридов в порядке «добровольной» помощи (кыряр) безвозмездно работать на своей земле (три раза в году для вынесения удобрений на поля, во время весенней пахоты, жатвы, обмолота, при заготовке сена и дров, ремонта дома и т. п.). Для феодалов, зажиточных крестьян и духовенства, эксплуатировавших своих односельчан и беднейших родственников на барщине под видом участия их в коллективной «помочи», было выгодно использовать общинные традиции, так как участникам такой «помочи» ничего не платили — ни натурой, ни деньгами (в первые десятилетия XX в.), а только кормили во время работы.

Исследуя сельскую общину и ее расслоение в афганской деревне, в частности в Панджшире и Бадахшане, А. Д. Давыдов считает, что одним из атрибутов сельской соседской общины были «различного рода производственные артели и помочи, зачастую включающие взаимопомощь родственных семей» [55, 79]. При социальной дифференциации сельской общины многоземельные хозяйства «больше всего пользуются выгодными для них помочами, превращая общинно-артельную кооперацию по существу в базис капиталистической кооперации» [55, 79].

Патриархально-родовые традиции взаимопомощи, однако, суще-

ственно облегчали положение бедняцких хозяйств (их было 66,9%). Н. А. Кисляков [69, 33—34] и другие исследователи характеризуют «помочь» (бытовавшую достаточно широко среди народов Средней Азии [93; 122; 20; 118; 119] и сопредельных стран [8; 55]) как обычай коллективной помощи соседу, односельчанину или родственнику, который по тем или иным причинам не может справиться с какой-либо срочной сельскохозяйственной работой. Причиной может быть болезнь, недостаток рабочих рук и т. д.

Товарищеская коллективная взаимопомощь — кыряр — между беднейшими односельчанами — соседями и прежде всего родственниками, членами одной патронимии, основывалась на равноправных взаимовыгодных условиях для выполнения различных сельскохозяйственных работ.

Другой формой товарищеской производственной взаимопомощи между беднейшими крестьянами была супряга — алгоу, известная под этим названием и в других районах Средней Азии [69; 122; 118; 8] (алгов в Вахане и Ишкашиме). В нее на год объединялись два-три и больше хозяйств, имевших по одному волу и одинаковое количество земледельческих орудий. Крестьянин, не имевший этого, не мог входить в такую артель. В исключительных случаях, например когда один из членов артели по болезни не мог работать, вместо него принимали крестьянина, который мог предложить только свои рабочие руки. Члены артели могли все вместе сегодня выполнить работу в одном хозяйстве, на другой день — во втором и т. д.

Алгов отличается от общественной коллективной помощи кыряр тем, что последний созывается периодически для выполнения определенной работы, а алгов (производственная кооперация) действует весь сельскохозяйственный год и члены ее на равный труд тратят равное количество времени. Если члены алгов останутся довольны своим товариществом в совместной работе, то оно будет между ними существовать и в последующие годы. Специального угощения члены алгов не устраивали, довольствовались обычной пищей.

В Вахане и Ишкашиме была распространена производственная артель — амбоз[5] в форме как товарищеской взаимопомощи, так и «помощи» на кабальных условиях. На правах товарищеской взаимопомощи для производственной работы объединялись хозяйства, не имевшие совсем или в необходимом количестве орудий труда, тягловой силы (волов), семян и достаточной рабочей силы. Например, в такой амбоз объединялись два бедных хозяйства, одно из которых имело землю (участки), но не имело семян, тягловой силы и достаточных рабочих рук, другое, наоборот, имело семена, тягловую силу и рабочие руки, но не имело земли. Они обрабатывали участок совместно или только тот, кто имел волов, семена и рабочие руки. После уборки урожая его делили. Например, урожай собрали в 50 пор (мера сыпучих тел). Его делили по договоренности поровну — по 25 пор, мякину оставляли владельцу земли. Если же второй (т. е. тот, кто дал семена) член амбоза по договору не принимает участия в работах по поливу, уходу за растениями в вегетационный период и в жатве, то он получает только 20 пор, а остальные идут хозяину земли. Мякину по договоренности брал себе обычно владелец земли, но они могли и поделить ее поровну.

При другом варианте амбоза бедных крестьян, из которых один имел только землю, а другой — семена, тягловую силу и рабочие руки,

---

[5] Производственная артель такого типа в Дарвазе, Каратегине называется «шарики» [122, 116—121; 65, 130].

они делили землю на одинаковые участки после пахоты и сева, подготовки полей к поливам, каждый из членов амбоза в вегетационный период работал самостоятельно, сам жал, обмолачивал и полученный урожай и мякину со своего участка брал только себе. Если безземельный крестьянин получал бо́льший урожай со своего участка, чем владелец земли, то он по своему желанию отдавал хозяину земли от 5 до 10 пор зерна.

Если бедный крестьянин не мог найти себе напарника для амбоза, то, имея, например, землю, тягловую силу, рабочие руки и не имея семян, обращался к зажиточному хозяину за семенами. Зажиточный крестьянин не давал ему зерна в долг, а предлагал амбоз уже на кабальных условиях, т. е., давая семена для посева, сам принимал участие только в обмолоте (чтобы напарник не утаил хоть какую-то часть зерна), а в других земледельческих работах не участвовал. При таких договорных условиях урожай и мякину делили пополам, $^1/_{10}$ отдавали для саркори. Если же владелец семян ни в какой работе не участвовал, то занявший зерно получал 50% урожая и всю мякину [6].

Вахан и Ишкашим, как и другие припамирские владения в начале XX в., были экономически отсталыми, здесь господствовали, как и в большей части Средней Азии, докапиталистические [3, 244], т. е. феодальные и патриархально-феодальные отношения.

В кишлачной общине ишкашимцев и ваханцев в результате проникновения капиталистических элементов и развития товарно-денежных отношений, особенно усилившихся после присоединения к России, уже с конца XIX в. внутри сословного деления появились различные по социальному положению группы. Это относится и к податному сословию райят, которое уже не было социально однородным [10, 16—17; 32, 61—62].

Зажиточными на Западном Памире считались хозяйства, имевшие от 5 до 25 десятин земли, середняками — от 2 до 5, бедняками — до 2 десятин, безземельными — те, кто в основном работал по найму в зажиточных хозяйствах (составлявших всего 5,9%), или те, кто был вынужден заниматься отходничеством.

Интересные материалы (от 1902 г.), характеризующие степень зажиточности всех семей правобережных Вахана и Ишкашима, расположенных на территории, находившейся под административным управлением Памирского отряда, содержатся в архиве А. Е. Снесарева [5, ф. 115].

Однако наши материалы дают основание утверждать, что местное население, опасаясь увеличения налогов [7], преднамеренно скрывало от сборщиков сведения о действительном количестве скота и размерах урожая различных культур.

Следует также отметить, что при уборке урожая зажиточные хозяйства широко применяли наемный труд малоземельных и безземельных крестьян — досдырыв, особенно из кишлаков с верховьев Вахандары. За день работы по уборке зерна, независимо от количества сжатых снопов или их переноса на ток, обмолота, переноса мякины в хозяйственное помещение, платили 1 пор зерна (от 4 до 6 тюбетеек зерна). На работу батрак приходил обычно рано утром и работал с хозяевами до позднего вечера. Если он был из дальнего кишлака, то ночевал и питался у хозяина, причем хозяин не вычитал у него за это из причитающейся ему платы.

---

[6] Полевые записи 1968 и 1969 гг. [7].

[7] Следует отметить, что с переходом края к России налоги были снижены — ушр до $^1/_{20}$, а зякет — до $^1/_{80}$ [см. 10, 16—17; 32, 61—62].

Подводя итоги изложенному, напомним еще раз, что в XIX — начале XX в. ваханцы и ишкашимцы, как и другие припамирские народности, жили в полузависимых феодальных владениях, где господствовал натуральный уклад в хозяйстве. Крестьяне испытывали тройной гнет: от светских феодалов и периодически от более сильных завоевателей — Бадахшана, Афганистана, Бухарского ханства и одновременно от исмаилитского духовенства.

Жестокая эксплуатация крестьян феодалами и зажиточной верхушкой сельской общины особенно усилилась после присоединения края к России, отягощаясь элементами развивающихся капиталистических отношений. Однако налоги оставались натуральными, и, даже применяя наемный труд, зажиточные хозяйства расплачивались с батраками и нанимаемыми на время уборки работниками натурой. Торговля в основном была в форме обмена.

Глава II

ИРРИГАЦИЯ

На протяжении многих веков земледелие являлось важнейшим источником существования населения Вахана и Ишкашима. В этом горном районе с сухим климатом и легко проницаемыми для воды почвами [1] на орошаемых землях издавна выращивались зерновые, огородные и бахчевые культуры, а также плодовые деревья. Эти земли расположены преимущественно на террасах р. Пяндж по соседству с селениями или же недалеко от них, в ущельях на террасах боковых притоков р. Пяндж. Протянувшиеся вдоль правого берега р. Пяндж Шахдаринский и вдоль левого берега р. Памир Ваханский хребты и Гиндукуш имеют среднюю высоту над уровнем моря, превышающую 6500 *м*. Эти горы покрыты вечными ледниками. Ледники Ваханского хребта и являются главными источниками питания многочисленных притоков р. Пяндж на территории орошаемых земель Вахана и Ишкашима. Все обрабатываемые земли долин этого района расположены значительно выше уровня р. Пяндж, поэтому выводить из него воду население не могло и приспосабливало для поливов полей боковые притоки Пянджа, снеговые воды горных потоков, родников и временных ручьев, спускающихся вниз по ущельям. Сама природа гор с обилием быстротекущих ручьев и речек подсказывала человеку приемы и пути использования их вод для орошения полей. Пятьдесят лет назад о системах орошения Горной Бухары и Бадахшана писал Н. И. Вавилов: «Овладение водой для полива не требует здесь больших усилий. Горные потоки легко могут быть отведены самотеком на поля. В земледельческих районах Горной Бухары, в Бадахшане можно видеть до сих пор разнообразные примитивные этапы земледельческой эволюции, сохранившиеся, вероятно, неизменными целые тысячелетия и иллюстрирующие до сих пор различные фазы земледельческой культуры» [49, т. I, 170—171].

Природные условия ирригации. Характерной чертой Вахана и Ишкашима является прежде всего высокое положение над уровнем моря, большая глубина долин, узость ущелий, т. е. сочетание эрозионных и ледниковых форм высокогорного рельефа.

С древнейших времен хозяйственная деятельность человека на Западном Памире отражает специфику местных географических условий. Рельеф, растительность, почвы и климат подчинены здесь вертикальной зональности, с которой связаны и традиционные особенности хозяйства населения.

[1] Годовую сумму осадков на всей территории изучаемого района О. Е. Агаханянц определяет в 100—150 *мм* [см. 9, ч. 1, 121, 128, 145].

Особенности земледелия, складывавшиеся на протяжении веков на Западном и Южном Памире, можно рассматривать как проявление исторически сложившейся общности конкретных естественно-производственных условий и хозяйственной деятельности человека [109, 41, 49; 101, 101—108; 96, 52—55].

Этнографическое изучение земледелия Вахана и Ишкашима выявило особенности высокогорного земледельческого хозяйства и многообразие его форм. Этнографический материал свидетельствует о давних традициях орошаемого земледелия Западного Памира. И здесь прежде всего следует обратить внимание на общественно-коллективный характер разнообразных работ, связанных с ирригацией, что представляет, на наш взгляд, весьма древнюю местную традицию Вахана и Ишкашима.

Нужно подчеркнуть, что в высокогорной зоне в Вахане и Ишкашиме (свыше 2500 *м*) похолодание наступает на полтора-два месяца раньше, чем в центральных и северных районах Таджикистана. В горах уже с октября выпадает снег. Благодаря обильным снегопадам там ежегодно скапливаются огромные запасы снега, которые служат главным источником питания ручьев и горных речек. Таяние снегов начинается с середины мая. Наиболее многоводный сезон приходится на июль — август.

Если зимой выпадает много осадков, то в притоках бывает достаточно воды для полива зерновых культур на весь вегетационный период, в отличие от Дарваза, где полив производят только до «цветения и наливания колосьев» [140, 125]. Если же уровень воды снижается на две недели раньше созревания зерновых, то это резко сказывается на полноте зерна. Иногда из-за плохой погоды полив прерывается, что влияет на качество и урожайность зерновых. Примером может служить 1969 г., когда в самом начале июля в течение двух дней была очень плохая погода, в долинах дул сильный ветер с дождем, а в горах выпал снег, в результате чего резко сократилось таяние снега и льда в горах и упал уровень воды в арыках. Поливные работы были возобновлены только на пятый день.

Многоводные притоки правого берега Пянджа в районе Вахана и Ишкашима берут свое начало непосредственно в ледниках высокогорья, возле ущельев кишлаков Рын, Наматгут, Шитхарв, Вранг и др. Вода этих притоков используется для орошения и для других целей: для работы мукомольных водяных мельниц, для снабжения населения водой и т. д.

Для поливов берут также воды многочисленных родников. Эти источники постоянные, но не многоводные, часть их соединяется с ледниковыми водами, которые, в свою очередь, сливаются в мелкие ручьи. Многие из них используются для орошения. Для этого создаются постоянные небольшие водохранилища; так, для орошения земель верхнего квартала кишлака Зунг в горах на высоте около 4 тыс. *м* сооружено такое водохранилище. Его техническое устройство и выбор места оригинальны (подробнее см. ниже) [2].

Еще одним источником орошения являются временные водопады, берущие свое начало в малых ущельях, там, где отсутствуют ледники, и до конца июля сохраняется только одногодичный снег.

Потоки водопадов используются как вспомогательные источники при поливах в жаркое время. В малоснежные годы этот источник иссякает уже в середине июля.

---

[2] Такое водохранилище было обнаружено в кишлаке Кал'а поселка Рошткала Шугнанского района ГБАО во время работы Памирского отряда Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР в 1970 г. [см. 19, 64; 21, 9, 11—12; 14].

Каждый кишлак имел свой отдельный оросительный канал. Арыки проводились по-разному, исходя из топографических условий расположения кишлака. Чем больше воды было в кишлаке, тем легче и удобнее было брать воду для различных хозяйственных нужд и тем больше было зелени в садах.

В некоторых усадьбах арык проходит по середине двора, а иногда и под кухней дома. Из усадьбы арык выходит наружу и направляется в сторону орошаемых земель. После наступления заморозков воду по арыкам перекрывают, так как, замерзнув, она крайне затрудняет чистку арыков весной. Зимой воду для нужд населения привозят либо из р. Пяндж, либо из ручьев боковых ущелий.

Общая характеристика гидротехнических сооружений. При строительстве оросительных каналов и их головных сооружений в прошлом использовались лопаты (железные и деревянные), кирки (кирки маленького размера производились на месте), деревянные ломы, даже рога горного козла [99].

Строительными материалами при проведении каналов в изучаемом районе в прошлом служили камни, щебень, глина, дерн, бревна разного размера, хворост, конский навоз, ветки кустарников, мелкая солома, кошмы и всякое тряпье.

Каналы начинались высоко в горах и часто проходили по крутым, почти вертикальным скалистым склонам. На пути бурно текущей с гор воды можно было встретить много водопадов, причем высота некоторых из них достигала 10—40 *м*. Общая длина искусственных каналов на отдельных относительно ровных участках, как правило, не превышала 1—2 *км*, реже — от 2 до 4 *км*, а общая длина оросительных систем — до 10—12 *км* [26, 67; 122, 58; 159, 27]. Провести канал такой протяженности по крутым склонам гор было делом нелегким. Это заставляло односельчан объединяться и выходить на работу сообща и коллективно решать организационные вопросы, связанные со строительством оросительных систем.

Вода, бурно текущая с гор, по мере приближения к долине замедляет свое течение, и на посевных полях на расстоянии десятков метров она течет в арыках медленно; здесь на конусах выносов и расположенных ступенчатыми террасами полях под оросительным каналом сделан ряд искусственных водосливов для предохранения почвы от эрозии, а стенок арыков от разрушения. Об этих особенностях использования воды в горах писал географ Ю. Г. Саушкин: «Вода — друг таджикской земли, она превращает сухую почву в колосящееся поле, но одновременно она же и ее враг, так как устремляется на нее с такой силой, что ежегодно производит значительный смыв верхнего почвенного горизонта и уносит с поля большое количество питательных веществ» [129, 389].

Характерной чертой оросительных систем на горных полях Вахана и Ишкашима является то, что арыки обходят по периметру каждое поле (от малого до крупного) и соединяются друг с другом (см. глазомерные схематические карты, рис. 8 и 9). Эта особенность часто мешает разобраться в сложной схеме оросительной системы.

В Ишкашиме и Вахане много старинных каналов, существующих уже сотни лет [29, 67]. Даже старожилы этого края не помнят, когда и кем они были построены. Существуют и сравнительно недавние каналы, которые были сооружены во второй половине XIX — начале XX в. Историко-этнографические материалы позволяют восстановить общую картину работ, связанных с проведением ирригационной системы в этот период.

Сооружение каналов начиналось с того, что староста селения со-

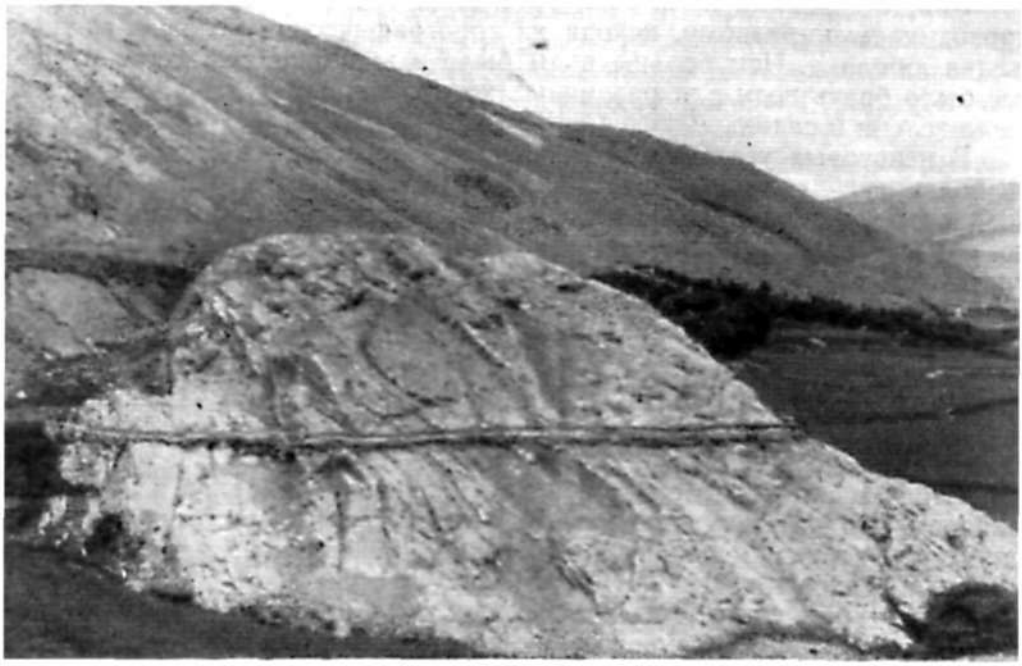


Рис. 3. Ложе оросительного канала на склоне горы близ кишлака Ляшгар в Вахане

ветовался со знатоками ирригационного дела о выборе наиболее удобного места и о направлении канала. Такой знаток с двумя-тремя помощниками, побывав рано утром на месте, где предполагалось сооружение головной части канала (сарзывор, зыворгаш в Вахане, сарджу в Ишкашиме), определял его направление и намечал трассу знаками в виде камней или колышков. После этого арбоб (староста) собирал народ и требовал, чтобы каждое хозяйство выделило одного или двух работников. Это было связано с традиционными правилами распределения воды и орошаемой земли между хозяйствами. Если какое-либо хозяйство без причины отказывалось от участия в работе, то оно лишалось новых участков орошаемой земли и воды из вновь проведенного канала.

Если новый оросительный канал проводился одним индивидуальным хозяйством, то все организационные вопросы решал сам хозяин и на нем лежали все расходы. Если индивидуальную оросительную трассу не кончали за год, то строительство переносили на последующие годы. Все работы производились вручную, и если трасса канала проходила по обрывам и скалистой местности, то работы продолжались особенно долго. Индивидуальные каналы, как правило, могли проводить только состоятельные люди. Длина этих каналов была намного меньше, чем длина общественных, не говоря об их ширине и глубине.

Ширина каналов у головных сооружений до первого или второго разветвлений не превышала 1 *м* и очень редко доходила до 1,5 *м*, глубина была от 60 до 80 *см*. Ниже первого или второго разветвления каналы имели ширину до 50—60 *см*, а глубину — до 40 *см*. Распределители подавали воду нескольким хозяйствам и к оросителям (т. е. арыкам) непосредственно к полям и на поля.

Обычно трассу нового канала сооружали осенью после уборки урожая, когда крестьяне освобождались от других сельскохозяйственных работ; кроме того, важно было завершить строительство канала до начала вегетационного периода, чтобы обеспечить водой целинную землю.

Осенью строительство новых каналов продолжалось только до наступления холодов. После промерзания почвы рытье каналов становилось невозможным, и работы возобновлялись с началом весны.

Необходимо отметить, что в прошлом опытный крестьянин, руководивший проведением канала, в присутствии всех работников определял небольшой участок работ для каждого. Участок канала обмеряли при помощи 5—6-метровых веревок и уже после этого начинали копать трассу. После того как канал достигал определенной глубины, пускали воду для проверки равномерности течения воды [29, 67]. Если на каком-то участке вода не текла по намеченной трассе, то этот участок углубляли или проводили трассу ниже, чем было задумано. Работы велись в горах, на крутых склонах, и случалось, что на трассу канала попадали каменные глыбы, затруднявшие ход работы. Для удаления таких камней под ними делались углубления, а с противоположной стороны, действуя деревянным бревном как рычагом, сильным движением сталкивали их вниз. Если трассу не удавалось очистить таким способом, то привозили необходимое количество бревен и веток, обкладывали ими камень и зажигали, чтобы камень раскалился, затем его быстро обливали холодной водой, отчего он трескался [106, 112]. Огромные глыбы, которые невозможно было убрать с дороги, приходилось обходить, сооружая искусственную стенку из камня, щебня, хвороста, дерна, а по верху ее проводить канал, чтобы вода смогла по нему обойти преграду (см. рис. 3).

Громадные трудности стояли перед ирригаторами там, где канал проходил по крутым склонам и обрывам [29, 67; 122, 58]. В подготовке проведения такого канала кроме руководителя работ, опытного земледельца-ирригатора, участвовали еще несколько хороших специалистов по укладке камней. Если уклон был не очень большой, то возводили стену для трассы канала при помощи камней, щебня, хвороста, конского навоза и др. Но иногда на обрывистых склонах не было возможности соорудить такую стену по намеченной трассе, и тогда прибегали к приемам, хорошо известным местному населению при строительстве овринго в — дорог [48, 18]. В скалу вбивали деревянные клинья, используя для этого любые естественные трещины или пробивая специальные углубления. Количество таких клиньев-кронштейнов зависело от длины участков по скале и от надежности их закрепления. На эти кронштейны укладывали бревна и хворост, укрепляя их рогатками. Поверх всего этого клали камень вместе с дерном в два-три слоя. Дерн вместе с соломой, кусками кошмы и тряпьем образовывал покрытие ложа канала и не давал воде просачиваться. Если на пути трассы канала встречались впадины, то их заполняли камнями и щебнем, перекладывая каждый ряд камня хворостом. Если ширина подпорной стены канала превышала 2 -3 *м*, то для укрепления конструкций в середину каменной кладки ставили бревна определенными рядами. Самую верхнюю часть стены укрепляли дерном, глиной, конским навозом и различным тряпьем. Поперечный разрез такой подпорной стены канала имел вид трапеции — ее основание было шире, чем верхняя часть. Такие же приемы использовались и при проведении воды к водяным мельницам. Если канал проходил над дорогой или рекой, то в этом месте с обеих сторон дороги или реки сооружали стены для акведука, на которые укладывали концы деревянных желобов для тока воды. Высота желоба достигала иногда 4—5 *м* над дорогой (см. рис. 4).

В Вахане и Ишкашиме искусственное ложе канала из камней носит специальное название — пыран, желоб — нув (Вахан) или нов (Ишкашим). Деревянные желоба широко использовались для подачи воды через овраги и ущелья и в тех местах, где невозможно было проло-

Рис. 4. Деревянный желоб (в кишлаке Лянгар в Вахане)

жить канал в грунте. Если желоб пересекал ущелье или ручей, то его ложе опиралось на рогатки, обычно сделанные из стволов березы или ивы.

Тип горной ирригации Западного Памира был назван Б. В. Андриановым «горно-ручейковым» [19, 66].

Свое определение он основывает на том, что главными источниками орошения являются боковые притоки крупных рек, таких, как Пяндж, Шахдара и др. Однако наряду с ручьями источниками орошения в высокогорных условиях служат родниковые и временные снеговые воды; головные сооружения магистральных каналов располагаются в горах на большой высоте над уровнем моря (часто до 4 тыс. *м*); вода отводится на поля не непосредственно из горных ручьев, а через сеть каналов.

На основании изложенного выше и учитывая разнообразие способов полива полей, по нашему мнению, правильнее определить этот тип орошения как «высокогорный».

Головные сооружения. *Головные сооружения каналов Памира* вследствие особенностей физико-географических условий высокогорья заметно отличаются от таких же сооружений, распространенных в долинах и предгорьях Таджикистана [57; 59; 68] и Узбекистана [96; 22; 114; 54; 83; 148; 85; 86; 18; 97]. В Вахане и Ишкашиме источник воды, как правило, начинался в горах, и вода, спускаясь по узким крутым ущельям, приобретала здесь большую скорость течения. При строительстве гидротехнических головных сооружений в горах учитывалась скорость течения, колебание уровня воды в зависимости от времени года, особенно повышение ее уровня летом, чтобы предохранить дамбу плотины от размыва. Например, в кишлаке Вранг в верхней части канала у самого его истока лежит огромный валун, который принимает

на себя основной напор воды и защищает тем самым стенки канала от разрушения. В кишлаке Дриж для защиты дамбы от размыва используется выступ скалы.

Подпорные стены головного сооружения возводят, как правило, с учетом того, чтобы напор воды был направлен не прямо на стены дамбы, а немного наискось. Это способствует долговременности эксплуатации головного сооружения канала. Подобные приемы и знание местных топографических условий при ирригационных работах передаются из поколения в поколение.

Часто оросительная система берет начало в горловине ущелья (см. схему оросительной системы, рис. 8). Оросительные каналы (арыки) обычно следуют уклонам конуса выноса, разветвляясь (иногда под прямым углом) на ряд второстепенных каналов, веерообразно расходящихся вниз. Вода идет из второстепенных каналов через прорези в их стенках и поступает во временные арыки, а из них — непосредственно на поля.

В каждом кишлаке имеется главный арык — головной, из которого берут воду для орошения пахотных земель. Второстепенные арыки играют вспомогательную роль в водоснабжении населения. Головные сооружения этих небольших арыков отличаются от магистральных тем, что они более примитивны. Однако они до сих пор обеспечивают водой крестьянина-земледельца.

При устройстве главной водонаправляющей дамбы (пыран) головных сооружений укладывали в несколько слоев большие тяжелые камни, а для укрепления стенок делали из бревен специальные стойки. К стойкам при помощи скрученных прутьев привязывали бревна, хворост, а поверх до нужной высоты укладывали несколько слоев камней, перемешанных со щебнем, дерном, конским навозом, глиной, соломой и тряпьем. При проведении второстепенных каналов в зависимости от характера местности применялись и более простые приемы сооружений головных водонаправляющих устройств. Общая длина подобных сооружений — от нескольких метров до нескольких десятков метров.

Важным элементом оросительных систем являются водные бассейны, играющие роль водохранилищ и водоотстойников — чот. Хотя водохранилища и водоотстойники называются на местных языках одним термином, их функции различны.

Во время работ в долинах Вахана и Ишкашима в кишлаке Зунг было обнаружено относительно крупное водохранилище, расположенное в верхнем квартале (Дирч). Водохранилище находится на несколько метров выше орошаемых полей и занимает участок шириной 60 и длиной 90 *м*. Местное население не знает, когда построено это водохранилище[3]. Чот со стороны спуска ограничен стеной, сложенной из камня и дерна. Он имеет два водоспуска: первый — для водосброса и частично для очистки водоема; второй — для пуска воды по оросительным каналам. Первый размещен очень глубоко под дамбой, а второй — в верхней части канала с целью ровного отвода воды из водоема.

Главные источники, наполняющие искусственные водоемы, — текущие по направлению к ним родниковые и арычные воды. Другой источник воды — это арычная вода, выведенная из боковых притоков р. Памир выше кишлака Лянгар (расстояние 10 *км*). По этому арыку вода течет только с первой половины мая. Арык проложен на очень высоких горных склонах (около 5 тыс. *м* над уровнем моря). Ближе к кварталу Дирч ложе арыка резко спускается вниз, а затем по осыпям наискось направляется в сторону водоема.

---

[3] Это водохранилище до настоящего времени выполняет свою функцию.

При заполнении водоема водой обычно придерживались следующих правил: после захода солнца и наступления темноты родниковую, арычную и снеговую воду пускали в водоем до рассвета следующего дня. На следующий день рано на рассвете перекрывали арыки, ведущие к водоему, и воду направляли по оросительным каналам. Так пользовались водой до середины сентября. Осенью после окончания полива зерновых культур открывали шлюз — водосброс и спускали воду, для того чтобы до весны высохла болотистая часть водоема.

Специальный водоем-отстойник, обычно имеющий треугольную планировку, также называется чот (Вахан), кул (Ишкашим). Длина водоема-отстойника доходит до 6 *м*, ширина в нижней части у дна — 2—3 *м*, а в верхней суживается до 1 *м*, глубина же при хорошем грунте доходит до 2 *м*. Со стороны ущелья отстойник имеет закрывающееся отверстие или шлюз пырчовга (высота и ширина его бывает различна — от 50 до 80 *см*) для сброса в ущелье песка и гальки при очистке. Назначение чот — предохранить оросительные системы от засорения илом, песком и галькой.

Летом, когда тают льды и снега в горах, быстротекущие воды приносят с гор много песка и гальки. Когда отстойник заполняется галькой (обычно за две-три недели), воду из арыка перекрывают и открывают пырчовга, затем, проталкивая лопатой гальку и песок вниз к отверстию, снова пропускают воду для очистки чота. После очистки чот закрывают пырчовга и пускают чистую воду по арыкам оросительной сети. Такие чот до настоящего времени сохранились в кишлаках Рын и Ныд.

При нормальной скорости течения воды нет необходимости в устройстве отстойника чот. Функцию его выполняет головная часть канала. На расстоянии 10—15 *м* от головной части канала в береговых валиках прорезают несколько отверстий, которые плотно закрывают каменными плитами. Длина прорези отверстий бывает от 20 до 40 *см*, а глубина равна глубине самого арыка. Когда уровень воды поднимается и увеличивается ее объем, главным образом в летний сезон, дно канала заполняется песком и галькой. Для их удаления открывают отверстия и несколько человек, работая одновременно в течение трех-четырех часов, проталкивают лопатами вниз к отверстиям песок и гальку. После очистки отверстия закрывают и начинают полив. Следует подчеркнуть, что через эти отверстия в многоводный сезон сбрасывают и излишки воды для того, чтобы она не смыла береговые валики канала и не размыла поля.

Особое сооружение для сброса излишней воды очень напоминает небольшой мостик, плотно лежащий на береговых валиках арыка. Он регулирует уровень проходящей по каналу воды от неожиданного повышения. Этот вид водосброса строят на расстоянии от 5 до 20 *м* ниже дамбы по течению. В некоторых местах сооружают до двух мостиков-водосбросов. Эти два вида водосбросов называются на Памире тоже пырчовга.

Водораспределительные устройства. Водораспределительные устройства являются одним из важных элементов оросительных систем. В горном орошаемом земледелии они несложны, весьма разнообразны и зависят от рельефа. Регулирование быстротекущих горных ручейков требует надежных приемов и гидротехнических средств, для того чтобы обеспечить полив полей и предупредить смыв почвы. Эти устройства на арыках в береговых отвалах называются шлюзики (в Вахане — ишын, в Ишкашиме — воспин). Размеры их различны. Ширина шлюза у магистрального канала достигает 40—50 *см*, у второстепенных распределителей — 30—40 *см*, а у более мелких оросителей — 18—25 *см*

Для устройства ишына прежде всего нужно приготовить камни, плоские каменные плиты и дерн. Ложе такого шлюзика в разрезе имеет вид трапеции — стены его состоят из камней, уложенных в несколько слоев, между которыми проложен дерн, не дающий воде просочиться через щели. Высота каменной кладки распределительного устройства зависит от высоты берегов самого канала.

Для шлюзования чаще всего использовали плоские каменные плиты, которые иногда приносили либо на своих плечах, либо привозили издалека на ослах. Шлюзы с каменными плитами были удобны в процессе орошения, но требовали неустанной заботы и внимания.

Мелкие водораспределители — ишыны, направляющие воду на поле, отличались особенно большим разнообразием. Если в них отсутствуют плоские каменные плиты, то шлюзы перекрывают двумя или тремя простыми камнями, а сверху засыпают глиной или дерном.

Ремонт оросительных каналов. Ремонт и очистка головных каналов оросительных систем и водохранилищ производится ежегодно в обязательном порядке после празднования Нового года — Навруза [140, 121; 16, 66]. В Вахане и Ишкашиме одновременно с первой пахотой совершают ремонт и чистку оросительных арыков. Трасса каналов, пролегающая, как правило, по крутым горным склонам, ежегодно разрушается снежными лавинами, бурными селевыми потоками, падающими большими валунами и засыпается мелким камнем. Продолжительность ремонта зависит от степени разрушения. По сообщению наших информаторов, в Вахане и Ишкашиме ремонт всех каналов занимал от двух до трех дней, а иногда и больше. Ремонт и очистка каналов были для крестьянина-земледельца очень трудоемкой работой. За время долголетней работы на Памире П. А. Баранов, А. В. Гурский, Л. Ф. Остапович отмечают, что «после многоснежных зим очень часто каналы на большом протяжении бывают засыпаны камнями и мелкоземом и на очистку приходится 10—15% труда, затраченного на первоначальное строительство» [29, 69].

Если каналы требовали ремонта, то тогда собирались члены кишлачной общины, которые пользовались водой для полива из одного и того же арыка. Староста селения определял день начала работ. Все приносили с собой необходимые орудия труда. Начинали работу с головной части канала, спускаясь вниз по магистральным арыкам. Второстепенные части оросительной сети, находящиеся во владении небольших групп хозяйств или отдельного хозяйства, ремонтировались только их членами.

Особенно большое внимание во время ремонта оросительной сети уделяли водораспределительным устройствам в местах разветвления арыков. Для ремонта прежде всего заготовляли камни, каменные плиты и дерн. Затем приступали к самому ремонту. С двух сторон канала укладывали камни до нужного уровня, а между ними прокладывали дерн так, чтобы вода не обходила возведенную стенку канала. Ширина и высота стены канала зависит от места расположения арыка. Для устройства отверстия — водосброса подбирали плоские каменные плиты (ишышсот — местное произношение в Вахане) с таким расчетом, чтобы легче было пускать воду в нужном направлении.

Ремонт водохранилища (называемого тоже «чот»). Как уже говорилось выше, один раз в течение года, сразу после Нового года, занимались ремонтом и очисткой водохранилища в течение одного дня. В его ремонте и очистке принимали участие все без исключения хозяйства кишлачной общины. Для этого выделялись взрослые мужчины от каждого хозяйства, в случае необходимости им на помощь приходили юноши и подростки.

Организатором ремонта фактически был местный богач и духовный наставник — пир. Он ежегодно выделял корову для обеда, которым кормили всех крестьян, участвующих в ремонте водоема. Он же предоставлял и пару волов с пахотным орудием — сыпундр для рыхления глинистой заболоченной земли водоема. Пир сам наблюдал за ходом работ. В назначенный день рано утром все общинники собирались со своими орудиями труда, некоторые приводили волов, приносили пахотные орудия для рыхления дна водоема. В процессе работы один из участников распределял людей по участкам так, чтобы все виды ремонта были обеспечены одинаковым числом людей и чтобы работа была закончена всеми вместе. Одна группа занималась ремонтом стены, другая водосбросов, третья выносила в заплечных корзинах песок за наружную часть водоема и т. д. После ремонта нижний водосброс закрывали до конца вегетационного периода. На следующий день начинали ремонт оросительных каналов, сначала общинных, а затем индивидуальных, — каждое хозяйство или группа хозяйств очищали принадлежащие лично им каналы.

Характер поливных участков. Характер поливных участков в Западном Памире зависит от рельефа местности. Поля находятся в горах на разных уровнях. В долине они расположены на более или менее ровных участках по окраинам кишлака, а на конусах выносов боковых притоков и на крутых склонах гор в узких ущельях, а также на террасах по берегам р. Пяндж имеют более крутые уклоны. Они разбросаны по склонам.

Широкая разбросанность их по склонам является одной из характерных черт посевных площадей в Вахане и Ишкашиме. По своей конфигурации поля весьма разнообразны: треугольные, круглые и даже извилистые. На каждый участок поля проведены оросительные арыки, вдоль которых по береговым отвалам — чарм вод, чарм джуй (Вахан и Ишкашим) растут различные травы, используемые на корм скоту [129, 339—341].

Основные земельные массивы кишлаков Вахана и Ишкашима характеризуются тем, что с севера они защищены крутыми склонами гор, с которых и берет свое начало вся оросительная сеть. Полив производится в зависимости от рельефа, что хорошо видно на схематической карте (рис. 8).

Меры земли и воды. Понятия о мерах земли и воды, видимо, уходят корнями в глубокую древность. Однако данные по Вахану и Ишкашиму в литературе отсутствуют. М. Р. Рахимов [122, 178] приводит довольно обширный материал о мерах земли у таджиков долины р. Хингоу. Очень коротко рассказано об этом же в работах А. А. Бобринского [42], М. С. Андреева [16], П. А. Баранова, А. В. Гурского и Л. Ф. Остановича [29]. О мерах, принятых для измерения оросительных вод, все упомянутые авторы не сообщают.

Как отмечает М. Р. Рахимов [122, 178—179], еще в конце XIX — начале XX в. в бассейне р. Хингоу был распространен термин танаб (букв. — веревка как мера земли. — *И. М.*), который, по наблюдениям автора, был известен также в Каратегине и Дарвазе. На Западном Памире, в Вахане и Ишкашиме, термин «танаб» не был известен местному населению.

Мера земли в Вахане и Ишкашиме определялась двумя способами: первый, когда любой участок земли независимо от его площади принимался за единицу, например одна земля, десять земель, двадцать земель, сорок земель (это объясняется тем, что клочки горных полей было трудно измерить); второй, когда земля измерялась тюбетейками. Эта мера сыпучих тел зависела от количества высеваемого на участке

зерна и по объему была различна, т. е. в ней помещалось от 3 до 12 тюбетеек зерна, и называлась она «пор». Определяя размер посевной площади, говорили так: «У нас восемь или пятнадцать пор земли, тридцать или сорок пор земли» и т. д. Но тут же крестьяне разъясняли, что по мере пор определить точно размер посевной площади не удается, так как некоторые участки в зависимости от качества почвы требуют то больше семян, то, наоборот, меньше [29, 70].

Если почва плодородная, то на ней сеют два пор (по 8 тюбетеек — 32 *кг* 600 *г*) на 0,15 *га* земли[4], а для участка малоплодородной земли (песчаной, со щебнем) того же размера сеют один пор или даже меньше одного (12—14 *кг*). Наш информатор Тошмахмадов Зарик из кишлака Внукут (Вахан) рассказывал, что у них было 15 земель, на которых каждый год сеяли 30 пор (по 9 тюбетеек) семян. Для самой большой земли они расходовали 4 пор (75 *кг* 816 *г*) ячменя. При обмере этот участок оказался равным 0,25 *га*. На нем же сеяли просо в количестве половины одного пор (по 9 тюбетеек).

После многократной проверки и опросов нам удалось установить приблизительную норму, которую применяли крестьяне из года в год. В среднем на 1 *га* сеяли зерна пшеницы 12—13 пор по 8 тюбетеек (200—217 *кг*), ячменя — 15—16, а гороха — 16—17 пор. Наши материалы о норме высева зерновых культур и мерах земли совпадают с данными П. А. Баранова, А. В. Гурского и Л. Ф. Остаповича [29, 70].

Главной мерой сыпучих тел являлся все тот же пор, вмещавший от 3 до 12 тюбетеек. Считали один, десять, пятьдесят, сто, двести пор и т. д. Вес измеряли с помощью сыромятного мешка дец, который вмещал много пор.

В большинстве хозяйств сеяли 8—9-тюбетеечные пор, что составляет 16—17 *кг* зерна. Эту меру называли «пори ходжаги», т. е. «хозяйственный пор».

Определить меры воды было гораздо труднее, чем измерить посевную площадь. Ее определяли главным образом по числу прорезей в береговых валиках арыка — ишын (Вахан) или воспин (Ишкашим)[5], через которые вода поступала на участки в течение четверти, половины или целых суток. Определяя количество воды, необходимое для орошения определенной площади, говорили так: 10 ишын (воспин) или же 20 ишын (воспин). Для самого большого количества воды употребляли термин луп вод (Вахан), катта вод (Ишкашим), а самого малого — дзыклай вод (Вахан), чыт вод (Ишкашим).

Если крестьянин во время своей очереди не успевал полностью полить свой участок, то он просил воду взаймы на два-три часа или на половину дня у следующего за ним очередника. Количество «занимаемой» воды выражалось в определении крестьянином числа не хватавших ему ишын (воспин). Например, говорили: «У меня осталось один (или два) ишына (воспина) земли[6], дайте мне один (два) ишына воды до следующей моей очереди. Я вам верну». Дать или не дать воду зависело от соседа. Если тот отказывал, то такой участок оставался без воды до следующей очереди, что иногда приводило к гибели посевов.

---

[4] Автор измерил пор и взвесил на весах, выбрав средний вес, и обмерил участки земли, на которых сеяли 2 пор пшеницы и 4 пор ячменя; оказалось, что первый равен 0,15 *га*, а второй — 0,25 *га*.

[5] Эти прорези по своему назначению совпадают с водоотделителями у таджиков Северного Таджикистана, но они меньше по размеру [см. 58, 16; 59, 65—69].

[6] Каждый ишын имел различную величину в зависимости от местных почвенных условий. Один ишын шел на орошение от 3 до 12, а иногда и больше грядок — джуйык, от 3 до 8—10 вырг (Вахан), варг (Ишкашим) — делянок с валиками на расстоянии от 50 до 150 *см*. Иногда орошаемые участки определяли по числу требуемых ишын (воспин) и говорили: «два ишын (воспин) земли, три» и т. д.

Мера воды играла такую же роль при определении ее потребности, как и меры сыпучих тел. Но пор измерялись количеством тюбетеек зерна, а количество воды местное население измеряло на глаз.

Способы подготовки полей для полива. Гидротехнические сооружения, с помощью которых орошались поля, разбросанные по склонам гор, террасам и конусам выноса боковых притоков, в общем характеризуются примитивностью. Благодаря тому что главный источник воды располагается высоко в горах, воду сравнительно легко направить на посевные земли, расположенные значительно ниже [49, т. I, 170—171].

При изучении искусственного орошения полей и ознакомлении с различными способами подготовки полей для полива, мы выделили прежде всего два основных способа искусственного орошения, названные нами валиковым и струйчато-бороздковым. Каждый из них имеет несколько различных приемов подготовки поля для полива [47, 158—162; 101, 104—108]. Применение того или иного способа зависело от характера уклона полей, почвенных условий и местных традиций. Земледельцы, изучив характер рельефа, природные условия местности и учтя опыт своих предков, создали довольно высокую технику подготовки поля для полива, весьма подходящую для щебнистых, песчаных и лессовидно-аллювиальных почв горных долин и террас Памира, где урожайность зерновых культур зависела прежде всего от поливных вод. Крестьяне отлично знали свои поля — где, на каком конкретном участке преобладала та или иная почва, каков микрорельеф, наклон полей и т. п. Они должны были точно определить направление и силу течения воды, чтобы она не смыла поверхностный плодородный покров почвы, равномерно обводняла поле и т. п.

Валиковый способ орошения применялся преимущественно на лессовых, аллювиальных почвах и на ровных полях. Назывался он «выргъ»

Рис. 5. Поле, подготовленное для орошения валиковым способом

(Вахан), варг (Ишкашим). Земля, подготовленная для орошения валиковым способом, называлась вундри вырг (Вахан), замини варги (Ишкашим), т. е. валиковая земля (см. рис. 5).

Струйчато-бороздковый способ применялся для орошения каменистых и песчаных, лессовых и аллювиальных почв, а также полей, расположенных на склонах. Этот способ назывался «джуйыки» (Вахан и Ишкашим). Наряду с джуйычным для полива бахчевых и садовых культур применяли видоизмененный джуйычный способ. Такие участки назывались вундри джуйыки (Вахан), замини джуйыки (Ишкашим), т. е. джуйычные земли (см. рис. 6).

Орошение путем сплошного «затопления» всего поля в Вахане и Ишкашиме не применялось. Главная опасность этого способа для земледельцев состояла в эрозии, в смыве гумусированного тонкого слоя почвы.

Валиковый способ. При подготовке поля для валикового способа полива сразу же после посева и боронования поля на ровных участках при помощи специальной деревянной лопатки вдоль поля делали небольшие валики шириной и высотой 15—20 *см* на расстоянии от 50 до 150 *см* друг от друга, что зависело от характера почвы (песчаная или лессовая) и ее наклона. Если почва песчаная и имеет крутой наклон, то валики делают на расстоянии от 50 до 80 *см* друг от друга, если же она лессовая и поле расположено на ровной площади, то расстояние между валиками доходит до 150 *см*. Длина валиков зависит также от микрорельефа участка. В большинстве случаев валики доводили до конца поля, что связано с особенностями техники полива [7].

Рис. 6. Поле, подготовленное для орошения струйчато-бороздковым способом

[7] Если валик не доведен до конца поля, то его называют «омыгди» [см. 101, 105, рис. 3].

Если участок земли по конфигурации не квадратный, то при устройстве валиков крестьяне стремятся равномерно расположить их на поле, чтобы между соседними валиками выдерживалась одинаковая ширина по всей длине. Это делается для того, чтобы вода от начала полива до его конца распространялась между валиками равномерно. Крестьяне учитывали, что если в каком-нибудь месте расстояние между двумя валиками окажется шире, то вода при поливе на этом месте не поднимется до валика, а почва и всходы не получат необходимой им влаги — шаль мешавад (кишлак Рын, Ишкашим), и это снизит урожайность. Если, наоборот, в каком-либо месте расстояние между валиками сузить, то вода будет скапливаться больше положенного, в результате чего получится эрозия почвы и будет смыт ее верхний слой.

Струйчато-бороздковый способ — джуйыки, как уже было отмечено выше, занимает в изучаемом районе второе место после валикового. Он используется для орошения не только зерновых культур, но также огородов и садов. Применяется он не только для орошения полей, расположенных на склонах, но и для полей, расположенных на ровной площади.

Проведение борозд на полях под зерновые культуры при джуйычном способе производится так же, как и при валиковом орошении после посева. Для этих целей употребляются малые пахотные орудия. Выбор направления бороздок определяет опытный земледелец. Орошение зависит еще от глубины и ширины оросительных бороздок. Расстояние между бороздками варьируется от 30 до 50 *см*, длина зависит от микрорельефа данного участка, но не превышает 50—60 *м*. Если на некоторых полях длина бороздок превышала 100 *м*, то это поле разбивали на два, три и более участков, между ними проводили времен-

Рис. 7. Двухрядный временный арык-ороситель «шыкандж»

ные арыки — шыкандж рог, а воду распределяли равномерно между участками.

Характерной особенностью джуйычного орошения является то, что один и тот же способ подготовки поля для полива сохранялся от самого начала до конца вегетационного периода. В каждую очередь подачи воды на поле с главного постоянного арыка ее направляли по бороздам. Поливальщики наблюдали за режимом воды, чтобы ее случайное скопление в какой-либо борозде не вызвало размыва почвы. Джуйычное орошение зерновых культур характеризуется еще сложностью водораспределения, особенно в начале поля. Вообще расчлененный рельеф Западного Памира требует сложных способов полива.

На некоторых полях в зависимости от микрорельефа применяют оба способа орошения — валиковый и струйчато-бороздковый. Валики могут быть проведены по отношению головной части поля и параллельно и перпендикулярно. В таком случае характер полива на участке осложняется. Помимо валиков и бороздок на поле проводят еще дополнительные отводы — временные арыки-оросители. Для этого землю пропахивают пахотным орудием — сыпундр, а на каждом поле независимо от его размера проводят также по всему периметру постоянные арыки, обеспечивающие полив полей в вегетационный период (см. глазомерную карту, рис. 8).

Проведение временных арыков-оросителей необходимо для предотвращения угрозы размыва полей, главным образом при первом и последующих поливах. В каждый вегетационный период эти арыки распахивают и снова восстанавливают после сева и боронования земли. Этим они и отличаются от постоянных арыков. Временные арыки-оросители Вахана и Ишкашима до некоторой степени отличаются друг от друга по конфигурации. Они очень разнообразны и по характеру и в зависимости от их функций называются по-разному.

Первый вид временных арыков-оросителей носит название шыкандж (Вахан), рог, редко нарджу (Ишкашим). Его проводили в зависимости от микрорельефа. Можно встретить сочетание валиков с бороздами, проведенными параллельно друг другу, иногда борозды проведены горизонтально прямо под углом. Шыкандж или рог являются основными при поливе на всей площади орошаемого поля, особенно большую роль они играют при первом поливе (в Ишкашиме), при первом — третьем и менее важны при четвертом поливе (в Вахане), — это вторая отличительная черта временных арыков от постоянных арыков.

Число временных арыков-оросителей в Вахане варьируется от одного до шести, в Ишкашиме же проводят только один временный арык-ороситель. Иногда в Ишкашиме бывают два проведенных параллельно арыка, один из которых служит коллекторным (для отвода излишков воды). Шыкандж, или рог, обычно проводят от начала до конца поля, но изредка из-за условий рельефа они бывают короче, т. е. до половины поля.

Вторым видом временных арыков-оросителей являются сравнительно маленькие арычки. В Вахане они встречаются в виде парных параллельных арычков, называемых «джурараг», «джуфтраг» (букв. — «пара жил, артерий»). Они всегда расположены под углом к шыкандж, рог. По ним стекает вода на ростки злаков. Эти арычки в несколько измененном виде сохраняются до следующего пропахивания полей. В Ишкашиме проводят только один такой арычок, называемый «овез». Ширина между двумя соседними джурараг, джуфтраг и овез зависит от характера и микрорельефа почвы, но в основном варьируется от 10 до 20 *м* (см. рис. 7).

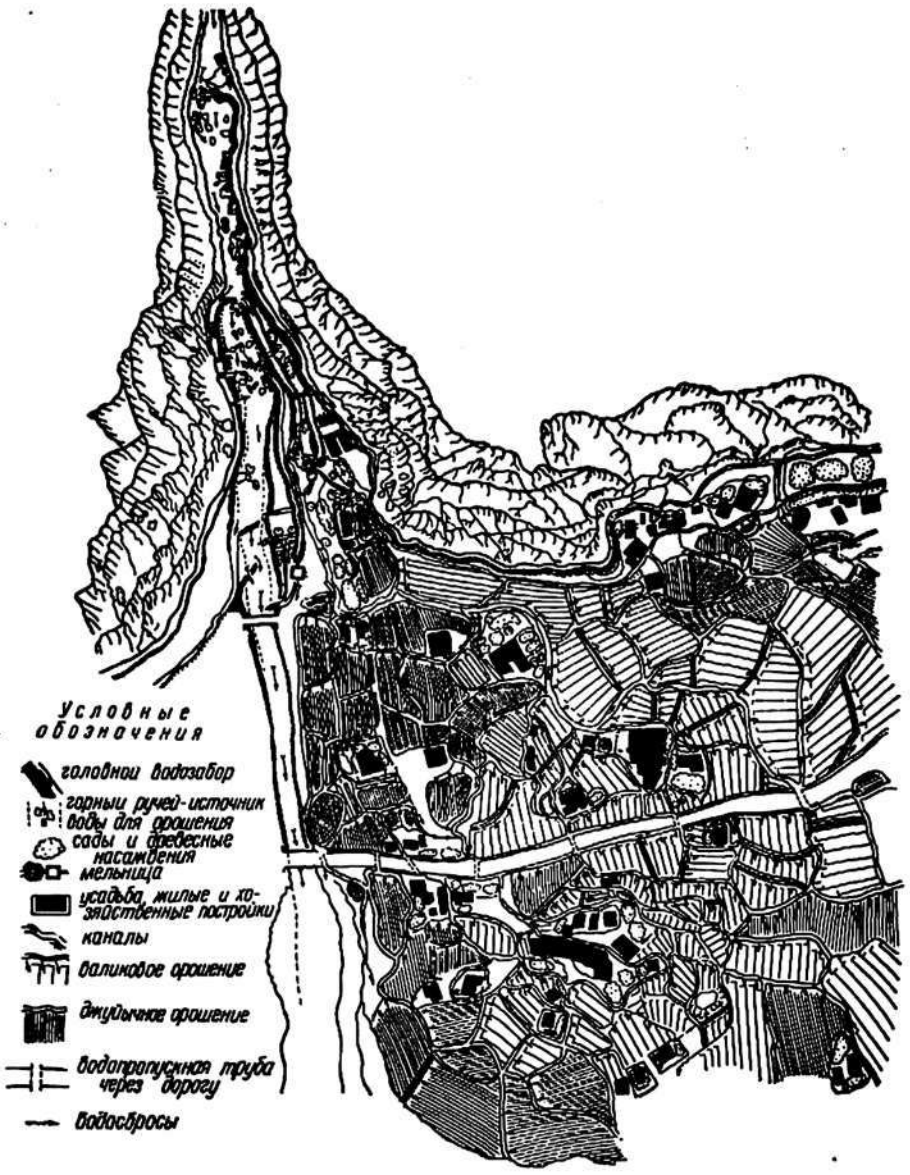


Рис. 8. Карта-схема оросительной сети одного из участков высокогорного типа орошения

Овез Ишкашима отличается от джурараг Вахана тем, что при первом поливе его распахивают, ровняют. Джурараг и овез в зависимости от величины посевной площади и ее микрорельефа бывают односторонние и двусторонние. В первом случае полив направляется с одной стороны этих борозд, и называется он «йипахлувын джурараг» (Вахан), «овези якпахлу» (Ишкашим). Во втором случае воду во время полива пускают с двух сторон борозды — «буй пахлувын джурараг» (Вахан), «овези дыпахлу» (Ишкашим). Отметим, что эти джурараг и овез применяются только при валиковом орошении.

Третий вид временных арычков-оросителей называется «джуйгаш» (Вахан), «сарраша» (Ишкашим). В головной части орошаемого поля для определенного количества валиков или бороздок (от трех до десяти) под прямым углом к ним делается арычок — джуйгаш, сарраша.

Воду из постоянного арыка пропускают через ишын в джуйгаш (сарраша), а от него вода уже распределяется по валикам или бороздам.

Четвертый вид — это временные арыки, выполняющие функции коллектора, — рывыр (Вахан), быпраша (Ишкашим), которые устраивают в конце поля или же проводят от середины поля до его конца. С помощью этих временных арыков отводят лишнюю воду от валиков и бороздок.

Высокую технику орошения полей у таджиков Афганистана (в Бадахшане и в Гератском оазисе) отметили еще Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич. В их труде приводятся несколько видов схем различных поливов [47, т. I, 159], в том числе простейшие способы струйчато-бороздкового орошения зерновых культур [47, т. I, 159, рис. 58—2]. У М. С. Андреева мы нашли сходную схему поливов [16, 67, рис. 13; 101, 107, рис. 4]. На этой схеме видно, что прямо от главного арыка вода направляется в первый параллельный ему арык (джуйгаш, сарраша, по шугнанскому произношению — калак) и от него к бороздам.

В Вахане и Ишкашиме зафиксировано существование таких же способов орошения, которые приведены упомянутыми выше авторами, а также других весьма сложных приемов распределения воды на поле по бороздам. Один из них заключается в том, что вода от постоянного головного арыка поступает к первому временному головному арычку — джуйгаш (сарраша), от первого джуйгаш ко второму такому же по назначению, после чего она направляется по бороздам. Этот прием орошения мы условно назвали двухрядным джуйгашовым.

Другой прием заключается в том, что вода направляется от постоянного головного арыка через три параллельных джуйгаша (сарраша), а потом пускается по бороздам. Данный прием орошения мы назвали трехрядный джуйгашовый. Эти два последних способа сложного бороздкового орошения были делом лишь очень опытных земледельцев.

Двухрядный и трехрядный приемы водораспределения и орошения обеспечивали устойчивый режим воды для каждой борозды и были особенно удобны при ночном поливе. Пока вода стремительно доходила до поля, она должна была пройти через четыре отверстия — ишын (воспин) и потерять силу течения. Это делалось для того, чтобы предохранить почву от размыва.

Двухрядный и трехрядный джуйгашовые приемы орошения очень трудоемки. Они применялись в тех хозяйствах, где было достаточно рабочей силы. Хозяйства, имевшие мало рабочей силы, не могли применять эти сложные системы полива. Они преимущественно использовали простейшие приемы одноджуйгашового орошения.

Разновидностью джуйычного способа орошения было джуйычное орошение огородов и садов. В зависимости от условий рельефа каждый крестьянин для определенного вида посевных культур подбирал наиболее пригодный для них участок почвы и наиболее рациональный прием валикового или джуйычного способа орошения полей. Например, для местных сортов табака (тамоку) или моркови (зардак) с помощью лопаты и мотыги проводили крутые, извилистые, неглубокие борозды, называемые чангшылахт (Вахан), джуйяк (Ишкашим). Такая система орошения совпадает с описанной Д. Д. Букиничем системой орошения холпка в Гератском оазисе [47, 162, рис. 60—1; 153, 45, рис. 11].

Характерной особенностью земледелия, огородничества и садоводства в Вахане и Ишкашиме является зависимость участков от расположения их по отношению к солнечному свету. Все обрабатываемые земли от верхнего кишлака Вахана (Лянгар) и до нижнего кишлака Ишкашима (Авдж) в зимний и весенний период (не говоря уже о лете и осени) получают очень много солнечного тепла, так как уровень

террас здесь наиболее высок. Поэтому для посева культур зерновых эти места не очень пригодны, кроме того здесь наиболее активна эрозионная деятельность. На таких участках чаще всего сажали деревья, а под ними сеяли люцерну. При постоянном увлажнении здесь естественным путем вырастала трава для корма животных. На таких участках прежде всего под прямым углом к уклону террас проводили неглубокие борозды, между ними сажали деревья, а вокруг делали кольцевую борозду, чтобы влага сохранялась дольше. Ширина между этими двумя бороздами, в случае когда сажали деревья, — 150 *см*, расстояние между деревьями составляет от 60 до 100 *см*, и в случае когда сажали плодовые деревья, расстояние между ними, увеличиваясь в длину и ширину, доходило до 250—300 *см*.

На сравнительно крутых каменистых склонах, покрытых валунами, применяли ступенчато-террасные насаждения, возводя там, где это необходимо, каменные стены до нужного уровня, засыпая их землей. На таких искусственных площадках сажали деревья. Воду пускали вниз по кольцеобразным бороздам, окаймляющим весь садовый участок.

В усадьбах сады сажали, как правило, на более ровных площадках. Их окружали рядом берез и ив, защищающих плодовые деревья от сильных ветров. Землю под садом разделяли на маленькие прямоугольные клетки (от 2 до 4 *м* ширины и от 4 до 6 *м* длины), называемые «пал». На высоких террасах часто сеяли ячмень с люцерной. Летом убирали урожай ячменя, а в октябре жали люцерну на корм животным. Так рационально использовался участок под плодовыми деревьями.

Отметим, что вышеприведенное описание клеткообразных грядок и широкое террасное орошение Вахана и Ишкашима очень близки с инфильтрационными способами орошения Афганистана [47, т. I, 161—162]. По нашим наблюдениям, эти виды очень распространены в других районах Западного Памира, в Кулябской группе районов, а также в Гиссарской долине.

Сроки и режим полива. Техника полива в изучаемом районе очень разнообразна, она учитывает все многообразие рельефа, почв и видов возделываемых сельскохозяйственных культур. Обилие зимних осадков в горах способствовало достаточному обеспечению водой для орошения зерновых культур в жаркое время года. Правда, некоторые из зерновых культур требовали полива сразу же после посева, другие же, наоборот, только после всходов. Различный режим полива нужен был и землям, которые находились на склонах гор, на конусах выноса, на террасах и на ровных участках, так как скорость обводнения и увлажнения земли была различна. Ровные участки земли требовали в вегетационный период полива восемь — десять раз, а земли на более крутых склонах приходилось поливать от четырнадцати до семнадцати раз в сезон. Последние кроме осеннего полива перед пахотой поливали и перед весенней пахотой, чтобы зерно могло получить больше влаги.

Выше уже было отмечено, что каждое поле имеет, как правило, арык по всему периметру. Эти арыки постоянные. Кроме них существуют временные арычки или борозды разной величины, выполняющие различные функции. Временные борозды ежегодно уничтожались и снова восстанавливались.

Валиковое орошение в Вахане имело более сложный характер, чем в Ишкашиме. Техника полива полей в Вахане до некоторой степени отличалась от техники полива полей в Ишкашиме, хотя конструкция головной части систем при валиковом орошении Вахана и Ишкашима почти одинакова. И в той и в другой системе вода от постоянного

(второстепенного) арыка через ишын (воспин) попадает в джуйгаш, сарраша [8], а потом направляется к валикам.

До пуска воды к валикам необходимо хорошо подготовить джуйгаш (временный арычок), находящийся в головной части поля, для чего в каждом валике делают неглубокие вырезы — варгнай фыц (букв. — «рот валика», Ишкашим), а чтобы вода не смыла его, укладывают дерн — гывордк (Вахан), гырыш (Ишкашим). Для того чтобы валики хорошо пропитались влагой и вода шла равномерно к его бокам, с помощью деревянной лопаты стороны их выравнивают и только после этого приступают к орошению.

Первый полив в Вахане называют тыпыч, второй — буй йупк, третий — труй йупк, четвертый — цыбыр йупк; в Ишкашиме первый полив называется хокоб, второй — дыоба, третий — сеоба, четвертый — чороба [122, 60; 140, 123; 16, 67] и т. д.

Первый полив был самым трудным. Он требовал особых приемов и внимания, чтобы земля не пострадала от эрозии. Об этом писал в свое время М. С. Андреев [16, 69].

В процессе полива всегда участвовали два человека, что также отмечено и в Афганистане [47, 161]. Обычно в Ишкашиме воду на небольшие участки сначала пускали через ишын (строго на площадь, ограниченную одним или двумя валиками) в джуйгаш. Вода шла по нему до последнего нижнего валика и через проделанную щель попадала на всходы. Как только вода доходила до конца валика, ее пускали на соседний, расположенный выше. При этом один из поливальщиков стоял на верхней части овеза, а второй ходил до конца валика и наблюдал за ходом воды. Туда, где почва оставалась сухой, направляли воду дополнительно. Таким же путем от нижнего, крайнего валика по очереди поливали вверх до следующего края поля. Если участок имел временный арык, то от него под прямым углом проводили два-три временных арычка и воду пускали от постоянного арыка на временный и направляли ее до нижнего последнего овеза. По овезам воду вели до последнего (крайнего) валика.

Процесс полива здесь отличался от описанного выше тем, что после полива каждого валика овез сводили на нет, а нижний и верхний валики приподнимали на уровень обычных валиков, чтобы вода шла прямо от верхнего валика до конца поля, после чего воду направляли к верхнему овезу и до последнего валика, процесс полива продолжался, как и из нижнего овеза. Таким путем воду поднимали до верхней части поля — сардова (Ишкашим), ца вундр сарын (Вахан). Здесь характерно то, что головной временный арычок оставался неизменным до окончания вегетационного периода. Воду пускали сверху до конца поля по выровненным временным арычкам, чтобы земля повторно вместе с посевом больше пропитывалась влагой.

Если овез был проведен от одной до другой стороны поля, то воду пускали только с одной. Когда одну сторону кончали поливать, переходили на другую, а после окончания полива выравнивали все овезы, как было описано выше. Почва после первого полива имела вид поля, сплошь покрытого длинными валиками, как при джуйычном орошении.

При втором поливе воду пускали от головного временного арычка до конца поля и, так же как при первом поливе, выравнивали все овезы.

Третий и последующий поливы до конца вегетационного периода не отличались от второго. При всех очередях коллекторы сброса не менялись.

---

[8] В дальнейшем вместо ишын и воспин будем называть только ишын, а вместо джуйгаш и сарраша — только джуйгаш.

Ваханский тип первого полива — тыпыч на небольшом участке. посевной площади в общем не отличался от первого полива в Ишкашиме. Более сложные технические приемы встречаются только на больших участках. В этом случае при поливе воду пускали от постоянных арыков на два параллельных временных арычка — джурараг (джуфтраг), направляя ее до последнего джуфтрага, находящегося внизу поля, — ца вундр бынын (Вахан). Однако вода бежала внизу поля только по одному из параллельных арычков, по нижнему (верхний выполнял при этом роль временного коллектора — рывыр, Вахан), отводящего воду из верхнележащего джурарага до последнего валика, т. е. так же, как и в Ишкашиме. Вода через маленькую щель попадает к всходам, и, когда достигает конца валика, ее пускают на второй, потом на третий и т. д. При каждом пуске воды в следующий по счету валик проход ее в нижнем валике перекрывается до второго полива. После полива из нижнего джурарага воду направляют на второй, т. е. верхний его участок, полив которого по принципу не отличается от полива нижнего участка. Здесь вода выходит на одну из параллельных, т. е. верхнюю, борозд, которая, как уже упоминалось выше, как бы играла роль коллектора-сброса. Он соединяется под прямым углом с временным арыком — шыкандж, тоже выполняющим функции коллектора-сброса. После полива второго участка воду направляют на третий и далее до верхней части поля, которую здесь так же орошают, как и в Ишкашиме, но в отличие от последнего отводные воды выходят здесь только через временные коллекторы, которые совсем отсутствуют в Ишкашиме.

Очень характерен отвод воды в возвышенной части середины поля: иногда для каждого участка на такой неровности проводили отдельные временные арыки — шыкандж, в некоторых случаях для двух участков — один шыкандж. При этом часть шыканджов были короткими, а один или два обязательно должны были идти от верхней части поля до нижней; они являлись запасными — вспомогательными арыками для отвода воды остальных шыканджов.

Второй полив в Вахане не начинается с верхней части поля, как в Ишкашиме, а обязательно только со второго участка; их соединяют вместе и поливают. Сам полив начинается также с нижней части поля и идет вверх. Соединение нескольких участков поля для полива происходит по выбору поливальщиков, которые учитывают прежде всего длину их и характер почвы; если длина двух-трех участков равняется 35—40 *м*, то их поливают одновременно. Если же длина одного участка 40—50 *м*, то его до третьего полива поливают отдельно.

Рассмотрим две схемы полива (рис. 9) в кишлаке Вранг (Вахан) и проанализируем их. Эти участки имеют по периметру постоянные арыки и временные непосредственно на самом поле. Каждый из временных арыков и валиков нанесен на схемы. Попутно отметим, что на рис. 9 *а* — *е* представлен процесс орошения от первого до третьего полива. На рис. 9 *а*, *в*, *д* поле — комбинированное, более сложное по своей конфигурации, что объясняется более сложным микрорельефом данного участка. Встречаются здесь парные, тройные и одиночные поливы. При втором поливе (см. рис. 9 *в* и *г*) воду отводили в правую сторону полей и направляли на второй участок от нижней части поля.

При втором поливе, когда вода с первого валика спускалась на джурараг (игравший при первом поливе роль коллектора), внизу этого же валика прорывали в нем маленькую щель (калам — букв. «карандаш», Вахан, Ишкашим), но перекрывали нижнюю часть этого джурарага, чтобы вода не шла вниз. В нем делали вторую щель к нижнему параллельному арычку, по которому вода шла на лежащие ниже валики при первом поливе. После этого вода попадала на всходы вто-

рого участка, т. е. до конца поля. Мы видим здесь первый способ соединения двух участков при второй очереди полива, который и остается до конца вегетационного периода.

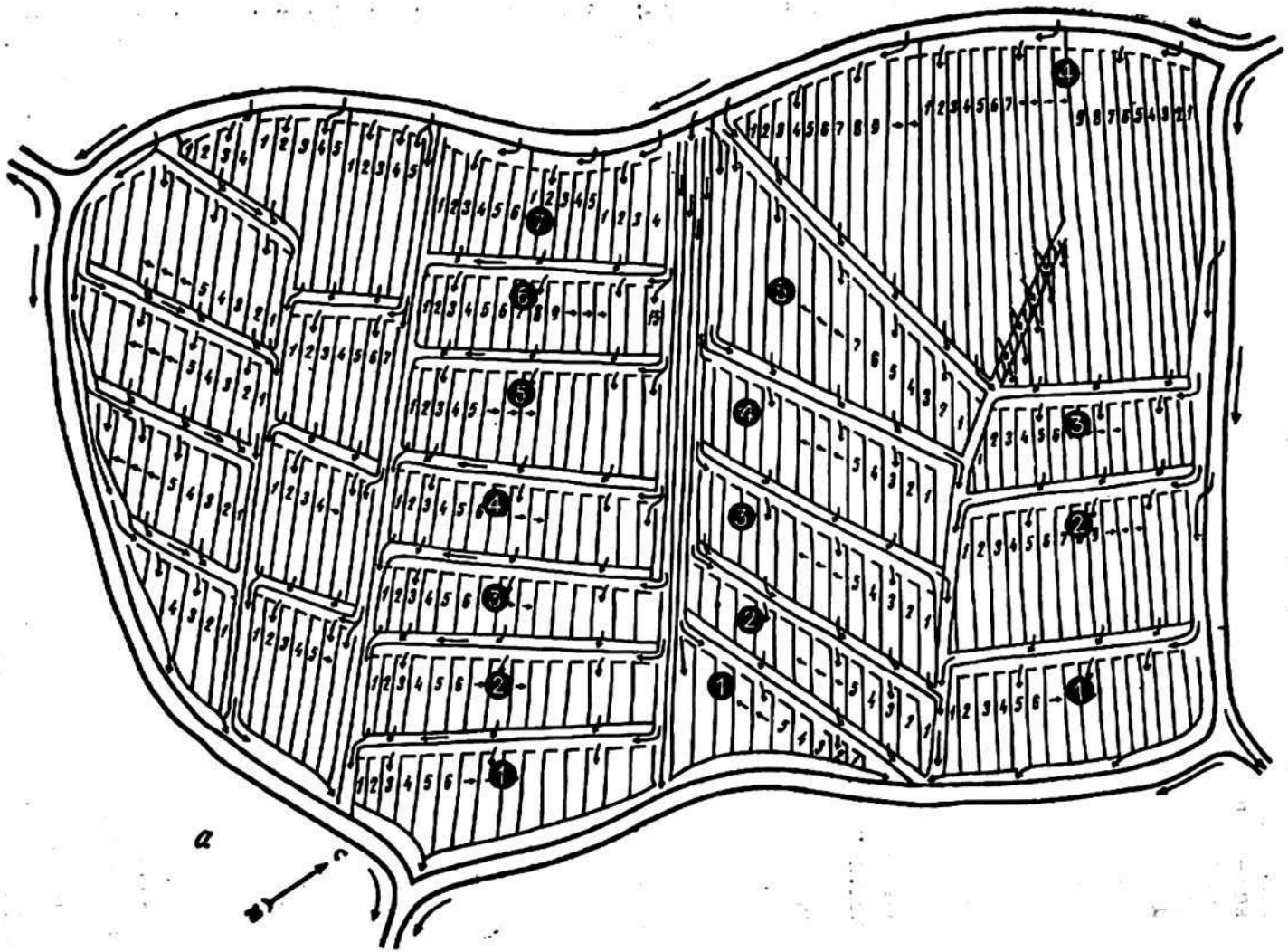
После этого воду направляют на участки, лежащие выше, т. е. на четвертый и на третий. Их поливают так же, как второй и первый участки. Однако здесь вода, отводимая от четвертого и третьего участков, выходит на прежний коллектор. Один из параллельных арычков — верхний — идет до середины поля, затем попадает на запасной коллектор, проведенный до конца поля под прямым углом к джурарагам. На рис. 9*в* поливается один участок (третий), сбросные воды отводятся по прежнему коллектору; однако здесь мы не видим соединения джурарагов.

Третья очередь второго полива на этой же площади начинается с верхней части поля, и вода идет вниз до второго участка. Параллельные арычки, т. е. джурараги между первым и вторым, соединяются (рис. 9*в* и *г*), а верхний арычок, т. е. второй джураг (сверху вниз по счету), ниже второго участка играет роль коллектора, который соединен с запасным коллектором, расположенным на середине поля. При втором поливе на этой же площади (рис. 9 *г*) вместо пяти временных коллекторов остаются до третьего полива два действующих коллектора. На рис. 9*в* показан полив, производимый также на верхней части поля. Коллекторная бороздка остается действующей, как и на нижнем третьем участке (снизу вверх по счету). Здесь из трех временных коллекторов остаются действующими до третьего полива (рис. 9*в* и *г*) только два.

Третий полив на этом же поле теперь начинается от верхней части поля (рис. 9*д* и *е*). Вода опускается до конца поля, как при втором поливе в Ишкашиме. Но здесь, прежде чем пустить воду до конца поля, соединяются два оставшиеся коллектора, что видно на рис. 9*в* и *г*. При третьем поливе все коллекторы перестают выполнять свои функции, так как до третьего полива всходы дают корни, появляются также и сорняки, в результате чего земля становится твердой, смыв верхнего слоя почвы при нормальном поливе исключается; чтобы земля хорошо пропитывалась влагой, теперь нужно воду удержать дольше. Соединяя все джурараги, ваханцы говорят: «Ишыни кардем», т. е. поля от начала до конца соединили в один ишын, иначе говоря — соединили в верхний ишын. После третьего полива до конца вегетационного периода техника полива не изменяется (рис. 9*д* и *е*).

Нами охарактеризован полностью весь цикл полива правой стороны орошаемой земли, представленный на рис. 9*а* и *в*. Левая сторона этого же поля характеризуется тем, что сверху поля по его середине проведены от двух до шести временных арыков (шыканджам), часть из которых короткие, отводящие воду по двум или трем временным параллельным арычкам (джурарагам). На рис. 9*б* вода подается слева направо, а на рис. 9*а* и слева и справа шыканджа.

Принцип второго полива (см. рис. 9*г*) тот же, что и правой стороны этого орошаемого поля. Полив производится слева направо, во время полива соединяются первый, третий и пятый временные параллельные джурараги, а второй и четвертый остаются без изменений, так как через них отводится излишек воды в конце поля. В третий полив, когда поле полностью поливается сверху, два оставшиеся коллектора совсем теряют свое значение до конца вегетационного периода. Но (см. рис. 9*а*) снизу поля два участка поливаются одновременно, средние три площадки то же самое (слева и направо от среднего шыканджа), а две остальные площадки сверху поля (на левой стороне шыканджа) поливаются каждая отдельно — в последнюю очередь. Следовательно, здесь для семи


a
c

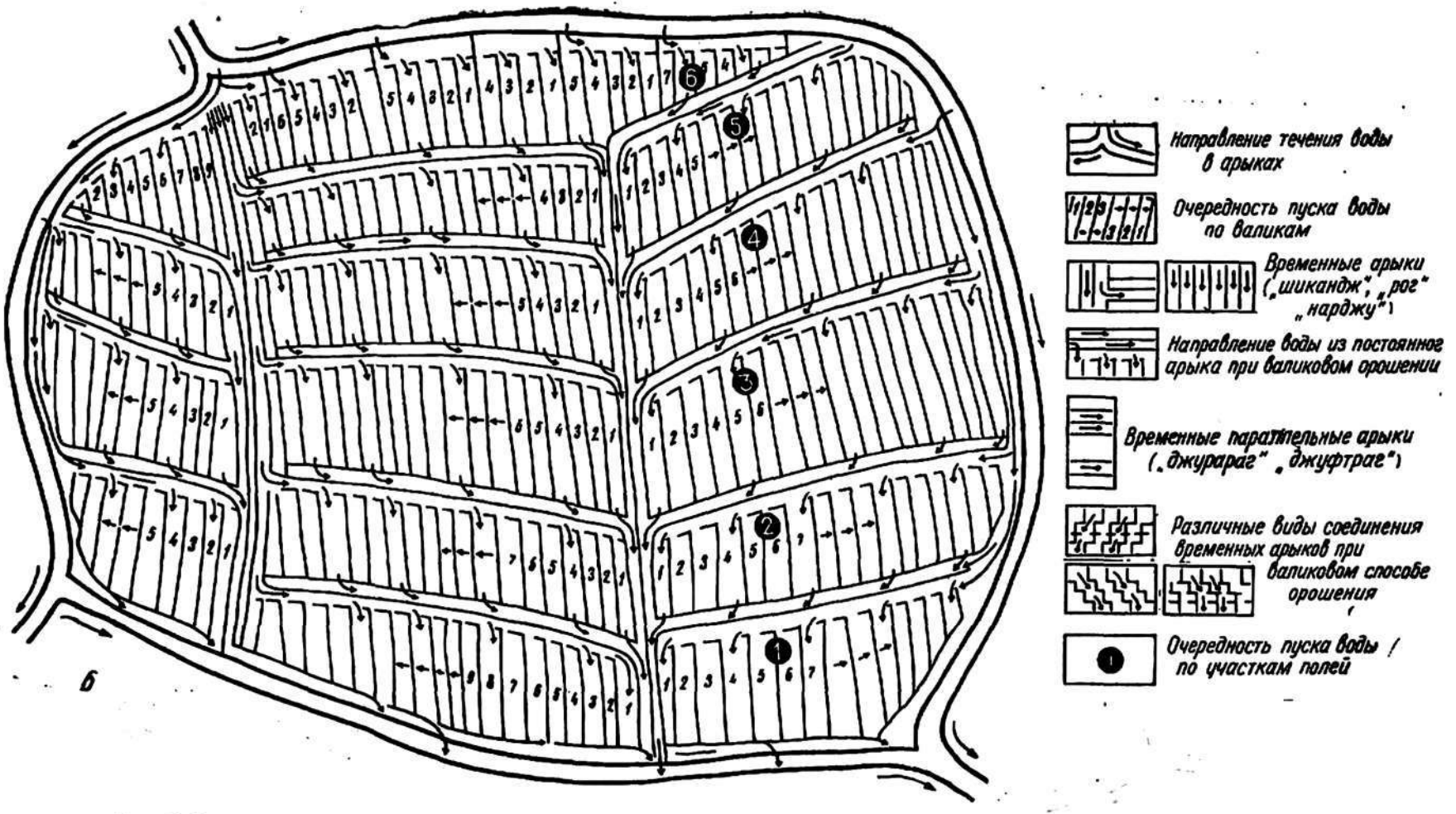
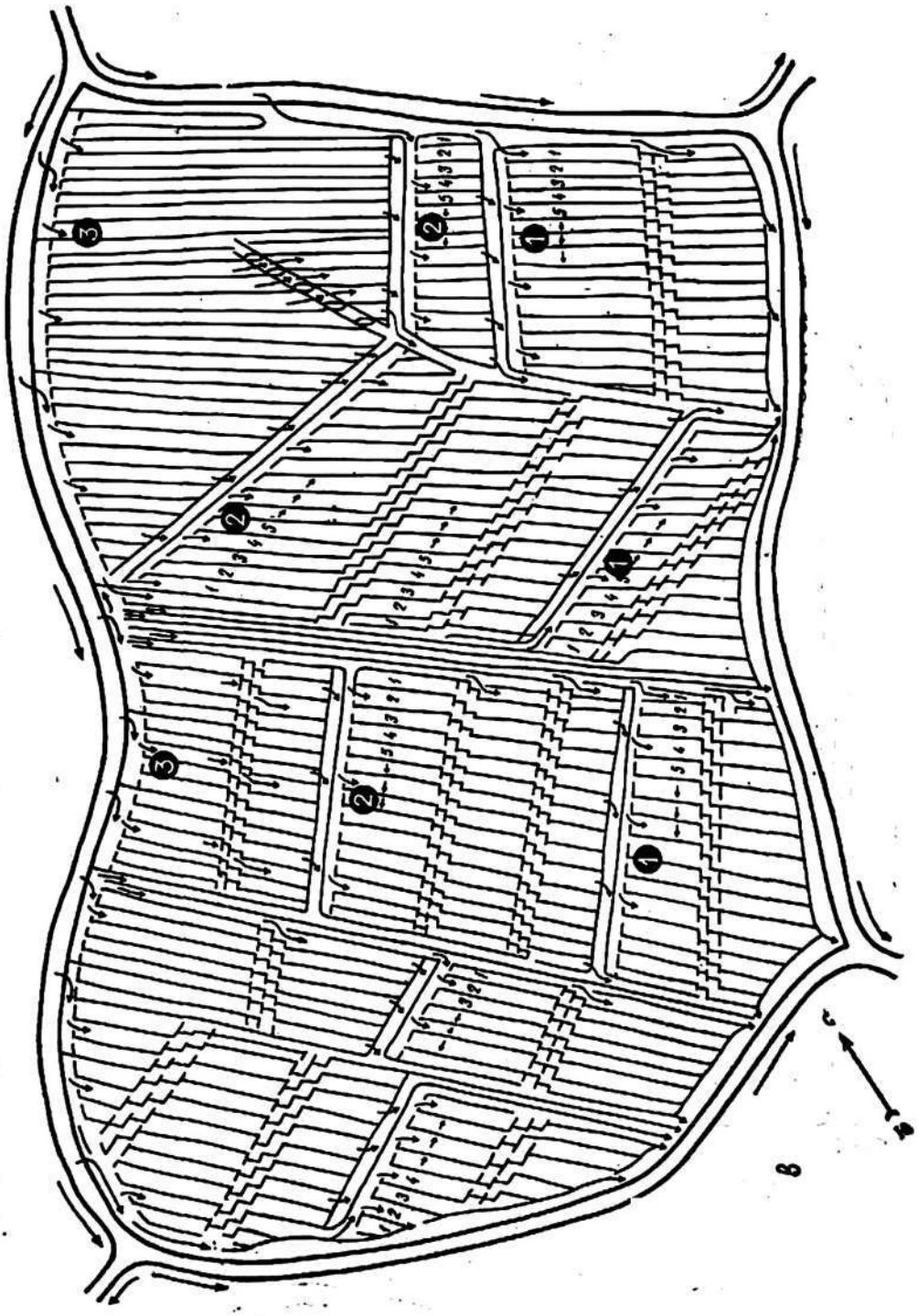


Рис. 9. Схемы поливов на полях разной конфигурации:
а — пуск воды при первом поливе на поле сложной конфигурации; *б* — пуск воды при первом поливе на поле простой конфигурации


3
2
1
2
1
3
2
1
B

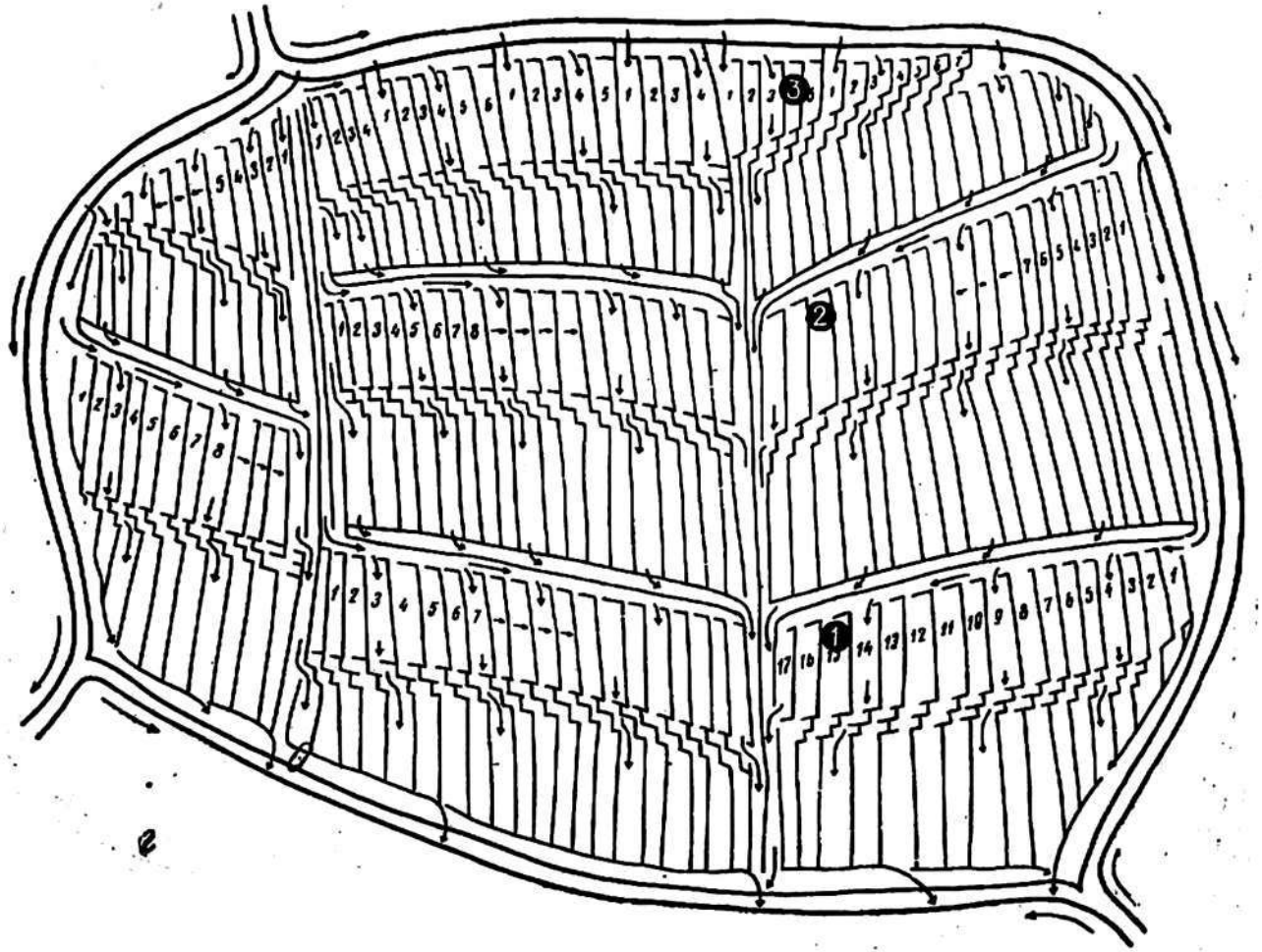


Рис. 9.

а — пуск воды при втором поливе на поле сложной конфигурации; *в* — пуск воды при втором поливе на поле простой конфигурации

c
a
g

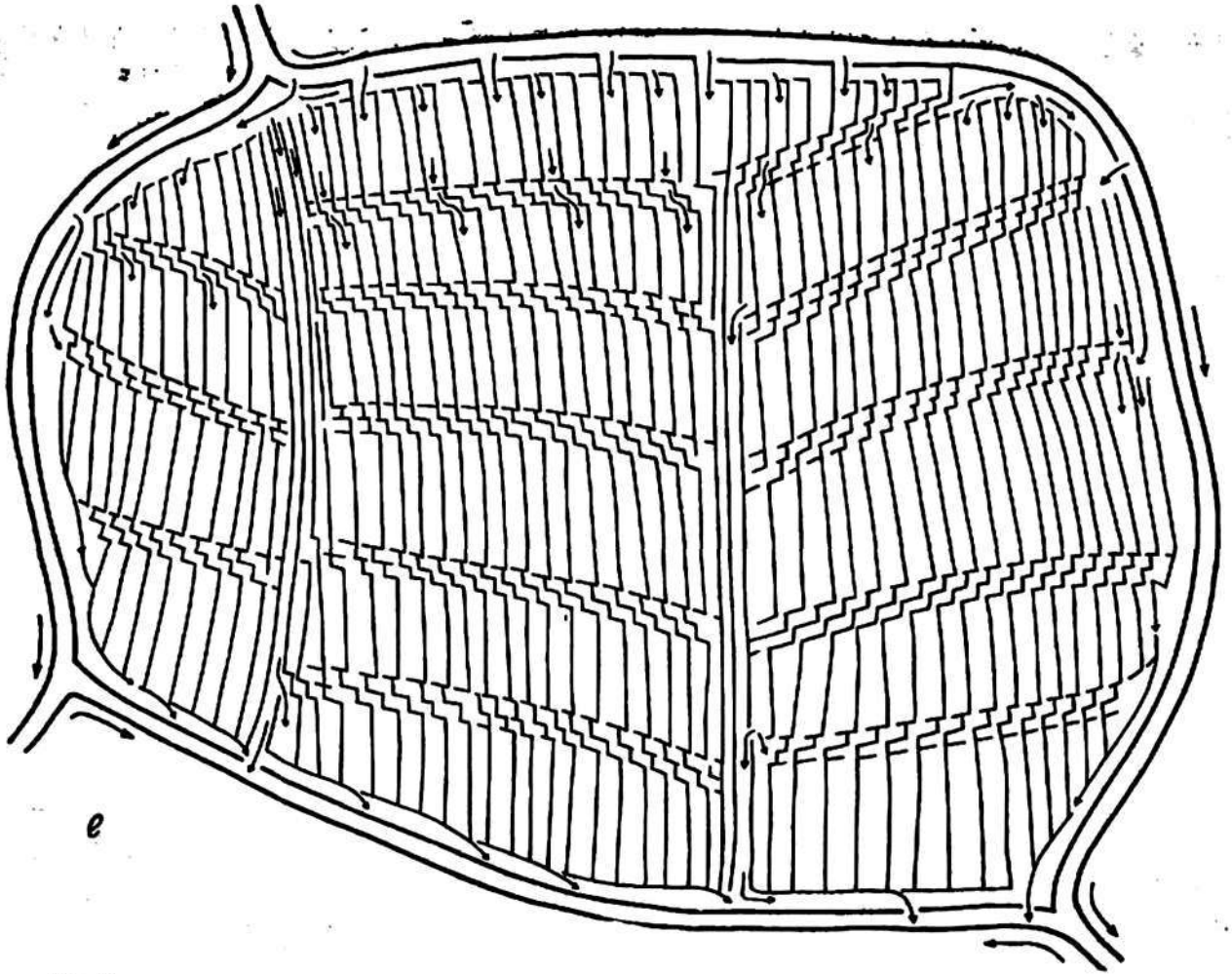


Рис. 9.

д — пуск воды при третьем поливе на поле сложной конфигурации; *е* — пуск воды при третьем поливе на поле простой конфигурации

площадок со времени второго полива до третьего остаются два временных коллектора, а при третьем поливе к верхним и нижним площадкам присоединяются эти два оставшиеся коллектора, которые теряют свое значение. Вода идет сверху до конца поля. Итак, при третьем поливе при валиковом способе орошения в Вахане теряют свое значение джурарагц и шыканджи, которые лежат параллельно направлению валиков (или же под прямым углом к направлению валиков).

Как мы видим, сплошной полив при валиковом способе орошения зерновых культур в Ишкашиме начинается со второго полива, а в Вахане — с третьего.

Техника валикового способа орошения в Вахане со всей ее сложностью очень продумана, постоянная и сочетается с характером почвы микрорельефа, особенно учитывается возможность эрозии почвы. Техника валикового орошения в Вахане несколько выше, чем в Ишкашиме.

Способы струйчато-бороздкового полива (джуйычного) в Вахане и Ишкашиме не отличаются друг от друга. Даже ширина и длина отдельных борозд в обоих названных районах тоже совпадают. Особенно характерно одинаковое количество борозд, перпендикулярных к временному головному арычку: от трех до четырех и редко до восьмидесяти. Это прежде всего зависит от микрорельефа данного поля. Воду пускают от постоянных арыков через ишын на временный головной арычок — джуйгаш по количеству борозд джуйыков, от джуйгаш (здесь имеются в виду и двухрядные и трехрядные джуйгаши) вода разливается по оросительным канавкам.

Длина джуйыков в прошлом достигала 50—60 *м* и, как исключение, 100 *м*. Но такого размера участки почти всегда делили на две или три части [47, 160; 16, 68]. Горизонтально, под прямым углом к джуйыкам, проводили два параллельных временных арыка, более глубоких по сравнению с обычными. Один из них использовался как временный *коллектор-сброс, а второй, нижний, являлся основным, отводящим воду* (шыканджи, рог, редко нарджу) к джуйгашам. От него воду пускали на борозды при первом поливе на нижнюю часть площадки, а затем — на верхнюю. Отметим, что на каждой части из разделенных площадок техника полива не отличается от полива верхней части этого же поля. Можно добавить, что при втором поливе в виде исключения для экономии времени и удобства верхние и нижние участки соединяли [ср. 16, 68], но здесь рог и коллекторные арыки теряли свои функции по сравнению с первым поливом. Поле продолжали поливать от верхней его части до конца.

При поливе здесь тоже участвуют два человека, как и при валиковом способе орошения.

Приемы полива бахчевых культур характеризуются разнообразием. Например, в извилистые джуйыки воду пускали с головной его части и до конца и следили, чтобы вода поднималась до нужного уровня. *В зависимости от степени наклона участка через два или три параллельных* джуйыка перекрывали воду, чтобы на верхних джуйыках вода поднялась до требуемого уровня (так по очереди снизу вверх укладывают дамбочки). В этом случае орошение носит характер затопления. При последующих поливах эти дамбочки немножко прорезают, так, чтобы вода держалась на прежнем уровне. Этот принцип выдерживают до конца вегетационного периода.

Лук, как правило, поливают сплошным напуском воды преимущественно с использованием валиков или же при квадратных валиках, удерживающих воду дамбочками, т. е. накапливают воду в валиках, чтобы корнеплоды получали достаточно влаги. Так же орошают поля с квадратными валиками — пал (Вахан, Ишкашим), на которых сеют

люцерну. Таким же приемом орошаются сады в усадьбах. Этот прием характерен и для населения Дарваза, Каратегина, Куляба, Гиссара[9], а также Афганистана [47, т. I, 161—162].

Полив дынь, арбузов и огурцов отличается от полива других культур. При поливе бахчевых одновременно по всем джуйыкам на участки на длительное время пускают маленькие струи воды, чтобы корни растений получили больше влаги. При этом отводимая лишняя вода по отдельным коллекторам выходит за пределы участков. Продолжительность полива бывает от четырех до двенадцати часов. Чаще всего поливают с вечера до следующего утра, так как ночью земля на полях хорошо пропитывается влагой, что способствует хорошим урожаям. Такие же приемы полива бахчевых культур, по наблюдениям автора, распространены и в названных выше южных районах Таджикистана.

При поливе садов также учитываются многие факторы — микрорельеф, время года и наличие воды в данном кишлаке. Если сады находятся непосредственно на террасах с каменистой почвой, то при сухой погоде их поливают часто и продолжительное время. Воду пускают из постоянного арыка по всем бороздам сада от половины до трех суток, чтобы деревья получили больше воды и влага дольше сохранялась. Сады, расположенные на ровных участках, и посеянные на земле сада бахчевые культуры поливаются еженедельно. Полив садов (по утверждению наших информаторов) очень полезен в конце осени, когда приближается зима[10], так как деревья от последнего полива набирают силу и в следующем году дают хороший урожай; кроме того, при поливе во время наступления холодов погибают различные вредители корней деревьев.

Режим полива зерновых культур зависит от многих причин: условий расположения поля (на террасах, конусах выноса, на различных уклонах), характера грунта (каменистого или песчаного, лессового и т. п.), от климатических условий и времени года. Один и тот же вид зерновых культур в разные годы, в различных условиях микрорельефа и в разное время года поливают по-разному. На основе опыта многих поколений крестьяне выработали определенную систему поливов для каждой сельскохозяйственной культуры. Например, бобовые культуры (ёри ном, кулухдона, бокло — Вахан, Ишкашим) поливали до прорастания ростков, а другие, например пшеницу, ячмень, кроме одного сорта (амрод), — после появления всходов. Около 40% обрабатываемых земель изучаемого района осенью (в октябре) после уборки урожая поливали еще раз для того, чтобы от влаги сгнили корни злаков и сорняков, а также для того, чтобы зимой сильные горные ветры не снесли верхний слой почвы. Часть этих земель по возможности пропахивалась. Эти мероприятия улучшали почву, ее структуру, механический и органический состав (как говорят в народе, «придавали жирность»). Все это в следующий год благоприятно влияло на урожай. Обрабатываемые земли, находившиеся на речных террасах, конусах выноса с каменистыми и песчаными почвами, обычно осенью поливали и частично пахали. Перед весенней пахотой их обязательно поливали. Такие поля через три или четыре недели после появления всходов вторично поливали. Если почва была глинистой, ее осенью поливали и пропахивали, а весной полив не производили, так как на такой почве влага держится дольше. В случае если поле с глинистой почвой осенью и весной не поливали, то на нем высевали бобовые культуры. Их поли-

---

[9] По наблюдениям автора [7].

[10] В Северном Таджикистане для промыва засоленных почв в конце осени производятся так называемые промывные поливы — яхоб [56, 50].

вали после сева, чтобы семена быстрее проросли. Если после первого полива не появлялись всходы, то полив повторяли. Цель осеннего полива — накопить побольше влаги для весеннего сева, которая способствует получению высокого урожая.

Применяя определенный способ орошения, крестьяне учитывали все факторы. Например, считалось, что, чем короче валики и борозды при поливе зерновых культур, тем для них лучше. Полив производили с учетом характера почвы, в определенные часы суток, учитывая силу ветра, особенно после появления колосьев. Если валики и борозды по длине были сравнительно короткие, то все ростки одновременно получали достаточное количество влаги, что способствовало равномерному их росту, а с другой стороны, вода не уносила удобрения при таких коротких расстояниях. Всходы поливали с учетом их естественной потребности и роста, чтобы они не потеряли темп роста. Если земля плодородная, «жирная», то избыток влаги не приносил всходам вреда. Если же почва малоплодородная, «тощая», то всходы желтели и исправить положение было очень трудно. Особенно это относится ко второму поливу — дыоба. Крестьяне говорят: «дыоба — захроба», т. е. «второй полив — ядовитый» (букв. — «вторая вода — ядовитая вода»). Поэтому при втором поливе всегда пускают мало воды, так как земля должна получить меньше влаги, чем обычно. Пустив воду сверху, ее перекрывают, как только она дойдет до конца валика или джуйыка.

Основываясь на опыте своих предков, крестьяне умеют предотвратить опасности, вызываемые этими поливами. Так, например, желтизна всходов опасна только до появления цветов сорняка, называемого «йырхвыш» (Вахан). Этот сорняк, светлый по цвету, имеет колючкообразные неровные длинные листья и достигает 60—80 *см* длины (в зависимости от почвы). Как только цветок йырхвыш появляется на каком-либо поле, крестьяне обращают на это внимание поливальщиков. По мнению земледельцев, после появления этого цветка чрезмерные поливы уже не приносят вреда всходам. По нашим наблюдениям, желтизна всходов очень опасна в период до двадцатых чисел июня, пока воздействие солнца на растения еще незначительно. В конце июня увеличивается количество солнечного тепла, получаемого всходами, и к этому времени появляется цветок йырхвыш.

Число поливов в вегетационный период в Вахане и Ишкашиме на ровных глинистых и аллювиальных почвах (при обилии воды) достигает восьми — десяти, а на террасах и конусах выноса, где преобладала каменистая и песчаная почва, четырнадцати — восемнадцати. Если зимой в горах выпадало мало снега, то в первом случае полив производили от пяти до шести раз, а во втором — от десяти до двенадцати. В такие безводные годы около половины посевных земель, особенно находящихся далеко от источника воды, не давали и половины урожая «многоводных» лет. В «безводный» год по выбору самого хозяина одно поле (с пшеницей, ячменем или горохом) поливали больше, чем остальные, чтобы зерно с этого поля было зрелым, полным и могло быть использовано на следующий год в качестве семян. Остальные поля поливались меньше, только для того, чтобы не высохли всходы. Учитывая количество выпавшего снега в горах, крестьяне определяли количество требуемой воды для орошения. Если зима была малоснежной и весной не было дождей, то каждое хозяйство оставляло под паром от одного до трех полей, чтобы зря не пропали семена, а на следующий год эти участки дали бы хороший урожай. В «безводные» годы крестьяне организовывали круглосуточные поливы участков, смотрели, чтобы ночью воду зря не расходовали, и строго наблюдали очередность потребления воды между односельчанами.

На плодородной почве, засеянной пшеницей, при ночном, т. е. продолжительном, поливе всходы получают достаточно воды и дают хороший урожай. На малоплодородной земле ночной полив, напротив, грозил часто смывом почвенного покрова, так как трудно было определить, когда следует прекратить поступление воды на поле. Ночной полив применяется для бобовых культур (поливают их в прохладное время суток) — после пяти часов вечера и до десяти часов следующего утра. Во время этого полива вода уносила с посевов вредителей — гусениц и т. п. Ячмень, наоборот, поливали преимущественно в жаркое время дня.

Частота полива зерновых культур особенно увеличивалась в самом начале появления колосьев [ср. 140, 125], для того чтобы зерно получалось полным. Как уже упоминалось выше, в этом районе весной после полудня, а иногда и ночью почти ежедневно начинает дуть сильный ветер, который может погубить урожай, (тяжелые налитые колосья могут полечь и сгнить), а сильный ветер здесь дует регулярно, в одни и те же часы суток. Поэтому во время такого сильного ветра, все земледельцы прекращают полив пшеницы и ячменя, а поливают другие культуры, для которых это менее опасно.

Распределение воды. Соблюдение очередности в потреблении воды для орошения полей между хозяйствами в Вахане и Ишкашиме было различно. В некоторых кишлаках из-за обилия воды в вегетационный период вовсе не существовало очередности (кишлак Вранг) [11]. В ряде кишлаков очередность распределения воды устанавливалась во второй половине поливного сезона, в конце июля, когда количество воды уменьшалось. Очередь соблюдали сами крестьяне, не выделяя для этой цели специального человека — мираба [так было в кишлаках Внукут, Нижгар, Дриж, Романит, Удит (Видит), Мулводж, Яхшвол]. Правда, эти кишлаки состояли из малого числа хозяйств [11, 38], поэтому у них не было необходимости в специальном мирабе.

Распределение воды между хозяйствами происходило так: крестьяне использовали воду от рассвета — сыбыдам (Вахан, Ишкашим) до рассвета следующего дня (за исключением кишлака Зунг в Вахане). В кишлаке Зунг существовал другой порядок, который зависел от характера источника воды, т. е. водоема кишлака. Здесь воду начинали использовать с вечера, после заката солнца, до вечера следующего дня. Такой порядок был более удобен, поскольку с вечера было необходимо заполнить сначала водоем, а уже потом рано утром направлять воду на поля. Чтобы ночью из водоема не крали воду, тот, чья очередь была поливать, с вечера брал с собой постель и ночевал у водоема до наступления рассвета, т. е. до пуска воды на поля. В случае обнаружения кражи воды скандал перерастал в драку. Дело кончалось взиманием штрафа с того, кто незаконно взял воду, через мираба и аксакала кишлака.

Воду между хозяйствами распределяли по количеству засеянной площади, так как некоторые сеяли двадцать — тридцать пор земли, а другие десять — двенадцать. Первым давали больше воды в течение суток, а вторым меньше. При этом в одни сутки могли брать воду три-четыре малоземельных хозяйства.

Некоторые кишлаки имели двусторонний источник воды, т. е. источники воды существовали с двух сторон кишлака и от них шли оросительные каналы. Каждое хозяйство кишлака имело посевные земли на каждой из этих сторон. Одни сутки вода для полива поступала на участки, расположенные в одной стороне, вторые сутки — на располо-

[11] И в других местностях при обилии воды очередность не соблюдалась [90, 171].

женные на другой стороне, из другого источника, находящегося на той же стороне. Такое чередование облегчало положение земледельцев, им меньше грозила опасность высыхания посевов (например, в кишлаках Ныд, Рын, Дашт, Наматгут в Ишкашиме, в Шитхарве и во Вранге в Вахане).

В кишлаках, где было много хозяйств (Рын, Наматгут, Шитхарв, Зунг) и не хватало воды, для соблюдения строгой очередности ее потребления односельчане ежегодно по совету старосты кишлака выбирали какого-либо мужчину среднего возраста — мирджу, мири об, кырыкмол (Вахан, Ишкашим). Он наблюдал за соблюдением очередности получения воды между односельчанами.

Мираба (мирджу) выбирали преимущественно из среды бедных малоземельных крестьян, имевших поэтому время для выполнения этой работы. Выборы происходили так: несколько крестьян договаривались между собой о кандидатуре определенного человека и говорили о нем старосте кишлака. Последний созывал авторитетных крестьян от каждого хозяйства и приглашал на это собрание кандидата в мирабы. Ему сообщали, что его хотят выбрать на один год наблюдать за очередностью в распределении воды, и предлагали за работу 30 пор (или 8—9 тюбетеек) зерна. Если человек соглашался, то с этого дня он приступал к работе. Если он считал, что плата мала, то говорил: «Тридцать пор мало, я согласен за сорок». Если крестьяне на это не соглашались, выбирали другого. Один и тот же человек, если он хорошо работал, мог выбираться на должность мираба несколько лет подряд, конечно если он сам был согласен.

В обязанности мираба [ср. 59, 173] — мирджу входила еще и охрана полей от потравы животными. Если последняя имела место, то жаловались мирабу или аксакалу и он при участии еще двух крестьян определял ущерб, за который виновник должен был расплачиваться — возместить ущерб пострадавшему. Если какое-либо хозяйство нарушало очередность потребления воды, то его лишали следующей очереди и он подвергался штрафу — яргу.

В конце осени после уборки урожая мираб вместе со старостой кишлака и по договоренности с односельчанами брал с каждого хозяйства определенную долю зерна с урожая. Но некоторые мирабы взамен зерна по соглашению с определенным крестьянином брали коровье масло, ткани, халат, шерсть, кожу для обуви и т. п. Сам по себе, самостоятельно мираб не имел права кого-либо штрафовать и взимать что-либо в свою пользу.

* * *

Из общего обзора высокогорного типа искусственного орошения в Вахане и Ишкашиме видно, что преобладание одного из основных способов орошения — валикового или джуйычного — при орошении зерновых культур зависело главным образом от микрорельефа, степени плодородия почвы и местных этнографических традиций.

Валиковый способ орошения и его приемы распространены также в Афганистане, особенно в Герате [47, т. I, 103—118, 140—163]. Этот способ орошения с его сложной технологией отличается от орошения зерновых культур в Дарвазе, Каратегине, Кулябе и долине Гиссара. В Вахане и Ишкашиме временные валики и борозды ежегодно уничтожаются и снова восстанавливаются, что говорит о глубоком знании крестьянами местных особенностей земледелия, умелом использовании ими определенных природных факторов.

Джуйычный способ и его разнообразные приемы распространены также в Шугнане и Рушане [16, 66 (рис. 13)], в северной части Афга-

нистана, главным образом в Афганском Бадахшане и у хазарейцев [47, т. I, 161].

Джуйычный прием орошения бахчевых и огородных культур в основном является средним между напуском и затоплением. Он наблюдается и у других припамирских народностей, а также у населения Дарваза, Каратегина, Куляба, долины Гиссара [12] и в Афганистане [47, т. I, 161—162; 29, 63].

Система орошения в Вахане и Ишкашиме характеризуется примитивностью основных крупных гидротехнических сооружений (хотя они вполне отвечали потребностям земледельцев). Интересны мелкие оросительные каналы и их распределительные части на полях, сложные конструкции временных арыков, отводящих воду в различные участки орошаемой земли. Однако примитивность основных головных сооружений связана с тем, что быстротекущие с гор ручьи довольно легко можно было регулировать и это не требовало таких сложных гидротехнических сооружений, как в низовьях Амударьи [54; 18] или в Фергане [83].

Система искусственного орошения на Западном Памире характеризовалась сравнительно незначительными размерами магистрального канала (до 1—1,5 *м* ширины) и ограниченной площадью бассейна (до 15—20 *га*). Весьма характерны значительные уклоны каналов, устройство водорегуляторов из каменных плит — своеобразных водосливов, которые имеют универсальное значение для водораспределения во всем Западном Памире. Весьма характерен также переброс воды по желобам (акведукам) через овраги и ущелья, примитивна и в то же время весьма остроумна вся система регулирования количества воды с помощью камней, каменных выкладок и т. п.

Приведенные в данной главе материалы по традиционному высокогорному орошению свидетельствуют о том, что население Вахана и Ишкашима, а также других районов Советского и Афганского Бадахшана можно отнести к древнейшим земледельцам, овладевшим в специфических природных условиях достаточно высокой культурой орошаемого земледелия. Высокая техника и интенсивность обработки посевных площадей для полива была обусловлена также и малоземельем, необходимостью получать сносные урожаи с крохотных земельных участков.

Самым характерным для традиционной системы орошения на Западном Памире, в частности в Вахане и Ишкашиме, является сочетание крайне примитивных гидротехнических сооружений с очень высокоразвитой культурой полива полей.

---

[12] По наблюдениям автора [7].

Глава III

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОРУДИЯ

Изучение традиционных сельскохозяйственных орудий Вахана и Ишкашима, которые, несмотря на примитивную конструкцию (особенно пахотное орудие), находят применение даже в колхозном производстве в наши дни, представляет большой интерес для агроэтнографии[1]. Конструкция пахотных орудий, оставаясь почти неизменной в Вахане и Ишкашиме на протяжении веков, свидетельствует о том, что они очень хорошо приспособлены к условиям высокогорного земледелия. Вопреки мнению Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова [53, 81], этнографы в своих исследованиях, особенно посвященных орудиям труда и другим элементам материальной культуры, наряду с этническими особенностями всегда учитывали влияние географической среды. Например, особенности ландшафта и характер почв оказывают существенное влияние на конструкцию пахотных орудий. Еще крупный этнограф Д. К. Зеленин, изучая русские пахотные орудия, отметил, что «едва ли не в каждой волости существует и особая разновидность сохи, сообразно с местными условиями почвы» [61, 10].

В настоящей главе мы остановимся на рассмотрении традиционных сельскохозяйственных орудий у населения Вахана и Ишкашима, описании их типов и размеров, а также материалов, из которых эти орудия изготовлялись.

Главным орудием земледельцев Вахана и Ишкашима, как и в других районах Западного Памира, является традиционное деревянное пахотное орудие среднеазиатского типа, которое в Вахане называют «сыпундр», в Ишкашиме — «успер». Для пахотных орудий этого типа характерно, что основа его и ручка (часто со вставным держателем) представляют единое целое.

Деревянные пахотные орудия, встреченные нами, не отваливающие пласты земли, а только рыхлящие почву, по размерам подразделяются на большие и малые [122, 31; 124, 118]. Большое пахотное орудие в Вахане называется «луп сыпундр», малое — «дзыклай сыпундр», а в Ишкашиме — «катта успер» и «чыт успер»[2].

Конструкция большого и малого пахотных орудий одинакова, они отличаются размерами и разным назначением. Рабочая часть пахотного орудия — основа — сыпундр (Вахан), успер (Ишкашим) [99, 91—93; 96, 60—65], название которой перенесено и на орудие в целом. Она изготовляется из цельного естественно изогнутого под тупым углом

---

[1] См. дискуссию в журнале «Советская этнография» [53; 146; 128, 149; 34; 147].

[2] О распространении терминов для обозначения пахотных орудий по некоторым районам Средней Азии см.: [16, 35; 78, 118—126].

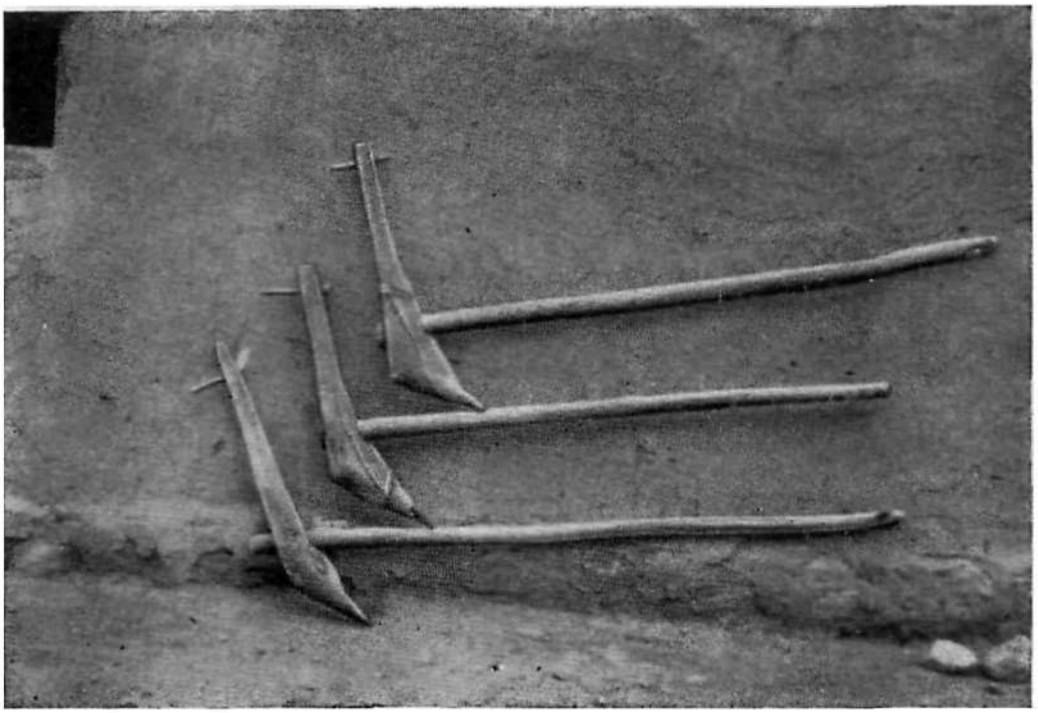


Рис. 10. Ваханские пахотные орудия

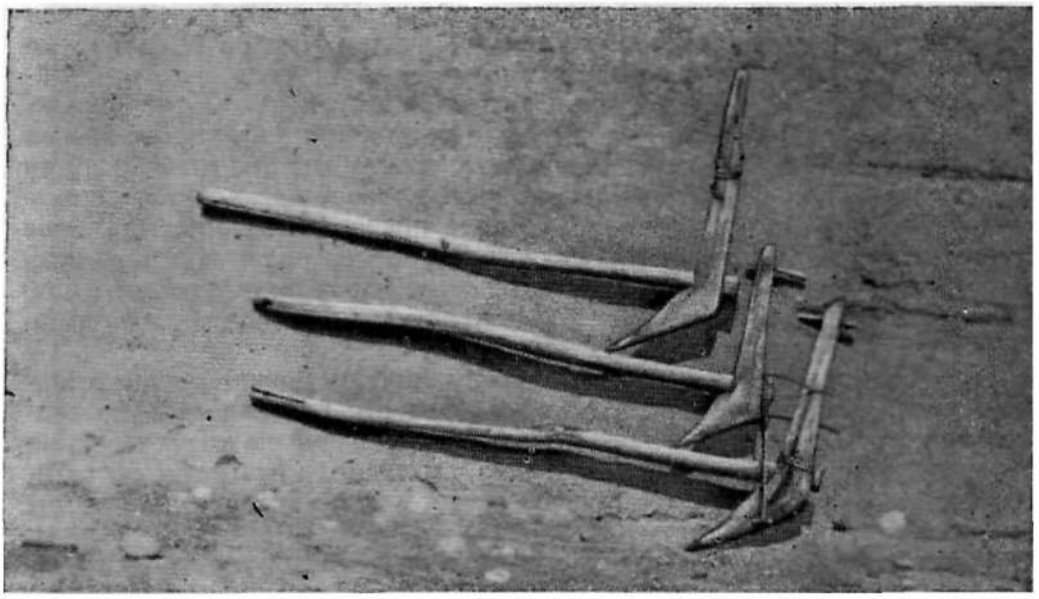


Рис. 11. Ишкашимские пахотные орудия

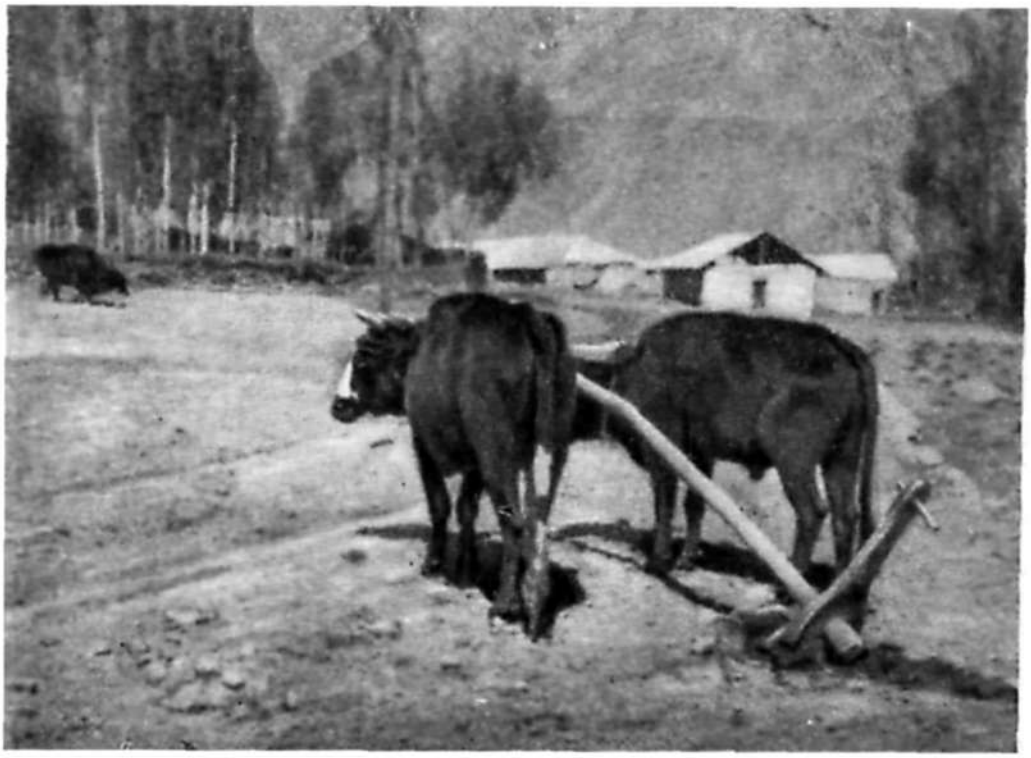


Рис. 12. Волы на пахоте

куска ствола твердого дерева. Средняя часть ее, т. е. нижний конец (подошва основы), длина которой у малого орудия 30—40 *см*, у большого от 40—50 и более, и верхний (ручка) обтесываются сравнительно тоньше. В средней части основы стамеской проделывается сквозное круглое отверстие — сырв (Вахан), сымбук (Ишкашим), в которое вставляется (без дополнительных клиньев) дышло — вышп (Вахан), фаранг (Ишкашим). Это отверстие, находящееся на стороне основы, обращенной при пахоте к волам, в диаметре у́же, чем на противоположной. Это делается для того, чтобы дышло при работе не выскакивало из основы (рис. 10—11). В верхней части основы, выполняющей функции ручки, в 5 *см* от края сделано отверстие, в которое вставляется держатель — мытык (Вахан, Ишкашим). Дышло представляет собой длинное обтесанное бревно (диаметр 8—10 *см*), в передней части которого имеется круглое, реже прямоугольное отверстие, в него вставляется палочка-занозка — килч (Вахан), такел (Ишкашим), удерживающая при пахо́те петлю тяжа на дышле.

Для изготовления дышла всегда берут ровное бревно, если же такового нет, то приходится использовать бревно с кривизной. В последнем случае при соединении кривого бревна с основой пахотного орудия мастер поворачивает его кривизной вниз или вверх и отверстие на изгибе основы обязательно выдалбливает с учетом кривизны дышла, чтобы регулировать глубину пахоты.

Необходимой частью пахотного орудия является ярмо — сынвыр (Вахан), йуг (Ишкашим), представляющее собой длинное обтесанное бревно, в средней части которого сделано утончение — кырым (Вахан), фырьюш ной джо (Ишкашим). На обоих концах этого бревна на расстоянии 25—30 *см* друг от друга проделано по два круглых сквозных отверстия. В них вставляют две пары палочек — самшунг (Вахан), иргорчуб

(Ишкашим), между которыми помещаются шеи впрягаемых волов. На нижних концах этих палочек (вокруг них) вырезаны выемки для привязывания веревок — самдарч, самбанд (Вахан), иргобанд (Ишкашим), проходящих под шеями волов (см. рис. 12, 13, 16).

Пахотное орудие соединяется с ярмом при помощи тяжа — рег (Вахан), фырьюш (Ишкашим). Для тяжа обычно выбирали тонкие, примерно одногодичные или полуторагодичные побеги ивы — зартнук (Вахан), зардбед (Ишкашим) или березы — бруж (Вахан, Ишкашим). Эти побеги после срезания на 10—15 дней закапывали во влажную землю, чтобы они не ломались и стали более эластичными. После этого побеги перекручивали особым образом, в результате чего побег разделялся на перекрученные волокна и становился крепким. В дальнейшем брали два таких побега с перекрученными волокнами и, соединив их тонкие концы, перегибали, получив небольшую петельку, и затем скручивали оба побега так, что тонкие их концы при скручивании оказывались внутри свитой веревки (тяжа). Тяж на одном конце имеет петельку, а на другом — узел из срезанных побегов.

Пахотные орудия большого размера применяются на ровных участках для глубокого рыхления почвы (от 18 до 25 *см*). При изготовлении орудия мастер исходит из того, что верхняя его часть — мытык должна доходить пахарю до пояса. При работе с таким орудием пахарь может не наклоняться и идет ровно, свободно.

На каменистых почвах равнинной местности или на предгорных и горных участках применяются удобные для транспортировки и маневрирования малые пахотные орудия. У орудий этого типа узкая рабочая часть и металлический наконечник также малых размеров, дающий возможность пахать землю на глубину от 12 до 18 *см*.

Во время пахоты на неровной местности пахарь всегда стоит так, чтобы ручка орудия находилась на уровне его пояса. Малые пахотные орудия применяются в Вахане и Ишкашиме при проведении на засеянных землях ирригационных бороздок — джуйык. В Дарвазе

Рис. 13. Пахота

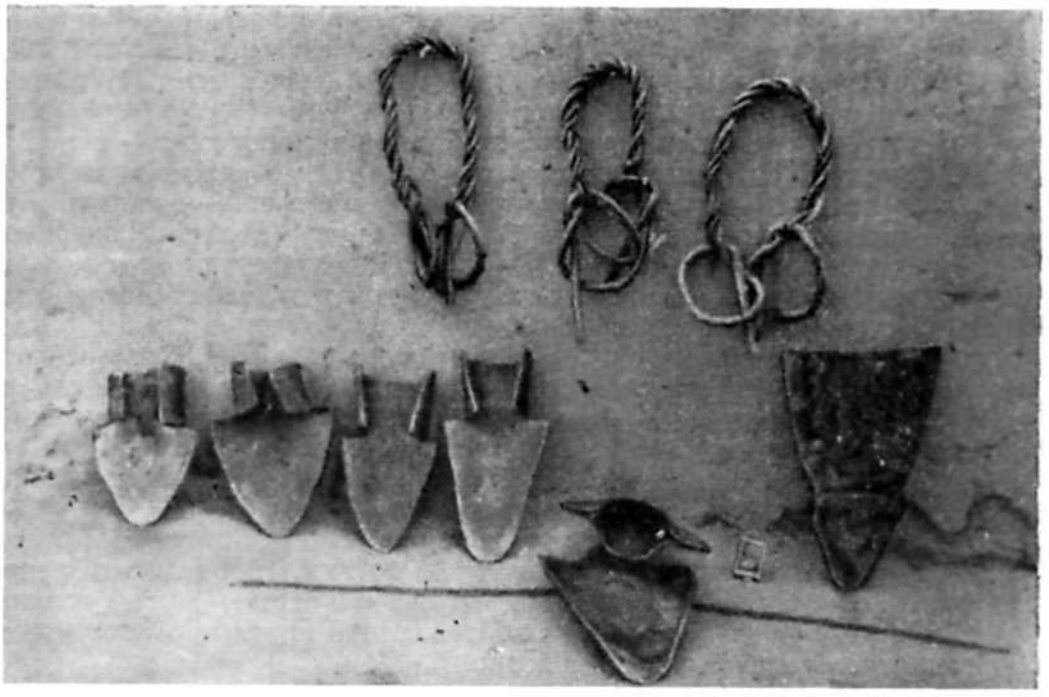


Рис. 14. Металлические наконечники, надеваемые на рабочую часть пахотного орудия; вверху — сплетенные из прутьев тяжи, скрепляющие ярмо с дышлом пахотного орудия

и Каратегине этот тип орудия для ирригационных работ не применяется.

Если борозды проводить большим пахотным орудием, то они получаются чрезмерно глубокими (часть высеваемых семян попадает глубже 10—14 *см*), не дающими возможность прорасти всходам.

Традиционное пахотное орудие (как большое, так и малое) изготовляется мастерами из местных сортов дерева. В Вахане рабочую часть его вытачивают из черной — биспор или желтой — зартнук ивы; в Ишкашиме кроме этих видов ив, называемых здесь «сиёхбед» или «зардбед», применяются еще абрикосовое или тутовое дерево и арча. Дышла и ярма для пахотных орудий вытесываются в названных районах только из ивы и редко из березы.

Как рассказывает наш информатор Нурхаётов Мамадгул, в прошлом пахотные орудия привозили из кишлаков Вахандарьи, т. е. из ущелья Вахана (в Афганском Бадахшане). Их делали для продажи в кишлаке Саст, некоторые хозяйства которого ежегодно изготовляли от десяти до пятнадцати пахотных орудий. В начале весеннего посева эти орудия привозили в кишлаки Лянгар, Исор, Зунг и Ширгин и обменивали на зерно, овец и коровье масло. Иногда крестьяне брали пахотное орудие в долг до осени, который погашали после уборки урожая. После установления афгано-советской границы местные мастера стали сами изготовлять деревянные пахотные орудия и обеспечивать ими односельчан.

Необходимо отметить, что традиционное пахотное орудие и ярмо Ишкашима особенно близки с шугнанским и рушанским[3], у которых изгиб основы пахотного орудия больше, чем у ваханского. Изгиб основы ваханского пахотного орудия на 10—15° меньше, чем у ишкашим-

[3] Ср. с плугом хуфцев [16, 41 (рис. 6); 42, 79 (рис. 11)].

ского, нижняя часть (ниже отверстия, в котором закреплено дышло орудия) короче, а верхняя длиннее, чем у ишкашимского (см. рис. 10, 11).

Ваханское пахотное орудие по форме очень близко к гератскому, если не учитывать перекладину, соединяющую основу с дышлом [47, т. I, 174 (рис. 68—I)].

В Ишкашиме, особенно в кишлаке Рын, можно встретить в незначительном количестве пахотные орудия ваханского типа, изготовленные мастерами этого же кишлака.

Как говорилось выше, рабочей частью пахотного орудия является основа, на конец которой надевается металлический наконечник. Он бывает чугунным (литым) или железным (кованым) [4]. Чугунные наконечники в исследуемом районе в прошлом не производились, их привозили обычно из Читрала, Зебака или из Кундуза (Афганский Бадахшан), а также из левобережного и правобережного Шугнана. Чугунные наконечники, привозимые с левобережья Пянджа, были большими и маленькими и ценились за то, что чугун, из которого они были сделаны, прочнее, чем в шугнанских наконечниках. Железные наконечники всегда привозили из Шугнана, а в 30-е годы оттуда же стали привозить и чугунные наконечники.

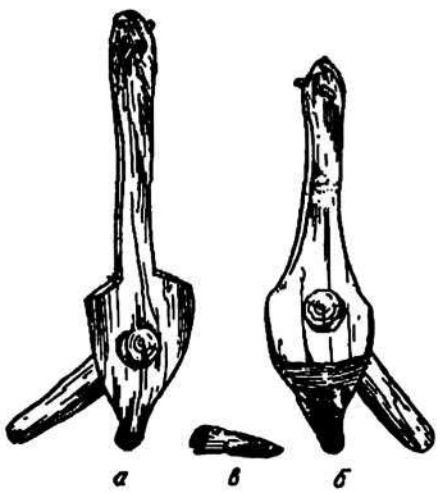


Рис. 15. Пахотные орудия:
а — ваханское и *б* — ишкашимское (вид сзади); *в* — металлический наконечник, надеваемый на рабочую часть пахотного орудия

Кованые наконечники в Вахане и Ишкашиме назывались «пешык», «ойин», «новак» (последний термин в Вахане не употреблялся). Чугунные наконечники назывались в Вахане «дзиклай тиш» (малый), «луп тиш» [5] (большой), в Ишкашиме, соответственно, «кылбашпын» и «курхуй» [6], иногда здесь можно встретить и такое название, как катташыпын или чытшыпын.

Как рассказывают наши информаторы Хаитмамадов Х., Хабибов Дж. и Нурхаётов М.[7], в старину железа вообще было мало и металлических наконечников для пахоты достать было невозможно, поэтому вместо них на конец рабочей части пахотного орудия прикрепляли небольшой деревянный остроконечник, сделанный из твердого дерева: абрикоса — чувенд-но дырк или ствола кустарника облепихи —

---

[4] Кованые наконечники быстро изнашивались на каменистых почвах, их нужно было в год от четырех до шести штук. Чугунные наконечники служили дольше кованых и ломались только при ударе о большой, скрытый на глубине камень, отчего ценились дороже. За бадахшанский чугунный наконечник давали до четырех пудов пшеницы, а за большой даже до шести пудов [33, 19].

[5] Тиш — тюркское слово, означает «зуб». А. А. Бобринской отмечает, что ваханцы и ишкашимцы все необходимые предметы для хозяйства получали из Афганского Бадахшана, но после запрещения афганцами торговли с Бадахшаном железо и другие товары стали им доставлять киргизы из Ферганы. На наш взгляд, слово «тиш» перешло к ваханцам в конце XIX — начале XX в. через киргизских торговцев [42, 85—86].

[6] Курхуи — название кишлака в Афганском Бадахшане, где производили чугунные наконечники, отсюда и название наконечников.

[7] Хаитмамадов Хайдар (71 год), Хабибов Джалол (57 лет), жители кишлака Рын, колхоз им. Исмаилова Ишкашимского района ГБАО; Нурхаётов Мамадгул (84 года), уроженец кишлака Зунг того же района (записи 1969 г.).

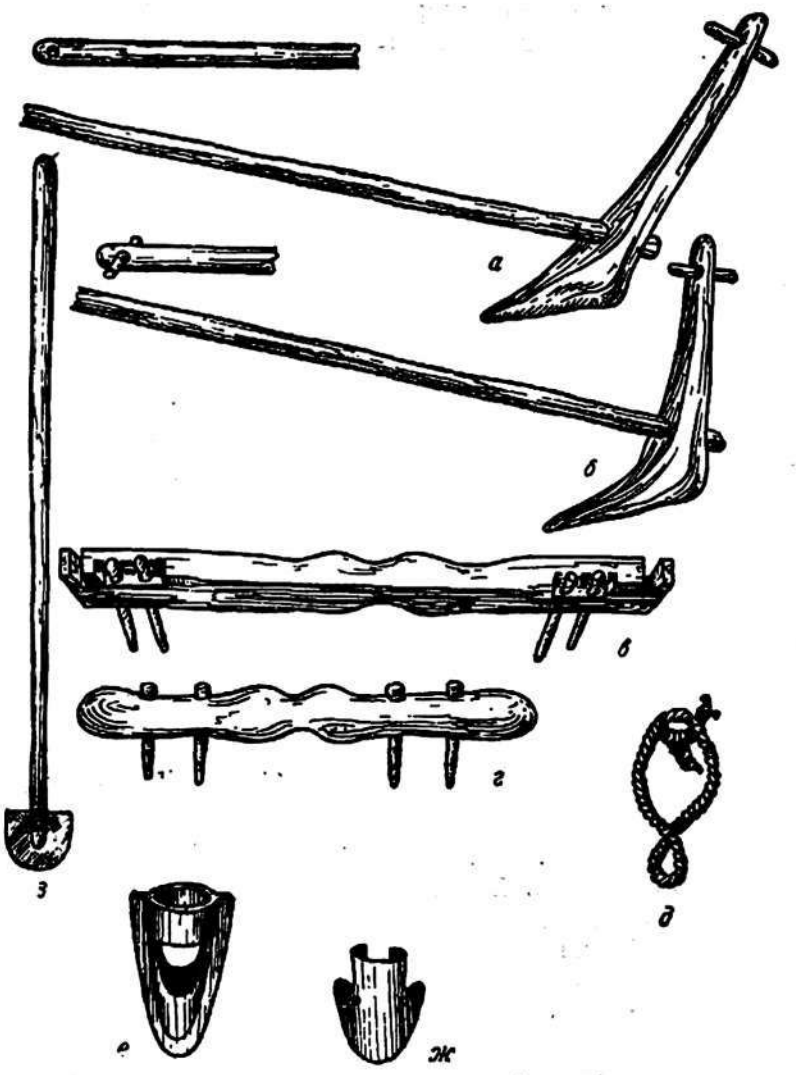


Рис. 16. Земледельческие орудия:

а — пахотное орудие ваханского типа; *б* — пахотное орудие ишкашимского типа; *в* — ярмо ишкашимского типа; *г* — ярмо ваханского типа; *д* — тяж из скрученных прутьев; *е* — чугунный (литой) наконечник малого пахотного орудия; *ж* — железный (кованый) наконечник; *з* — деревянная лопата, употребляемая при подготовке поля к поливу и во время полива (Ишкашим)

хоркондок-но дырк. При пахоте на каменистых почвах деревянные остроконечники приходилось менять через каждые два дня, поэтому до начала весеннего сева крестьяне заготавливали их до 10—15 штук.

Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич в 1924 г. в Северном Афганистане обнаружили у таджиков Афганского Бадахшана другой вариант деревянного наконечника. К югу от Гиндукуша таджики Пянджшира для этих целей применяли длинную палку, которую вставляли в сквозное отверстие у основы пахотного орудия [47, т. I, 176 (рис. 70, 71)].

Рассмотренные нами пахотные орудия, бытующие в Дарвазе, Каратегине и в северных районах Таджикистана, а также в сопредельных районах Афганистана, отличаются только некоторыми деталями, конструктивно они едины. Отметим их сходство и различия.

Во-первых, ваханское пахотное орудие (если не учитывать меньший изгиб основы) очень близко к пахотным орудиям всего Припа-

мирья. Таким образом, выявляется единый ареал однотипного пахотного орудия — Шугнан, Рушан, Горон, Ишкашим, Вахан и Афганский Бадахшан.

Во-вторых, отличие пахотного орудия Вахана, Ишкашима и Горона от дарвазского и каратегинского [124, 117, (рис. 9, «1—2»)], северных групп районов Таджикистана [59, 33 (рис. 13)] и Кулябской группы [7], а также районов Самарканда в Узбекистане [143, 151, табл. 1] заключается в массивности основы последних. Самое малое по размерам дарвазо-каратегинское или кулябское пахотное орудие по величине основы равно большому пахотному орудию Вахана или Ишкашима.

В-третьих, в изучаемых нами районах отверстие в основе пахотного орудия, служащее для крепления дышла, делается круглым, в Дарвазе, Каратегине, северных районах Таджикистана, Самарканде, в Кулябской группе районов и в Северном Афганистане оно квадратное или прямоугольное. В Вахане, Ишкашиме и Гороне отсутствует отверстие на толстом конце дышла в основе пахотного орудия, как это практикуется в Дарвазе, Каратегине и в упомянутых выше районах Таджикистана и Афганистана.

В-четвертых, дышло пахотного орудия у ваханцев и ишкашимцев, как и у других памирских таджиков, в передней части имеет только одно отверстие, в которое вставляют палочку-занозку, удерживающую тяж, перекинутый через ярмо. В передней части дышла пахотного орудия в Дарвазе, Каратегине [124, 117 (рис. 9 «1—2»)], северных районах Таджикистана [59, 33 (рис. 13)], в Зеравшане [76, 550 (рис. 1)] и у узбеков-карлуков в Узбекистане [148, (рис. 1)] делают до четырех отверстий, служащих для регулирования глубины пахоты. Для этой же цели, т. е. регулирования глубины запашки, в Вахане и Ишкашиме удлиняли или укорачивали тяж или нажимали рукой на рукоятку. Иногда наклон пахотного орудия регулировали тем, что дышло, сделанное, как мы уже отмечали выше, из кривой жерди, вставляли кривизной вверх или вниз, добиваясь таким образом необходимого наклона [16, 38—39].

В-пятых, в рассматриваемых нами пахотных орудиях совершенно отсутствует выемка на нижней плоскости основы, которую делают для облегчения орудия в Дарвазе и Каратегине [124, 117 (рис. 9 «1 — 2»)].

В-шестых, в пахотных орудиях Вахана, Ишкашима и Горона отсутствует планка, соединяющая основу с дышлом, что отличает их от пахотных орудий Зеравшана, Самаркандской и Сурхандарьинской областей Узбекской ССР [76, 550 (рис. 1); 143, 151 (рис. 1)] и распространенных в Афганистане (в частности, в Герате и Бадахшане).

Все эти сопоставления показывают, что деревянное пахотное орудие ваханцев и ишкашимцев является одной из разновидностей пахотных орудий среднеазиатского типа, т. е. омачных.

Другим традиционным орудием, применяемым для выравнивания вспаханного поля и размельчения комьев земли в обследованном районе, были бороны двух видов.

Борона первого вида — плетень-волокуша в форме квадрата (1,5 *м*×1,5 *м*) изготовлялась из ветвей березы — бруж, кустарника — ахман или сашло. Делали это следующим образом: брали раздваивающуюся ветку, в развилку которой вставляли жердь толщиной 5—6 *см*, а концы веток связывали скрученными прутьями. На расстоянии 80 *см* от этой жерди снизу и сверху клали еще по одной жерди и скрученными прутьями крепко привязывали их к основе[8]. Если под рукой не было раздваивающихся веток, то использовали и простые ветки. Их укладывали в один ряд, а сверху прижимали дополнительной жердью и креп-

[8] См. [148, 49 (рис. 2)]. На этом рисунке изображена такого же типа борона.

ко привязывали тонкими скрученными прутьями. В Вахане такую борону-волокушу называют «нымурзг», в Ишкашиме — «шыгмола», «лыхмола».

Борона второго вида очень проста и представляет собой большой трапециевидный сноп, связанный из ветвей колючего кустарника (зах — в Вахане, шукондок — Ишкашиме) или из ветвей облепихи и применявшийся только для выравнивания холмиков по бокам оросительных борозд. Последние проводили на засеянных участках, чтобы во время полива борозды лучше пропитывались влагой, а посеянные семена находились под хорошо взрыхленной землей до времени их прорастания. Второй вид бороны называют в Вахане «захнымузг», «джуйнымузг», «джуймолла», в Ишкашиме — «хормола».

По окончании посевного сезона бороны-волокуши, изготовляемые из ветвей, использовались на топливо.

В прошлом оба вида борон-волокуш в Вахане и Ишкашиме таскали по полю вручную. Для этого шерстяную веревку длиною 4—5 *м* привязывали к двум углам или же к середине бороны-волокуши и человек, накинув на себя эту веревку, тянул борону по земле. Если борона оказывалась слишком легкой, то на нее накладывали 10—15 *кг* камней, чтобы она, став тяжелее, лучше размельчала комья.

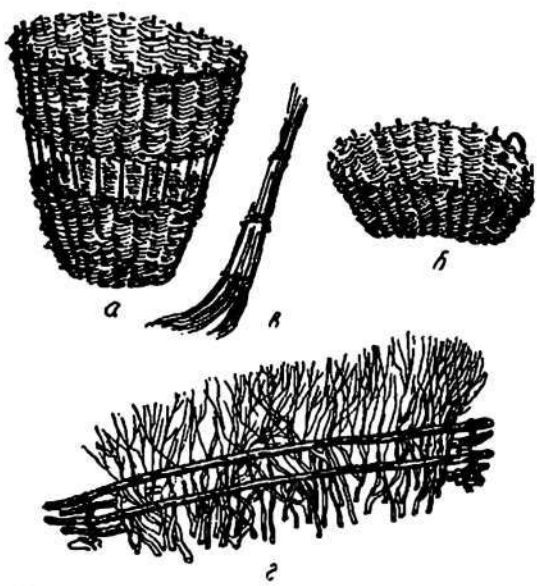


Рис. 17. Земледельческие орудия:
а — плетенная из ветвей заплечная корзина для переноса груза мужчинами; *б* — корзина для навоза; *в* — метла для подметания тока; *г* — борона-волокуша

Обычно пахоту чередовали с боронованием. Когда пахарь оставлял быков на короткий отдых, он брал волокушу за веревку и тащил ее по вспаханному участку для выравнивания поля и размельчения комьев земли, добиваясь тем самым сохранения ее влажности. Употребляемый здесь способ чередования пахоты с боронованием позволял экономить время и заканчивать весенний посев в короткий срок.

При других земледельческих работах — копке, рыхлении, прополке, чистке арыков — применяли кирку — чок, которая бывает двух видов. Кирка первого вида (типа кельта), небольшая по размеру, состоит из металлического наконечника длиной от 10 до 13 *см*, насаженного на загнутую деревянную ручку. Этот архаический тип кирки до сих пор встречается во всех районах Памира [16, 47—49 (рис. 9)].

Кирка второго вида имеет наконечник, в широкой части которого находится отверстие, где закрепляли не загнутую, а ровную деревянную ручку. И у этого типа кирки лезвие наконечника перпендикулярно ручке орудия. Кирки этих видов изготовлялись местными кузнецами[9], существовали они и в Ягнобе[10].

Для чистки арыков кроме кирки чок применяли высоко ценимые в старину необработанные рога горного козла — джонвар шох, ранг шох.

---

[9] В настоящее время применяются кирки заводского изготовления.
[10] [17, рис. 25, в середине, между серпом и лопатой].

Для размельчения комьев земли после вспашки употребляли двусторонний деревянный молоток, насаженный на длинную деревянную ручку. Такой молоток в Вахане называли «кытум», в Ишкашиме — «батук». Часто в старину такой молоток делали из толстой части рога горного козла.

Для земледельческих работ применяли также лопаты. До присоединения Восточной Бухары, в том числе правобережного Вахана, Ишкашима и Горона к России, железную лопату — бел привозили, как и чугунные наконечники, главным образом из Афганского Бадахшана [42, 84—88]. По сообщению наших информаторов, эта лопата была очень тяжелой и неудобной в употреблении. Приблизительная длина ее рабочей части была 20 *см*, ширина у основания — около 15 *см*, конец заострен [47, т. I, 163 (рис. 61)]. Таких лопат в каждом кишлаке было до трех.

При земледельческих работах и во время чистки арыков к ручке такой лопаты привязывают две скрученные из тонких прутьев веревки длиной 1,5—1,7 *м* (анджан). Из-за преобладания каменистых почв в районе сложилась традиция работать лопатой одновременно двум или трем человекам: один вгоняет лопату в грунт, а второй и третий вместе тянут за концы веревок, помогая первому поднимать лопату с землей [11] (см. рис. 19).

В конце XIX в. среди местного населения стали распространяться русские железные лопаты фабричного производства, постепенно вытеснившие бадахшанскую лопату. Местные мастера из этих лопат изготовляли изогнутые железные лопаты — чангык или чангак, используемые для прополки местного вида табака и других культур.

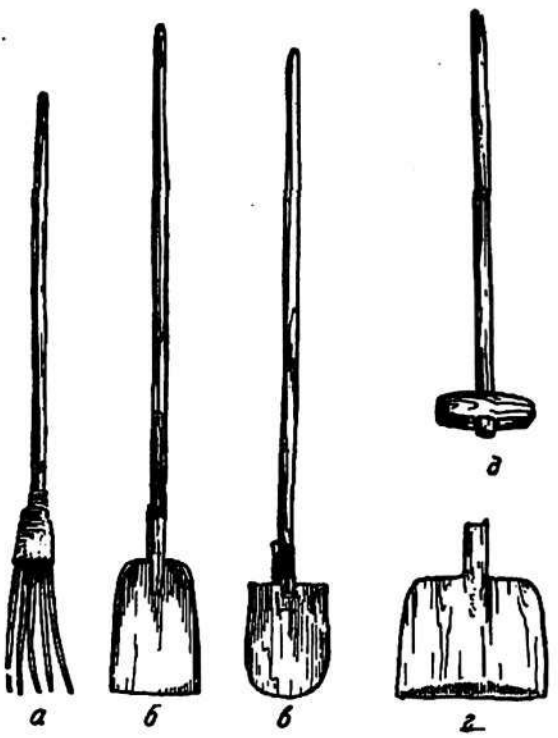


Рис. 18. Земледельческие орудия:
а — деревянные вилы; *б* — деревянная лопата для веяния зерна; *в* — деревянная лопата с закругленной рабочей частью, употребляемая при подготовке поля к поливу и в процессе полива; *г* — рабочая часть новой деревянной лопаты для веяния зерна; *д* — деревянный двусторонний молоток для разбивания комьев земли перед пахотой

Для проведения бороздок при поливе посевов зерновых и для других сельскохозяйственных работ употребляли главным образом деревянные лопаты с очень длинными ручками, которые по своему назначению отличались друг от друга. Такая деревянная лопата в Вахане называлась «пый», в Ишкашиме — «фай» [99, 96; 143, 186 (рис. 5), 192 (табл. 5, рис. 3), 194 (рис. 19)].

Лопаты, изготовляемые из крепкого дерева — абрикоса, облепихи или арчи, известные в Вахане под названием «тыпычпый», в Ишкашиме — «варгфай», «хокобфай», использовались во время полива, чистки арыков, при закладке фундаментов домов и для разбрасывания удобрений на посевных землях. Бо́льшие, чем первые, по размеру лопаты, из-

[11] Изображение работы с лопатой с анджаном [16, 46; 47, т. I, 64 (рис. 9); 152, 46 (fig. 12)].

Рис. 19. Чистка арыка при помощи веревки «анджан»

готовляемые из берсзы, ивы, а также из абрикоса — сорпый (Вахан), усирфай, дыркинфай (Ишкашим), употреблялись при веянии зерна на гумне, при очистке крыш домов от снега и т. д.[12]. В настоящее время эти деревянные лопаты постепенно вытесняются железными; но до сих пор ими продолжают пользоваться кое-где при поливе.

Применение деревянных лопат до наших дней объясняется тем, что при первом и втором поливе зерновых крестьянин-поливальщик должен всегда работать деревянной лопатой, чтобы случайно не подрезать корни и стебли всходов. Лезвия деревянных лопат тупые, так что не очень вредят молодым и неокрепшим всходам. Железная лопата остра и при поправке канавок подрезает всходы, которые от этого высыхают.

Для удаления больших камней из арыков и с полей применяли бревно-рычаг — арами чубин (Вахан), ором (Ишкашим) длиною до 1,5 *м*, диаметром 8—10 *см*.

Для выкорчевывания корней, чистки деревьев в саду и для изготовления различных сельскохозяйственных орудий применялись топор, тесло и нож.

Большой нож в Ишкашиме называется «кызли», малый — «кел»; топор в Вахане — «тыпар», в Ишкашиме — «тавар», тесло в Вахане

[12] Деревянные лопаты при веянии применяются не только в Таджикистане и Узбекистане, но и во многих других странах, в Южной Европе, например в Италии [см. 157, 100 (fig. 14)].

называется «тарш», в Ишкашиме — «петхын». Кроме топора и тесла для выкорчевывания корней растений на целинных землях использовали сделанную из боярышника палку с заостренным концом длиной около 1 *м*, толщиной 4—5 *см*, так называемый тезкан, с помощью которой размягчали почву, после чего сильным рывком выдергивали растения.

Об орудиях жатвы в Средней Азии существует значительная литература [130, 11; 71; 76; 122; 67; 59; 99], однако изучением серпов зитр (Вахан), дур (Ишкашим) почти никто специально не занимался [100, 119—121].

Орудия жатвы у памирских таджиков представляют большой интерес. Железным серпам с гладким лезвием, по-видимому, предшествовали, как и у некоторых других горцев, серпы из рога горного козла [13]. Делали их следующим образом: вогнутую часть рога затачивали на камне, а основание делали более тонким, чтобы было удобнее держать. Такие серпы из рога были недостаточно остры, не всегда хорошо срезали стебли растений, и их применяли одновременно при выдергивании колосьев. Употребление серпов из рога и прием жатвы выдергиванием стеблей злаков с корнем практиковались еще в XIX в. во многих хозяйствах, которые из-за дороговизны железных серпов не могли приобрести их в достаточном количестве.

Рис. 20. Ваханские и ишкашимские серпы

По той же причине в прошлом серпы изготовляли с маленькими лезвиями (10—15 *см*), как у серпов для детей в наше время [99, 95 (рис. 3 «1»)]. По сравнению с современными серпами [122, 39; 124; 16, 44] у старинных не только рабочая часть лезвия и предручье, но даже ушки-захваты, служащие для закрепления деревянной ручки серпа, были значительно уже и тоньше. Для того чтобы такими маленькими серпами было удобнее работать, деревянную ручку вад (Вахан) и даста (Ишкашим) делали немного длиннее, чем у современных серпов.

Одни и те же серпы употребляли при жатве травы, злаков, срезании ветвей кустарников для веников и при заготовке хвороста.

В конце XIX — начале XX в., когда железо стали получать из России, местные кузнецы начали изготовлять серпы с большими лезвиями (до 20—22 *см*). Такими большими серпами — луп зитр (Вахан), катта дур (Ишкашим) [14] жали только зерновые и бобовые культуры, а серпами малого размера — дзыклай зитр (Вахан), чыт дур (Ишкашим) — дикорастущие травы, так как ими жать траву под корни удобнее.

Серп с его характерным изгибом гладкого лезвия и суживающимся заостренным концом почти не отличается от серпов таджиков Карате-

---

[13] Серпы (несколько отличные от ишкашимских) из рога горного козла употребляются на юге Ирана, в селе Дарджеси [154, 35 (fig. 3, 5, 5, 12, 13)].

[14] Начиная с 20-х годов на Памире стали изготовлять серпы с еще большим лезвием (до 30—35 *см*), теперь их называют «луп зитр» (Вахан) и «катта дур» (Ишкашим), а серпы с лезвием до 20—22 *см* называют средними — «миёна зитр» (Вахан) и «дурмиена» (Ишкашим) [99, 96].

Рис. 21. Обмолот прогоном рабочего скота (волов)

гина и Дарваза [122; 124], Северного Таджикистана [58] и прилегающих к Самарканду районов [143].

У ваханских и ишкашимских серпов изгиб лезвия несколько меньше, чем у обыкновенного, у него отмечается небольшая кривизна припаянного железного длинного предручья с ушками-захватом для прикрепления к рукояти и небольшим деревянным выступом на последней, предохраняющим руку жнеца от соприкосновения с колючими растениями и острыми предметами.

Ваханский и ишкашимский серпы отличаются от афганских [47, т. I, 183 (рис. 78)] меньшей кривизной лезвия и более длинным предручьем, от иранских [154, 35 (fig. 3, 4)] и армянских [105, 467 (рис. 11, 12)] — меньшим размером рабочей части лезвия и более длинным железным предручьем.

Серпы с гладкими лезвиями распространены у народов Средней Азии, Афганистана, Ирана, Кавказа, Центральной и Южной Европы.

В Вахане и Ишкашиме отсутствовали серпы с зазубренным лезвием, наличие которых наряду с серпами с гладким лезвием отмечено в Каратегине и Дарвазе [124], в Узбекистане [143; 124] и Афганистане [47, т. I, 183].

В Вахане и Ишкашиме в прошлом был широко распространен только один способ молотьбы — галагов, т. е. молотили, прогоняя по разостланным на току снопам несколько связанных между собою быков, которые и вытаптывали копытами из колосьев зерно.

Для обмолачивания колосьев, оставшихся после очистки тока, использовали валёк — особую палку с ручкой длиной около 60 *см*, называемую в Вахане и Ишкашиме «джомбачук», «джомчук» [15].

[15] Это орудие сходно с дарвазским [см. 124, 141 (рис. 22, «1, 2» сверху); 157, 100 (fig. 14)].

Рис. 22. Очистка зерна решетами

Различные сельскохозяйственные работы (чаще всего веяние зерна и уборка сена) в Ишкашиме выполнялись с помощью деревянных вил местного изготовления, сходных с распространенными в Западном Памире, но отличающихся в деталях от таких же вил из других местностей Таджикистана [143, 192, (табл. 5, рис. 2)].

В Вахане был распространен архаический тип вил. Для их изготовления выбирали большую ветку длиной в метр и больше, с тремя-четырьмя веточками, которые после укорачивания служили зубцами. Чтобы зубцы стали крепче, ветку подогревали на огне, затем снимали с нее кору, для того чтобы придать зубцам одинаковое направление. Вилы клали на землю, а зубцы придавливали тяжелым камнем и оставляли до высыхания. С помощью таких вил, считавшихся крепкими, выполняли наиболее тяжелые работы: поднимали большие снопы сена на крыши домов или же укладывали снопы на току — хирмане и т. д.

Такой же тип вил существовал прежде в Ишкашиме. Здесь же были распространены и вилы другого типа, называемые в Вахане «бун», а в Ишкашиме — «уштевын». Такие вилы состоят из двух частей — ручки вад (в Ишкашиме и Вахане) и зубцов шох, сделанных из веток кизильника — ирги. Вилы имеют пять зубцов, в просверленные отверстия которых пропускают деревянные гвозди, чтобы закрепить их, и затем крепко привязывают ремешками из сыромятной кожи, называемой в Ишкашиме «хом хашук», или завязками из коры — дырыфок (Ишкашим). Зубцы могут быть также прибиты к основанию ручки деревянными гвоздями — дыркин мех (Ишкашим). Вилы этого типа более прочные, чем вилы, сделанные иным способом в других районах Западного Памира. Они используются при провеивании обмолоченного зерна.

Зерно провеивают на току, который очищают от размельченных колосьев и стеблей метлой и веником. Метла вяжется из ветвей ивы

Рис. 23. Перенос груза в заплечной корзине

и употребляется для чистки тока вообще. В Вахане она называется «сытрызг», а в Ишкашиме «шохджоруб». Веник называют «дыстрефок» (Ишкашим). Он не отличается по форме от домашнего веника — реф, но вяжется из веток местного кустарника — пуш. Дыстрефок используют после веяния для сметания с кучи зерна оставшихся необмолоченными колосьев. Этот веник, по суеверным представлениям, никогда не бросали где попало или же в каком-либо грязном месте. Его хранили до окончания уборки зерновых культур, так как с ним был связан обряд — кампирык[16], отчего иногда его называют «кампирык».

Для окончательной очистки зерна использовали решето — фырахбез, ячейки сетки которого задерживали сор и камешки. Это решето не отличается от решета, бытующего у таджиков Зеравшана [76, 551 (рис. 22—23)], обод его — деревянный, диаметром от 50 до 60 *см*. Дно решета состоит из переплетенных под прямым углом тонких полосок сыромятной кожи [143, 192 (табл. 5, рис. 6, 7)].

Так как колесного транспорта в исследуемом районе не было, то все грузы, в том числе и удобрения, семена, снопы злаков, бобовых и копны сена переносили на спине в заплечных, плетенных из прутьев корзинах, а иногда перевозили вьюком на ослах.

Для переноса тяжестей на спине очень широко применяют специальное приспособление, называемое в Вахане «кышт», а в Ишкашиме «кушт». С его помощью по всему Припамирью, Дарвазу и Афганскому Бадахшану переносят копны сена и снопы хлеба [47, т. I; 124; 16; 94; 99].

Кышт состоит из основы, представляющей собой обтесанные доски, скрепленные деревянными гвоздями — дыркин мех (Ишкашим), и длинной палки — кыштпад, саркыштй (Вахан), паскушт (Ишкашим), которой придавливают сложенные на доске грузы. Нижний конец этой палки закреплен веревкой из скрученных прутьев — бынкыштй (Вахан), бынкуштй (Ишкашим), верхний — с помощью деревянного крюка — чахт (Вахан, Ишкашим). Веревка из скрученных прутьев, пропущенная в просверленные в обеих досках круглые отверстия — сырв (Вахан),

[16] *Подробно об этом обряде см. главу V настоящей работы «Обряды и обычаи, связанные с земледелием».*

сымбук (Ишкашим), одевается на плечи. Это приспособление называется в Вахане «шыван», «кыштбанд», а в Ишкашиме «кушт ной банд», «кушт банд». Нужно отметить, что с кыштом работают только мужчины, а подростки и (в исключительных случаях) женщины переносят снопы на плечах с помощью веревки. Последний способ переноски тяжестей в указанной местности называется «пыштбора».

Удобрение переносили на спине в специальных, плетенных из прутьев ивы корзинах конусообразной формы небольшого размера — дзыклай выргышт (Вахан), чымуб (Ишкашим) или перевозили на ослах в больших корзинах — луп выргышт (Вахан), катта чимуб (Ишкашим).

Солому переносят мужчины в специальной большой заплечной, также плетенной из прутьев ивы корзине, называемой в Вахане и Ишкашиме «качыфч». Такие корзины очень распространены у припамирских народностей, в Дарвазе и в Каратегине.

Рис. 24. Земледельческие орудия: *а* — деревянная лопата, употребляемая для подготовки поля к поливу и в процессе полива; *б* — деревянное орудие для переноса мужчинами на спине снопов; *в* — деревянная лопата для веяния зерна

Подводя итоги, отметим, что рассмотренные выше сельскохозяйственные орудия ваханцев и ишкашимцев только незначительными элементами отличаются от соответствующих сельскохозяйственных орудий, используемых другими припамирскими народностями — таджиками Дарваза, Каратегина, Куляба и Гиссарской долины и являются разновидностью единого типа сельскохозяйственных орудий таджиков [76; 122; 124; 148; 59]. Сельскохозяйственные орудия этого типа распространены также в Северном Афганистане до Гиндукуша [17].

[17] [47, т. 1, 64, 161, 163, 172—186]. К югу от Гиндукуша пахотное орудие этого типа, насколько нам известно, отмечено только для долины Панджшира [см. 13].

Глава IV

ПОЛЕВОДСТВО, САДОВОДСТВО, ОГОРОДНИЧЕСТВО И БАХЧЕВОДСТВО

Как мы отмечали выше, земледелие является одним из основных сельскохозяйственных занятий населения Западного Памира. В изучаемом нами районе Вахана и Ишкашима особое влияние на земледелие оказывает географическая среда (ландшафт, высота местности над уровнем моря, климат, характер почв). Все эти факторы в значительной мере определяют применяемые системы земледелия, культивирование определенных сельскохозяйственных растений, сроки посева, полива и уборки, способы сева, жатвы, молотьбы и веяния.

Характерная черта земледелия Западного Памира — отсутствие озимых посевов. Здесь крестьяне применяли только яровой сев. Аборигены этого края — исконные земледельцы с глубокой древности занимались селекцией зерновых культур, улучшали их качество и умножали их виды, приспособленные к местным природным условиям. Так, по словам наших информаторов [1], после уборки злаков крестьяне отбирали колосья, в которых зерна располагались в четыре-шесть рядов и были более крупными, чем в остальных колосьях. Их отделяли поштучно, очищали руками и на следующий год сеяли на отдельном участке. Если этот сорт (например, пшеница) давал лучший урожай и хлеб из него обладал хорошими качествами, то новый сорт пшеницы в течение нескольких лет распространялся по всем кишлакам.

Первое место среди высеваемых зерновых культур в Вахане и Ишкашиме занимает пшеница — гыдим (Вахан), гундым (Ишкашим), второе — ячмень — йырхк (Вахан), вурвыс (Ишкашим), третье — просо — йерзн, йирзн (Вахан), уждын (Ишкашим).

Рожь — лашык (Ишкашим), по нашим материалам, выращивали только до кишлака Ныд, выше по течению Пянджа по климатическим условиям она не вызревала [2].

Вместе с просом третье место занимают бобовые культуры — йорй ном, кылухдона. Из них сеяли бобы — быкла (Вахан), бокло (Ишкашим), чину кырош (Вахан), патык (Ишкашим) и ее другие виды, такие, как мах (Вахан), мыжык (Ишкашим), гамук, гому (Ишкашим).

Из масличных культур в ограниченном количестве сеяли лен — кытнык (Вахан), катоныk (Ишкашим); из кормовых трав выращивали люцерну — выжырк (Вахан), гырик (Ишкашим). Ее сеяли главным

---

[1] Полевые записки автора за 1968—1969 гг. [7].

[2] В настоящее время рожь также выращивают до кишлака Ныд (ныне Ишкашим — центр Ишкашимского района).

образом в садах между фруктовыми деревьями (в междурядье), на отдельных участках это делали редко.

Бахчевые и огородные культуры были представлены здесь дыней — харбыза, арбузом — тарбыз, тыквой — каду, луком — пийоз, морковью — зардак и перцем — мырч. Их сеяли на небольших участках в садах и около усадеб.

Из фруктовых деревьев в Вахане и Ишкашиме наиболее распространены абрикос — чуван (Вахан), чувен (Ишкашим) и яблоня — мыр (Вахан), менд (Ишкашим).

По определению ботаников-селекционеров, на Западном Памире и в прилегающих к нему соседних районах все зерновые культуры имеют много видов, например одна пшеница имеет 48 видов [47; т. I; 27; 29; 48]. По нашим данным, в Вахане и Ишкашиме крестьяне в основном выращивали три вида пшеницы. Первый вид — гыдим сыкр (Вахан), гундым сырхак (Ишкашим), так называемая красная пшеница (колосья и зерна у нее красноватого цвета). Она давала хорошие урожаи, в среднем — 16—20 сам в урожайные годы [132, 71], а при неблагоприятной погоде в среднем 8—12 сам. Этот сорт поспевает позднее, но вкусовые качества хлеба, изготовленного из него, и его питательность выше, чем у хлеба, выпеченного из других видов пшеницы. *Поэтому этот сорт сеяли в Вахане больше, чем остальные, а* в Ишкашиме наравне с другим видом — белой пшеницей. Правда, на некоторых плодородных участках и при хорошей агротехнике получали и более высокие урожаи — 25—30 сам [3].

Второй вид — гыдим сафедак (Вахан), гундым сафедак (Ишкашим) — белая пшеница (у нее зерно белого цвета). Этот вид пшеницы в Вахане имел два подвида: первый — безостый, характеризовался коротким колосом белого цвета, урожаи давал низкие (8—10 сам), сеяли его мало; другой — остистая пшеница с колосьями красноватого цвета, урожаи давал высокие (14—18 сам), вкусовые качества хлеба выше, чем у белой безостой.

В Ишкашиме остистая белая пшеница давала урожай в 14—16 сам, хлеб из нее имел хорошие вкусовые качества, и сеяли ее больше, чем красной пшеницы — гундым сырхак.

Третий вид — джалдык гыдим — скороспелая пшеница (Вахан), характеризуется колосьями белого и красноватого цвета с белыми зернами. Средний урожай этой пшеницы низкий — 8—12 сам, отчего и сеяли ее в ограниченном количестве.

Кроме этих трех основных видов пшеницы в некоторых кишлаках культивировали еще гундым сырхуша — пшеницу с красными колосьями (Ишкашим). Зерно у нее белого цвета, она давала низкие урожаи, а летом в период колошения и созревания очень быстро реагировала на суховеи — гармсил и легко подвергалась различным заболеваниям растений. Культивировали ее в очень ограниченном количестве.

Кроме пшеницы в Вахане и Ишкашиме сеяли два вида ячменя. Первый вид — йырхк (Вахан), кабутвурвыс (Ишкашим) — темно-зеленый ячмень (голозерный), близкий к гималайским голозерным ячменям. Он давал высокие урожаи в 16—20 сам. Н. И. Вавилов отмечал, что «*большой урожайностью отличаются также* шестирядные голозерные ячмени Памира, Тибета» [46, 79].

Второй вид — хычис, редко называемый «пушидачав» (пленчатый ячмень, Вахан), сафедвурвыс (Ишкашим) — белый ячмень. Пленчатый

---

[3] Сообщение Маликмамадова Шанбе (102 года) и Курбонова Мирбозхона (66 лет), кишлак Вранг (Вахан) Ишкашимского района [7].

Рис. 25. Пор — единица измерения веса сыпучих тел и мера земельных участков

ячмень по сравнению с голозерным ячменем давал более высокие урожаи — 20—25 сам. Его урожайность удваивалась на плодородных участках при соблюдении нужной агротехники в среднем до 40—50 сам[4].

Этот вид ячменя больше всего использовали как корм скоту в зимнее время.

Сеяли в этом районе и просо; например, в кишлаке Вранг Худоназаров Бойназар[5] сообщил нам, что он сеял 1 пор проса (6 тюбетеек), а урожай получал в 90 пор, т. е. 540 тюбетеек.

Тошмахмадов Зарик[6] из кишлака Внукут (Вахан) брал для посева 7 тюбетеек проса, а урожай получал в 680 тюбетеек, т. е. 85 пор (здесь каждый пор равен 8 тюбетейкам).

Самый низкий урожай проса был 45—50 сам, средний — 65—75 сам.

Как видно из изложенного выше, самой высокоурожайной культурой из зерновых было просо, но оно требовало ухода, особенно агротехнических мероприятий, гораздо больше, чем другие виды зерновых.

Системы земледелия. Системы земледелия — один из основных показателей развития земледельческого хозяйства.

Господствующая система земледелия на Западном Памире (в том числе в Вахане и Ишкашиме) — паровая [см. 158, 23]. Все пахотные участки земли крестьяне делили на две категории[7]. Первая из них — нахта (Вахан), нари́ (Ишкашим) включала ровные лессовые плодородные почвы, располагавшиеся не далее 300—400 *м* от селения, часто даже вокруг усадеб владельцев. Эта близость участков давала возможность сравнительно легко и за короткий срок обработать землю, произвести полив и внести удобрения. Вторая категория земель называлась «афрач» (Вахан), «дашт» (Ишкашим). Она представляла собой каменистые песчаные малоплодородные почвы, находящиеся вдали от селения (от 500 *м* до 1 — 1,5 *км*). Эти земли удобряли редко.

Земли первой категории практически не оставляли под паром, так как их хорошо удобряли и широко применяли севооборот зерновых культур. Земли второй категории в основном оставляли под паром, давая отдых почве. Применение последнего метода значительно повышало урожай.

Паровая система земледелия имеет в этом районе древнюю традицию. Подтверждение этому мы находим в широком распространении данной системы земледелия почти во всех горных районах Таджикистана [71; 122; 124; 16] и Афганистана [47, т. 1, 180; 29, 71], где оставление пахотной земли под паром способствовало повышению урожайности сельскохозяйственных культур даже на богарных землях[8].

В Вахане и Ишкашиме, как и в долине р. Хингоу [122, 51], практиковали два способа оставления земли под паром. Первый способ —

---

[4] По сообщению наших информаторов Маликмамадова Шанбе и Курбанова Мирбозхона, жителей кишлака Вранг (Вахан). Записи 1969 г. [7].

[5] Худоназаров Бойназар (80 лет), ваханец (кишлак Вранг) [7].

[6] Тошмахмадов Зарик (67 лет), ваханец (кишлак Внукут) [7].

[7] Интересно отметить, что такое же деление пахотных земель на две категории бытует у осетин. См. [67, 66]. В литературе о таком делении пахотных земель у таджиков и других земледельческих народов Средней Азии сведений нет.

[8] По наблюдениям автора, этот метод очень широко распространен в Кулябской группе районов и в долине Гиссара [см. 7].

томысй, сафедру, когда после жатвы поле оставляли невспаханным и только весной следующего года производили полив. Сорные травы, выросшие на этом участке, скармливали скотине на корню, если же весь скот был на летовке, то траву скашивали на сено. Считалось, что корни и листья сорняков, выросших под лучами жгучего летнего солнца, после очередной вспашки превращаются в хорошее удобрение. Второй *способ* — *черный пар* (*томыс чытк, томыс шыдгор*) *заключался* в том, что после жатвы землю поливали и вспахивали так, чтобы корни сорняков и зерновых культур служили удобрением. Считалось, что зимой почва «облагораживается», земля становится мягче и погибают насекомые-вредители. Второй способ за летний сезон повторяли до трех раз. Последний способ — черный пар — считался более эффективным.

Применение паровой системы земледелия широко практиковалось зажиточными крестьянами. Малоземельные же крестьяне, оставляя свою землю под паром, чтобы не обрекать семью на голод, должны были взамен оставленного участка брать в аренду на договорных началах у родственников или односельчан участок земли.

Арендатор по условиям договора был обязан удобрить арендуемый участок, а за это в течение года он имел право сеять те культуры, которые считал нужными, и брал себе урожай полностью. Те же крестьяне, которым по какой-либо причине было отказано в аренде земли, применяли смешанный посев пшеницы с бобовыми, чтобы хоть немного поднять плодородность почвы.

Одним из древних агротехнических приемов земледелия, распространенных в Вахане и Ишкашиме, был прием, упомянутый выше, — смешанный посев зерновых и бобовых, обогащающий истощенные почвы. Крестьяне в зависимости от характера почвы на каждом участке и от природных условий применяли разные способы обработки земли.

Удобрения. В Вахане и Ишкашиме, как нами уже отмечалось, почва пахотных участков отличается большой водопроницаемостью, отчего при искусственном орошении здесь резко увеличивается вымывание из нее питательных веществ. Поэтому внесение удобрений было необходимо для повышения плодородия почвы. В Вахане и Ишкашиме, как и в соседних районах Средней Азии [122; 124; 16; 17; 59] и Афганистана [47, т. I, 115—116, 180—182; 49, т. II, 188, 290], основным удобрением служил навоз — зарт (Вахан), удел (Ишкашим) домашних животных. Ценным удобрением считался также помет диких голубей, но его редко применяли из-за того, что его было очень трудно собирать.

Использование навоза в Вахане и Ишкашиме имеет специфические особенности, определяемые местными природными условиями. Например в Вахане, где много растительного топлива, навоз от всех домашних животных (крупного и мелкого рогатого скота и лошадей) шел на удобрение[9]. В Ишкашиме же из-за недостаточного количества растительного топлива навоз от мелкого рогатого скота использовали для приготовления топлива — кизяка. На поля вывозили навоз только крупного рогатого скота (освобождая от него хлева).

Удобряли поля два-три раза: поздней осенью — в конце ноября, зимой — в январе и весной — перед пахотой. На близлежащие участки навоз носили в заплечных корзинах (см. стр. 64), а на отдаленные перевозили на ослах. На поле его складывали конусообразной кучей и посыпали тонким слоем земли, чтобы он лучше перегнил. Делалось это оттого, что в навоз, находившийся в хлеву, скот своими ногами втаптывал выпадающие из кормушки зерна, стебли трав и другие от-

[9] Наши полевые материалы подтверждают сведения М. С. Андреева [см. 16, 57, прим. 2].

ходы кормов. Если таким неперегнившим навозом удобряли поле, то всходы сорняков забивали рост сельскохозяйственных культур. Перегнивший навоз считался лучшим удобрением, он способствовал более скорому восстановлению плодородия почвы.

В зависимости от плодородия почвы и расстояния от кишлака поля удобряли или ежегодно (каменистые, песчаные), или (если они были плодородные — лессовые) через год-два (с учетом севооборота). По мнению местных земледельцев, плодородную почву не следует удобрять ежегодно, так как это способствует бурному росту стеблей. При ветре до колошения такие посевы полегают и загнивают, что приводит к гибели урожая.

Удобрения вносили поздней весной перед пахотой на участки, где сеяли просо, а в Ишкашиме еще и перед пахотой полей, отводимых для посевов скороспелого ячменя — амрод вурвыс.

Кроме полей, на которых сеяли зерновые, удобряли еще участки с люцерной, но тогда, когда ее ростки достигали 10 *см*. Огородно-бахчевые культуры удобряли после пахоты и перед окучиванием.

В качестве удобрения крестьяне использовали также золу. Ежедневно в течение зимы и весны золу и сухую землю подбрасывали под ноги скоту для высушивания навозной жижи. Эта смесь давала «комбинированное» удобрение. Такое смешивание навоза с золой и землей отметил у таджиков Хуфа М. С. Андреев [16, 59].

Удобрение золой больше всего применяется на участках под луком и местным сортом табака, идущего на приготовление порошка — нос [10].

При выносе удобрения на поля в Вахане и Ишкашиме, по обычаю, созывали «помочь» — кыряр [69; 122; 16] на один день. Количество приглашенных на «помочь» зависело от степени зажиточности семьи. При большом количестве скота удобрений скапливалось много и на «помочь» приходило до 25 человек, в бедные хозяйства — до четырех — шести (в основном родственники и близкие соседи). Такие хозяйства не могли организовать особого угощения, они собирались в порядке взаимопомощи — алгов, алговкорй (т. е. сегодня ты помогаешь мне, завтра я тебе). Зажиточные хозяйства, устраивавшие многолюдные кыряр, готовили богатое угощение для своих менее зажиточных родственников и бедных односельчан, принимавших участие в «помочи».

Севооборот. На Западном Памире, в том числе в Вахане и Ишкашиме, севооборот был одним из основных традиционных агротехнических приемов, как и в других горных районах Таджикистана [11] и соседнего Афганистана [47, т. I, 113].

Все пахотные земли в Вахане и Ишкашиме расположены так, что они получают много солнечного света. Возможно, по этой причине здесь не было строгого правила использовать каждый участок земли под определенную сельскохозяйственную культуру, как это имело место, например, в долине р. Хингоу [122, 58].

Чередование посева зерновых культур отличалось разнообразием. Например, после удобрения плодородной (лессовой) почвы в первый год сеяли ячмень, на второй (без удобрения) — пшеницу, на третий (без удобрения) — бобы, на четвертый год удобряли и снова повторяли посев вышеназванных культур. По народному крестьянскому представлению, пшеница истощает почву, «обессиливает» ее, и, наоборот, после

---

[10] Нос — порошок из смеси растертых листьев местного сорта табака с золой, полученной от сжигания арчовых и ивовых веток, который закладывается под язык.

[11] *По материалам, полученным автором в Гиссарской и Кулябской группе районов* [7; 29; 27; 16].

посева таких культур, как ячмень, бобы, просо, плодородность почвы улучшается.

Иногда применяли такой севооборот: после удобрения участка на нем сеяли ячмень, на следующий год одну половину этого участка занимали под ячмень, а вторую — под пшеницу, просо или бобовые. В этом случае ту половину участка, на которой сеяли ячмень, удобряли, а в ту, где сеяли просо, удобрения вносили в два раза больше. Если вторая половина поля отводилась под пшеницу или бобовые, то эту половину участка не удобряли.

Наш информатор [12] сообщил нам, что если на участке на следующий год после проса посеять ячмень, то урожай увеличится от 4 до 10 пор на каждый пор посеянного зерна по сравнению с урожаем ячменя в предыдущие годы, посеянного после других культур.

Необходимо отметить, что на малоплодородных (каменистых и песчаных) почвах применяли комбинированные посевы. Сначала на такой земле, оставленной под паром, на следующий год после пара сеяли пшеницу, на второй год после пшеницы обязательно применяли комбинированный сев — пшеницу с чиной, бобы с чиной, ячмень с чиной. Такие комбинированные посевы давали вполне удовлетворительные урожаи. После такого посева поле оставляли под паром.

Комбинированные посевы не применяли на плодородной почве, потому что бобовые давали на ней высокие всходы и цвели тут до осенних заморозков, которые губили урожай.

Из вышеприведенных материалов видно, что крестьяне, применяя севооборот, учитывали местные природные условия, что давало им возможность увеличивать урожай зерновых культур.

Земледельческий календарь. Специфические особенности земледельческого народного календаря Вахана и Ишкашима свидетельствуют о древности местного земледелия. Соблюдение точных сроков, указанных в традиционном земледельческом календаре, учитывавших особенности местных природных условий, способствовало повышению урожайности.

Земледельческий календарь представляет собой свод сведений о наиболее целесообразном времени посева и уборки определенных зерновых и других сельскохозяйственных культур.

О земледельческом народном календаре в различных районах Средней Азии и Афганистана существует обширная литература [103; 42; 11; 16; 17; 84; 154; 71; 72; 121; 122; 124; 59]. Сведения о земледельческом календаре у горцев Западного Памира встречаются у А. А. Бобринского [42, 98], М. С. Андреева и А. А. Половцева [11, 27], В. Ленца [153, 17—20, 23—24, 67—71, 152].

Следует отметить, что в Вахане и Ишкашиме наряду с солнечным календарем — исоби шамсй существовал также мусульманский лунный календарь — исоби камарй.

Кроме того, у ваханцев и ишкашимцев, как и у других народностей Западного Памира, велся счет времени года по частям человеческого тела (мужчины) — исоби мард [5, ф. 121, ед. хр. 242, л. 3—13, 13—18; 94; 151; 16; 115; 71; 122; 121]. К сожалению, нам не удалось найти знающего этот счет информатора. Рассказывают, что в прошлом в кишлаке по среднему течению Вахандарьи (В Афганской части Вахана) жил пир Замрад — крупный знаток этого счета времени. Для того чтобы узнать точную дату наступления Нового года — Навруза (точный перевод — «новый день»), пир Сейид Абдуррахман-хан из кишлака Шир-

[12] Маматгул Нурхаётов (84 года), кишлак Зунг (Вахан) Ишкашимского района [7].

гин посылал к Замраду своего человека. После получения письменного уведомления о дне наступления Нового года, Абдуррахман-хан оповещал об этом всех своих мюридов. Но крестьяне сами, основываясь на опыте многих поколений, учитывая движение солнца по вершинам гор и боковым ущельям, по световым отверстиям в крышах домов и фенологическим признакам могли определять время наступления весны, Навруза и начало интенсивных сельскохозяйственных работ.

Например, в кишлаке Рын (Ишкашим) время наступления Нового года определяли по движению солнца в горах, на двух вершинах образующих «рогатку». При восходе солнца отмечали его лучи на вершине горы Бахшга[13] (на востоке), а перед заходом следили за солнечными лучами на вершине Нейцым[14] (на западе). Интересно отметить, что в Вахане (по сообщению И. М. Стеблин-Каменского) в кишлаке Ямг и Змудг издревле в качестве своеобразных квадрантов служили специально сложенные из плоских камней ниши, в которые лучи солнца проникали именно в день весеннего равноденствия.

В памяти старшего поколения (в связи с распространением современного календаря) от старой системы счета времени сохранились отдельные наиболее важные элементы, определяющие периоды основных земледельческих работ.

По народному календарю Новый год начинается в день весеннего равноденствия — 21—22 марта. К этому времени уже были произведены некоторые сельскохозяйственные работы: вынесены удобрения на поля, отремонтированы сельскохозяйственные орудия, собраны камни с полей, очищены семена от сорняков и т. п.

Весна охватывала три месяца. Первый месяц — амал (с 21 марта по 21 апреля включительно). На первый день амала приходился праздник Нового года — Навруз. В амале сеяли все виды бобовых, ячмень и очень редко пшеницу. Бобовые сеяли раньше, потому что они созревали поздно, и если бы их сеяли не первыми, то они не успели бы созреть до наступления осенних заморозков, а что касается пшеницы, то на нее влияли суховеи — гарма, гармсил, и если бы ее сеяли раньше, еще не созревший посев мог погибнуть от суховея. В период амала крестьяне старались закончить посев бобовых, чтобы получить высокий урожай.

Характерной особенностью счета времени в народном календаре является то, что второй и третий месяцы весны, в свою очередь, делятся на более мелкие периоды. Начиная с амала идет период сорока дней — «40 бахор» (весеннее сорокадневие) (от 22 апреля по 1 мая включительно).[15] Этот период считается самым благоприятным для сева пшеницы и ячменя. Те крестьяне, которые по каким-либо причинам не могли закончить посев бобовых в амале, продолжали их сев в этот период. Затем следует период — «50 бахор», т. е. пятидесятидневие (вместе с амалом от 2 до 11 мая включительно и т. д.). К этому периоду уже старались посеять пшеницу и ячмень, так как, по мнению старых опытных земледельцев, пшеница, посеянная в «40 бахор», имеет в колосе четыре ряда зерна, а если посев происходил позже, в период «50 бахор», то в колосе зерна были полными только в двух рядах, т. е. урожай снижался наполовину.

---

[13] Гора Бахшга расположена на правом берегу Пянджа, на восток от кишлака Рын.

[14] Гора Нейцым находится на левом берегу Пянджа.

Этот способ определения наступления Нового года приписывается Шох-Насыру (т. е. Насыру Хистроу — философу и поэту XI в.). Сообщение Карамалиева Сайфулло (72 года) и Будурбекова Латифа (56 лет), кишлак Рын (Ишкашим) [7].

[15] Счет дней идет с 22 апреля по 1 мая — 10 дней, плюс 30 дней месяца амал — получается сорокадневие и т. д.

В период «50 бахор» вспахивали поля и оставляли их до наступления «60 бахор» — шестидесятидневия (с 12 мая до 21 мая включительно). За время «50 бахор» не все хозяйства успевали закончить сев зерновых культур по различным причинам — из-за недостатка орудий производства, рабочего скота, семян. Поэтому сеяли ячмень с чиной либо чину в чистом виде, и только на малоплодородных почвах, так как на плодородных землях чина от корня дает все время новые стебли и цветет до заморозков, и урожай не успевает созревать.

Некоторые бедняцкие хозяйства в Вахане по указанным выше причинам и некоторые из зажиточных, имеющие много земли, но недостаточное количество рабочих рук, не успевали произвести посев зерновых в период «40 бахор» и продолжали сев через 60 дней, после наступления Нового года (шестидесятидневие). Сеяли пшеницу и ячмень, а высеваемые в этот период злаки называли «шасти» (шестидесятый). Следует подчеркнуть, что в Вахане в это время («60 бахор») сеяли только просо, так как другие злаки не успели бы созреть до наступления осени и могли померзнуть. В период же наступления семидесятидневия после Нового года «70 бахор» (с 22 мая по 31 мая) вообще больше не сеют.

В Ишкашиме, где значительно теплее на каменистых и песчаных малоплодородных почвах, в период «70 и 80 бахор» (от 1 до 10 июня) сеяли главным образом пшеницу и ячмень. Со второй половины «80 бахор» в течение двух-трех дней сеяли просо, а в оставшиеся дни и первые два дня периода «90 бахор» (с 11 по 20 июня включительно) — скороспелый ячмень — амрод вурвыс [11, 21]. Этот вид ячменя выращивали в Ишкашиме везде, а в Вахане только до кишлака Шитхарв, выше этого кишлака в период «80 бахор» сеяли только просо, так как только оно успевало созреть за два месяца. На этом сев зерновых заканчивался.

Огородно-бахчевые культуры сеяли в период между «60 и 70 бахор», но самое удобное время для их посева считается «60 бахор».

В период «90 бахор», т. е. 90 дней после наступления Нового года, заканчивался третий месяц весны, а в «100 бахор» (т. е. с 21 июня по 30 июня) прекращали посев и огородно-бахчевых культур. В этот период на тех полях, где это было необходимо, производили прополку — хишова.

Лето — тобистон продолжается три месяца. Первые 40 дней называются «тымус» (с 21 июня по 30 июля), а следующие 20 дней (с 31 июля по 19 августа) — период перед созреванием зерновых и фруктов — «хомпаз» (начало созревания). В первую неделю хомпаз жали дикорастущую траву. Следующий период — хамапаз (все созревает) — с 20 августа по 20 сентября включительно — последний летний период, когда созревают все виды злаков, огородно-бахчевых и фруктов. В это время начинался и заканчивался процесс жатвы — дырыв (Вахан), дырайук (Ишкашим) зерновых.

Осень включает в себя три месяца. Первые дни осени называются «Наврузи тирамо» — осеннее равноденствие, а первый осенний месяц — «Аввали тирамо», букв. — «начало осени» (с 21 сентября по 20 октября). В этот период проводили обмолот — галагов вондон (Вахан и Ишкашим), веяние — хуми бынын (Вахан), хуми дынон (Ишкашим) и засыпку зерна в закрома. Второй осенний месяц — миена тирамо — середина осени (с 21 октября по 20 ноября), третий — охири тирамо, или кавс (с 21 ноября по 20 декабря). В начале этого периода удобрения выносили на поля.

Зимний период продолжался три месяца. Считают, что в первый месяц зимы «солнце входит в зимний дом» — «офтоб ба чила хонаи

замистон мерасад». С этого времени начинается период чила, или чилаи замистон — зимнее сорокадневие (с 21 декабря по 30 января включительно). Затем следует малая чила — чилаи хурд (с 21 января по 19 февраля). В последние дни чила и в начале чилаи хурд крестьяне вторично выносили удобрения на поля. Следующий зимний период (с 20 февраля по 2 марта включительно) назывался «кавгу рав», букв. «ход куропаток», и последний (с 3 марта по 20 марта) — ажда ба амал, «18 дней до первого месяца весны». Зима кончается, наступает весеннее равноденствие, опять Новый год, после которого снова начинается цикл сельскохозяйственных работ.

В этом народном земледельческом календаре, как видно из приведенных названий, нашло свое отражение воздействие на него разных календарей: солнечного календаря (арабское название первого месяца весны «хамал», в местном произношении — «амал»), элементов древнего фенологического календаря (название периодов хомпаз — «начало созревания», ҳамапаз — «все созрело») и счета времени, периоды которого связаны с названиями птиц (кавгу рав — «ход куропаток»).

В Вахане и Ишкашиме основу земледельческого календаря составляет традиционное деление времен года на периоды, в которые выполняли определенные земледельческие работы. Этот календарь можно рассматривать как календарь, основанный на народном хозяйственном опыте, как свод сведений для правильного и своевременного проведения всего цикла сельскохозяйственных работ (начала и окончания пахоты, полива, сева, уборки выращиваемых культур), необходимых для обеспечения будущего урожая.

Пахота и посев. В Вахане и Ишкашиме из-за сильного ветра к весне почти не оставалось снега на полях, так что здесь не было необходимости посыпать землей снежный покров полей, как это было в соседнем Шугнане [16, 55; 17, 56], а также в Каратегине и Дарвазе [71, 114; 122, 54; 124, 114]. Начало пахоты — кырн (Вахан) совпадало с днем весеннего равноденствия, т. е. с началом Нового года.

День первой пахоты [16] торжественно отмечали, совершая при этом различные магические обряды, якобы способствующие увеличению урожайности зерновых культур. Подобный ритуал совершали и многие другие народы Средней Азии и сопредельных стран.

Пахота и посев в Вахане и Ишкашиме в зависимости от природных условий имели некоторые отличия, например в сроках начала и окончания пахоты и сева. Так, в Вахане пахоту и посев проводили начиная с первой недели нового года по 20 мая, т. е. в течение немногим более полутора месяцев. В Ишкашиме начало пахоты и посева соответствует ваханскому, но срок окончания удлинялся до 20 июня, т. е. процесс пахоты и сева продолжался почти два с половиной месяца.

Как мы уже отмечали, в первую очередь в Вахане и Ишкашиме сеяли бобовые культуры.

С осени каждый крестьянин определял, на каком участке и какую культуру он будет сеять. Затем для повышения урожайности крестьяне применяли различные методы обработки земли. Одним из способов повышения урожайности бобовых культур, высеваемых на малоплодородной почве, крестьяне считали сев их на поле, которое предварительно удобряли, но не поливали и не пахали, пахоту и полив производили только после сева, чтобы семена получили достаточно влаги и могли дать быстрые всходы. Это делалось для того, чтобы не было массового появления вредителей — гусениц; если же сеять бобовые после полива, то создаются благоприятные условия для развития вредителей, что в

[16] См. главу V настоящей работы.

конечном итоге приводит к уничтожению бобов. Сев обычно производили разбрасыванием семян рукой по невспаханному полю, после чего его вспахивали. Для размельчения комьев земли и ее выравнивания пахарь сам тянул по пашне борону-волокушу [99, 93] из хвороста.

Ранней весной бобовые сеяли только на лессовых, плодородных участках, так как на них бобовые дают толстые и высокие стебли. Сев бобовых производился ранней весной, до сева ячменя и пшеницы, чтобы успеть убрать их до заморозков.

Те хозяйства, которые имели достаточное количество рабочих рук и до трех пар волов, ранней весной одновременно начинали сеять бобовые и ячмень. Правда, культура ячменя требовала другого способа обработки почвы. Ячмень сеяли только на вспаханных участках. Обычно осенью вспахивали участок под зябь, весной перед севом его удобряли, а после сева пахали и бороновали.

Даже те хозяйства, которые не имели рабочих волов и пахотных орудий, обязательно вспахивали участок перед севом ячменя. Если ячмень сеяли на песчаной почве, то сев производили без пахоты, так как песчаная почва сама по себе мягкая. Перед севом только поливали, чтобы было больше влаги для семян, затем дня через два сеяли, после чего пахали.

Пшеницу сеяли таким же способом, как и ячмень, строго придерживаясь сроков земледельческого календаря (в основном в период «40 бахор»). Как мы отмечали выше, малоимущие крестьяне для проведения пахоты и сева часто объединялись в группы от 10 до 20 человек, каждая из которых имела две-три пары волов, несколько пахотных и других сельскохозяйственных орудий. Члены такой группы сообща, соблюдая очередность, вспахивали участки, производили сев, затягивая иногда эти работы до последних сроков земледельческого календаря. Иногда на невспаханном поле им приходилось сеять даже пшеницу, как и бобовые, а потом пахать.

Участки, на которых сеяли просо, пахали до четырех-пяти раз, затем удобряли, разбрасывая удобрение так, чтобы при пропахивании после сева оно смешалось с землей на уровне высеваемых семян и всходы получили больше азота.

После посева проса проводили неглубокую вспашку, так как при глубокой вспашке зерна проса не могут прорасти.

В Ишкашиме и Вахане в период «90 бахор» сеяли скороспелый ячмень — амрод вурвыс. При посеве этого вида ячменя каждое хозяйство должно было завершить все процессы обработки земли и сева за один день: два раза вспахать поле, удобрить его, произвести сев, боронование, провести временные арыки для орошения, приподнять валики и затем полить [17].

Такой способ посева применяли в верхних кишлаках Вахана (Зугвунд, Зунг, Ляпгар) для культуры проса, которое сеяли в период «80 бахор».

При пахоте и севе односельчане обычно устраивали «помочь» — ежедневно все ходили работать в одно или два хозяйства.

В Вахане нами не было отмечено специального термина для посева до пахоты и после нее, как в Каратегине и Дарвазе [122, 56; 124, 115], а также в Ишкашиме, где посев до пахоты назывался «к шахч тегым дедым» (букв. «посев на невспаханном поле»), а после пахоты — «к шыдгор тегым дедым» (букв. «посев на вспаханном поле»).

Как говорилось выше, основным орудием пахоты являлось традиционное пахотное орудие сыпундр (Вахан), успер (Ишкашим) [99, 90—93]. Тягловой силой служила пара волов.

[17] Подробнее о поливе см. соответствующие разделы в главе «Ирригация».

Пахота, производимая в Вахане осенью (зябь), называлась «чытк», а пахарь — «чытк царакызг»; весенняя же пахота называлась «кырн», а пахарь — «кырнкызг».

В Ишкашиме осенняя пахота (зябь) называлась «тирамой шыдгор», весенняя — «быор шыдгор», а пахарь — «кылбагар». Способы пахоты и размельчения комьев земли — боронование в Ишкашиме аналогичны этим процессам в Вахио и Дарвазе [122, 56; 124, 115].

Прополка. Обычно для прополки — хишова [130; 122; 16] в Вахане и Ишкашиме созывали «помочь». Занимались этой работой в основном женщины, выдергивавшие траву руками. Мужчины принимали участие в этом редко, только тогда, когда были свободны от других работ, но обязательно участвовали в прополке, если при высоте колоса пшеницы и ячменя 30—35 *см* появлялась колючая сорная трава. Ее жали серпами малого размера.

Особое внимание уделяли прополке проса, считая его «нежной» культурой, пропалывали просо два раза до появления колосьев. Сорную траву с корнем выдергивали руками, действуя осторожно, чтобы не повредить всходы.

Существовал в прошлом еще один необычный вид прополки, но только бобовых, при котором от сорных трав избавлялись при помощи мелкого рогатого скота [18]. Зная, что овцы и козы не едят всходы бобовых, их рано утром, перед выгоном в горы, на один-два часа пускали пастись на поля, засеянные бобовыми культурами.

Во время пастьбы мелкий рогатый скот задевает и сгибает стебли, которые со временем выпрямляются, в том же месте, где стебли обломаны, появляются два-три новых ростка, так что урожайность не снижается, а, наоборот, даже увеличивается.

Названия злаков на различных стадиях их развития. В Вахане и Ишкашиме, как и в соседних Шугнане, Дарвазе и Каратегине [16; 122; 124], а также в Северном Таджикистане [59], один и тот же вид злака в различный период его вегетации имел определенное название.

В Вахане (кишлак Вранг) всходы пшеницы и ячменя, поднявшиеся до 10 *см*, называли «рагмош», до 15 — «панджа» (пятерня), до 20—25 *см* — «дукак». В этот период развития утолщается стебель в месте будущего колоса. Всходы поднимаются выше уровня валиков и борозд.

Следующая стадия вегетации — цытрак (забеременевшая). В это время уже начинают проявляться признаки колошения, затем идет сувору пиёда (конный и пеший). На этой стадии развития на части стеблей появляются колосья, а другая часть еще остается на ранней стадии колошения. Потом наступает полное колошение всего поля — тахт или *сартахт (ровный), зарт вит (затвердение зерна), колосья желтеют.* Это наступает приблизительно за 10—15 дней до полного созревания. Последняя стадия развития — гаттй (зрелое), после нее посев можно убирать.

В Ишкашиме (кишлак Рын) начальную стадию развития всходов называли «нук дудук», достигшую 10 *см* высоты — «нарма», до 15—20 *см* — «рашпуш шыдук» (покрывающие валики и борозды). В этот период высота всходов обычно достигала 15 *см* высоты. Следующая стадия — дык шудук, когда затвердевает стебель, на верхнем конце его уменьшается число листьев, появляются признаки колоса и конец стебля становится похож на веретено.

Перед образованием колоса у его основания остается на стебле один последний лист, опущенный книзу. Эта стадия называется «як

---

[18] Подобная прополка сорных трав практиковалась в Афганском Бадахшане, в кишлаках Ишкашим и Пытыр.

гуш шыдук» (одно ухо стало). Затем следует стадия пегарык (забеременевшая); следующая — сувору пиёда шыдук (конный и пеший); сартахт шыдук (ровный); шира (молоко) — стадия молочной спелости; донагир шыдук (появились зерна); дылмыл шыдук — когда зерно находится в состоянии восковой спелости. Если в этот период колосья желтеют, то эту стадию вегетации за 10—15 дней до полного созревания называют «мендранг» (цвет яблока). Последняя стадия вегетации называется «иттук» (зрелое).

У проса первая стадия развития, появление всходов — нишони дыдук (появление злака). Затем идет полное развитие колоса — уждын сартахт шыдук (просо стало ровным), следующая стадия — уждын донагир шыдук (затвердение зерна) и последняя — уждын иттук (просо созрело полностью).

Стадии вегетации бобовых культур в Ишкашиме (кишлак Рын) следующие: первое появление всходов в виде двух листьев — пышгул (кошачьи уши); всходы с тремя листьями — себарга, с четырьмя — чорбарга, затем идет айни гыл, кызыки гыл (разгар цветения). Стадия, когда опадают ранние цветы и остаются поздние, а на месте опавших образуется стручок, называется «хачхачок шыдук». Бобовые с недозрелыми зернами в стручках (которые часто срывали дети) называли «бачахырук шыдук» (стручок, съедаемый детьми). Когда зерна в стручке достигнут молочной (восковой) спелости, эта стадия называется «калкалок шыдук», и последняя — стадия полного созревания — боқло иттук (горох созрел).

Из масличных культур в этом районе сеют лен. Стадии вегетации льна таковы: первая — катоныk сабз шыдук (лен зазеленел); затем катоныk нишони дыдук (лен дает признак цветения); следующая — катоныk путык дыдук (после опадения цветов появляются коробочки с зернами), и последняя стадия созревания льна — катоныk путык шух, после которой следовало начинать жатву.

Нами записаны стадии вегетации бахчевых культур Ишкашима (Рын). Названия этих стадий у дынь, арбузов и тыквы общие: сабз шыдук (зазеленели) — когда появляются первые всходы, затем себарга (три листа), чорбарга (четыре листа) — появление листьев. Появление новых побегов между листьями — палч (пятерня), первых цветов — гыл кылук (цветение). Следующая стадия появления плодов называется «быцыг ветук» (появление плодов), и последняя стадия — созревание дынь, арбузов и тыквы — пацздук.

Такая дробная дифференциация различных вегетационных периодов у сельскохозяйственных культур вызвана тем, что поливы посевов производили в зависимости от определенных стадий развития злаков, бобовых и огородно-бахчевых культур. Некоторые из них требовали полива сразу после посева, например бобовые, другие — после всходов (ячмень, пшеница). Однако, как мы отмечали выше, следует учитывать то обстоятельство, что одну и ту же культуру в разные по климатическим особенностям годы, в зависимости от микрорельефа, поливают поразному.

Болезни растений, сорняки и вредители. Охрана растений. Нами в Вахане и Ишкашиме были записаны названия и характерные признаки болезней злаков.

В этнографической литературе отсутствуют материалы, касающиеся болезней растений и их охраны.

Из работ Н. И. Вавилова известно, что болезни злаковых культур очень разнообразны и широко распространены по всему земному шару [49, т. 2, 163, 281]. В прошлом крестьяне мало знали о болезнях, и поэтому часто несколько сходных болезней носили одно название. По

народным наблюдениям, злаковые после стадии колошения особенно подвержены различным заболеваниям.

Одной из наиболее широко распространенных болезней была бурая ржавчина (Puccinia triticina) [19], называвшаяся в Вахане и Ишкашиме «сырхгард» (красная пыль). Эта болезнь поражала ячмень и пшеницу. Признаками этой болезни были появление бурой пыли и ржавчины на листьях, стеблях и колосьях. Постепенно эта ржавчина высыхала, но плохо влияла на вкусовые качества хлеба, изготовленного из этого зерна. Если эта болезнь продолжалась долго, то на колосе появлялись маленькие красноватого цвета черви, почти незаметные для глаз. Опытный земледелец обнаруживал этих червей.

Очень похожа на эту болезнь другая — желтая ржавчина (P. glumarum), называемая в Вахане и Ишкашиме «гарди зард» (желтая пыль). При этой болезни на стеблях, листьях и колосе появлялись желтая пыль и желтая ржавчина. Эта болезнь поражала пшеницу, ячмень и бобовые. Действие ее на растение было таким же, как и бурой ржавчины.

Схожа с этими болезнями и белая ржавчина, мучнистая роса (Erysiphe graminis). В Вахане и Ишкашиме она называлась «сафетгард» (белая пыль), аналогично двум первым болезням.

Болезнь шакарык (сахаристая, Вахан и Ишкашим) по признакам отличается от вышеприведенных и схожа с мокрой головней (Tilletia tritica) [49, т. 2, 163]. При этой болезни колос покрывается липкой, густой жидкостью, появляются мелкие мухи зеленоватого, иногда черного цвета, которые надолго как бы прилипают к влажным местам больного колоса. Следы этой болезни сохраняются до уборки урожая. Во время жатвы стебли злаков прилипают к рукам жнеца. Эта болезнь губит зерно и его вкусовые качества, зерно приобретает неприятный запах.

Эти болезни были опасны и для бобовых культур во время цветения и образования стручка. Местное население в целях борьбы с болезнями совершало некоторые обряды (см. гл. V настоящей книги).

Считается, что сильный ветер, поднимающийся в долинах, очищает пыль и уносит ее далеко, а если к тому же пойдет дождь, то он хорошо промоет и очистит всходы от пыли.

Самым распространенным сорняком, уничтожавшим злаки, люцерну, а также огородно-бахчевые, была повилика — вармй, зардпечак (букв.— желтая повилика) и печаки осмонй (букв.— повилика небесная, Ишкашим) [20]. Вьюнок имеет ползучий стебель, он обвивает стебли культурных растений, стрелки лука, листья моркови, тыквы и т. п., от чего растение гибнет. Вьюнок легко удаляли руками или при помощи серпа.

Много вреда приносили плодовым деревьям, особенно яблоням, гусеницы — мур (Вахан, Ишкашим). Настоящим бедствием была саранча — малах (Вахан, Ишкашим), которая редко появлялась, но быстро уничтожала все всходы. Для борьбы с ней применяли ночной полив, пуская воду в большом количестве. Борьбе с саранчой помогал и сильный ветер, угонявший ее за многие километры.

Много зерна уничтожали и птицы, особенно воробьи. С первой недели августа, за месяц до жатвы, принимались меры по охране посевов от птиц. Этим в основном занимались дети, подростки и женщины. Они

---

[19] Русские и латинские названия болезней мы приводим по работе Н. И. Вавилова [49, т. 2, 163, 281, 331, 330, 393, 394].

[20] Термина для обозначения повилики в Вахане нами не было отмечено.

отпугивали птиц, как и другие памирские таджики, криками [21], стуком железных предметов друг о друга, размахиванием старыми шкурами и тряпьем. Подростки стреляли в птиц камнями из двухтетивных луков типа пращи [22] — сымбанок (Вахан), сымынд (Ишкашим).

Для охраны полей от потравы животными кишлачная община иногда выделяла сторожа — кырыкмол. Осенью, после уборки урожая, каждое хозяйство по договоренности платило ему зерном.

Жатва. Жатва — дырыв (Вахан), дырайук (Ишкашим) зерновых и бобовых культур раннего сева по народному сельскохозяйственному календарю начинается в период хамапаз, при благоприятной погоде — со второй недели августа, при неблагоприятной начало жатвы отодвигается на неделю и больше, а жатва пшеницы — до конца сентября.

Высокогорные условия с ранним выпадением осадков и наступлением заморозков требовали в первую очередь уборки зерновых культур. Жатвой в основном занимались мужчины. При остром недостатке жнецов в хозяйстве мужчинам помогали женщины и подростки обоего пола.

Наши материалы опровергают утверждение А. Серебренникова [132, 71] о том, что на Памире жатвой занимались только женщины. Женщины занимались связыванием снопов — дырзг вындак (Вахан), дарза вонд (Ишкашим).

За двумя-тремя жнецами связывала снопы одна вязальщица, а наиболее опытные из них успевали, по сведениям наших информаторов, связывать снопы за пятью жнецами. Девочки и пожилые женщины собирали колосья — сарчыпак (Вахан), хушачиий (Ишкашим). Если же кто-либо во время жатвы созывал односельчан на «помочь» — кыряр, то женщины в ней не участвовали, снопы связывали мужчины. За пятью жнецами шел один вязальщик снопов.

Жатва трав (начиналась раньше жатвы зерновых) и зерновых культур производилась ручным способом. Главным орудием жатвы был серп с гладким лезвием (см. стр. 61 настоящей работы) местного производства.

Жатве зерновых и бобовых, как правило, предшествовала жатва дикорастущих трав.

Жатву травы начинали тогда, когда она полностью созревала, так как иначе объем заготовленного сена значительно уменьшался после просушивания, а кроме того в таком сене сохранялось меньше питательных веществ.

Жатва дикорастущих трав продолжалась от одной до двух недель (последняя неделя июля и первая неделя августа). Дикорастущую траву в Вахане и Ишкашиме жали в основном на межах — чарм (Вахан), риш (Ишкашим), так как там не было отдельных участков земли, используемых постоянно под сенокос, как это было в соседних Шугнане, Рушане [16, 73] и Дарвазе [23].

При жатве дикорастущих трав, срезании ветвей кустарников, а также при жатве зерновых на левую руку, для предохранения от порезов травой, надевали специальную рукавицу — дастмуза, сшитую из овечьей или козьей сыромятной кожи. Такие способы предохранения широко распространены у земледельческих народов мира, в частности в долине Хингоу [71, 117—118; 122, 68], в Иране [154, 94 (fig. 3)], в Италии

---

[21] Этот способ отпугивания птиц был распространен в Дарвазе и Каратегине [см. 122, 65; 124, 128].

[22] См. рисунок лука-пращи в работах: [94, 26 (рис. 13); 16, 222].

[23] Таджики Дарваза, так же как и в Хуфе, в прошлом имели отдельные сенокосные участки в горах и ущельях. Эти участки назывались по имени хозяина, например «кахдыравой Давлат» (сенокос Давлята).

Рис. 26. Способ жатвы в полусогнутом положении

(Калабрия) [157, 94 (fig. 3)] распространены специально надеваемые на пальцы кожаные чехлы. В Вахане и Ишкашиме такие чехлы были неизвестны, пользовались только упомянутыми выше специальными рукавицами. Кроме этого жнецы в Вахане и Ишкашиме надевали на время работы сшитые из сыромятной овечьей или козьей кожи штаны — шаволыки пустин.

Начало жатвы отмечалось угощением — наврас и исполнением ряда обрядов (см. гл. V настоящей работы).

После навраса начинали жатву дикорастущих трав для заготовки сена на корм скоту (этим занимались мужчины); жатвой священной травы для окуривания, в целях изгнания злых духов, и жатвой, вернее, срезанием веток кустарника для веника — реф (только в Ишкашиме) занимались женщины.

В зависимости от микрорельефа существовало два способа жатвы: стоя, в полусогнутом положении (так жали на склонах) и сидя на корточках — сибриндырывак (Вахан) [24], иногда опираясь одним коленом на землю (так жали на более ровной местности). Чтобы меньше уставать во время жатвы, обычно пользовались попеременно обоими способами, но наилучшим считалось полусогнутое положение (см. рис. 26, 27).

В процессе жатвы выделялось два приема: первый — с захватом, второй — без захвата. При жатве первым приемом — кавзадырыв (Вахан), мыштадырайук (Ишкашим) серп держат в правой руке, а левой захватывают пучок травы или колосьев ближе к корням. Первый прием характеризуется тем, что при захвате пучка травы или злаков ладонь левой руки оказывается под пучком, мизинец — внизу, а большой палец — наверху.

Все виды зерновых жали только этим приемом [100]. Если жнец нарушал правила приема, то считалось, что это приведет к потере зна-

---

[24] В Ишкашиме специальный термин для этого способа отсутствует.

Рис. 27. Способ жатвы сидя на корточках

чительной части урожая. Поэтому крестьяне приучали с малолетства своих детей к жатве этим приемом.

При жатве дикорастущих трав иногда пользовались видоизмененным приемом с захватом — тырчапдырыв (Вахан), чапдырайук (Ишкашим). Этот прием отличался от первого тем, что левой рукой захватывали пучок травы таким образом, что ладонь ее оказывалась поверх пучка, мизинец — наверху, а большой палец — внизу.

Складывали сжатую траву следующим образом. Из нескольких пучков сжатой травы или злаков составлялась большая охапка колосьев или травы — мыштак. Пять-шесть таких охапок укладывали друг за другом, образуя вытянутой формы кучу — дзоп (Вахан), воп (Ишкашим). Ее придавливали ногой, чтобы она плотнее лежала до просыхания, сверху кучу часто прижимали камнями, чтобы ее не разметал сильный ветер.

Второй прием жатвы — без захвата (шопдингак, шопдырывын — Вахан; шопде, шопдырайук — Ишкашим) [25] — по технике выполнения напоминает косьбу: жнец, сжав вначале первым приемом два-три небольших пучка травы, *но не пригибая их к земле, сильным взмахом правой* руки без захвата рукой и серпом следующего пучка срезал его под корень, а левой выбрасывал вперед всю охапку — и первые пучки, и срезанные стебли. Сжатая охапка при таком приеме получалась по объему вдвое или даже втрое больше пучка, получавшегося при первом приеме жатвы.

Жатва без захвата обычно применялась при уборке люцерны, когда в поле не было камней. Дикорастущие травы таким приемом жать нельзя, так как от сильного удара о камень серп может сломаться. Этот прием применялся и при жатве травы на межах, и как исключение при *уборке зерновых культур, стебли которых полегли от сильного ветра под* тяжестью колосьев.

[25] Шоп — букв. сабля, здесь «рубить саблей».

При жатве бобовых, если всходы были редкие, применялся прием с захватом, а если густые — без захвата.

Трава после срезки просыхала в течение 7—10 дней, ворошили ее рукой всего один раз. Сено переносили мужчины до начала жатвы зерновых. *Переносили его на спине с помощью специального деревянного* приспособления [100, 98 (рис. 5); 94, 17 (рис. 8б); 16, 52 (рис. 12, фиг. 2—3)] — кышт (Вахан), кушт (Ишкашим) в хлев или на крышу какой-либо хозяйственной постройки. Здесь из снопов складывали большой стог, называвшийся, как и скирда, «лый» (Вахан), «ли́» (Ишкашим). Сено с межей старались убрать до жатвы зерновых.

В начале жатвы зерновых культур, когда еще не все виды злаков созрели, уборкой их занимались только члены семьи владельца земли. С последней же недели августа и в первую половину сентября, когда все злаковые созревали, во многих хозяйствах требовались дополнительные рабочие руки. Зажиточные хозяева приглашали наемных работников за определенную плату — 1 пор зерна за день работы (из расчета 1 пор равен 6 или 8 тюбетейкам). Наемные работники трудились вместе с хозяевами с рассвета до наступления темноты. Большинство же хозяйств устраивали «помочь». Хозяин поля, созвавший ее, кормил работающих у него.

Перед началом жатвы самый старейший и авторитетнейший из жнецов определял участок работы для каждого жнеца и делил поле вдоль на несколько равных частей, отделяя их друг от друга сжатой полосой. Такие жнецы именуются «палабыр» (перерезающий участок), так же их называют в Дарвазе, Каратегине и Кулябе (по собственным наблюдениям автора).

В разгар жатвы работали до позднего вечера при лунном освещении, отдыхали только во время завтрака, обеда и ужина. Жнецы очень чисто жали злаки и траву. Если серп притуплялся и плохо срезал стебли, то их выдергивали рукой прямо с корнями, чтобы было больше корма на зиму. Чистота жатвы особенно характерна для ваханцев и ишкашимцев [26].

Как уже отмечалось выше, при жатве зерновых за двумя — пятью жнецами шла вязальщица. Иногда жнец при недостатке в хозяйстве рабочих рук сам связывал *сноп* — дырзг (Вахан), дарза (Ишкашим).

Для вязания снопов приготовляли свясла — дырзгвыш (Вахан), дарзабанд (Ишкашим). Их делали из сжатых стеблей при большой высоте злаков, а при небольшой высоте стебли вырывали с корнями и, разделив их на два пучка, скручивали, перегибая стебли у начала колоса. Этот узел называется «джырых» (Вахан), «гыре» (Ишкашим). Для свясла выбирали менее спелые стебли, чтобы при вязании они не ломались. Если стебли были очень короткие, свясло делали из травы, которая росла на межах.

В случае когда на одном из участков по какой-либо причине был пропущен благоприятный момент жатвы ячменя и стебли его начинали высыхать, для предотвращения осыпания колосьев во время жатвы и для того, чтобы использовать стебли на свясла, такой участок поливали. Через двое суток после полива на таком участке жали с раннего утра до 10—11 часов дня, а вечером — после шести.

После того как свясло было готово, его клали на землю, а на него 5—6 сжатых охапок так, чтобы концы свясла удобно было держать в руках для связывания.

Свясло для проса чаще всего делали из травы, так как стебли у проса ниже, чем у других злаков.

[26] Такая же чистота жатвы зерновых и трав отмечена в Зебаке (Афганский Бадахшан) и в Ягнобе (Заравшанские горы, Таджикистан) [11, 26; 17, 73].

Бобовые после жатвы не связывали в снопы, а несколько охапок, перекрутив, укладывали друг на друга, образуя большие кучи — воп (Вахан), велок, веб (Ишкашим), и оставляли в поле для просушки на 8—10 дней. Через 4—5 дней их переворачивали, чтобы они хорошо просохли. Такой же способ применяли таджики других районов — бассейна р. Хингоу [71, 120; 122, 213—215], Ягноба [17, 75] и Кулябской группы районов [27].

Снопы злаковых складывали на поле в копны по 18—22 снопа, т. е. такое количество снопов, которое может за один раз перенести с помощью кышт один мужчина с поля на ток. Иногда число снопов в копне увеличивалось пропорционально числу мужчин, занятых их переносом.

Снопы в копны складывали двумя приемами, в зависимости от степени зрелости: первый прием (если зерно еще не совсем дозрело) — колосьями внутрь — кып (Вахан), сарзер, ганык (Ишкашим); второй прием (если зерно зрелое) — колосьями наружу — сарчук (Вахан и Ишкашим) [28].

Снопы в копны складывали те, кто участвовал в вязании снопов. Женщины это делали на поле своего хозяйства, а мужчины при участии в «помочи».

Просо складывали в скирды колосьями внутрь, так как птицы особенно любят клевать просо и от них необходимо прятать колосья.

В Ишкашиме скирды проса ставили на сжатом поле, а в Вахане в день жатвы снопы перетаскивали на ток и там складывали в скирды колосьями внутрь, оставляя на полторы-две недели. В Ишкашиме перед переносом снопов проса на ток у скирды расстилают палас, на него кладут кышт и, осторожно вынимая снопы из скирды, укладывают их на кышт и несут к току так, чтобы не осыпались зерна. Когда снопы из скирды перенесены на ток, палас, положенный около скирды, берут за четыре угла и осторожно переносят к следующей скирде, и так далее до последней скирды. Когда все снопы перетасканы, зерно с паласа, стараясь не просыпать, собирают. Переносят снопы на спине только мужчины с помощью упомянутого специального приспособления — кышт.

Другие виды транспортировки в силу географических и социально-экономических условий отсутствовали. Ослов использовали для перевозки с тока мешков с обмолоченным зерном, для перевозки удобрений на дальние поля и для верховой езды. Снопы же не перевозили потому, что при такой перевозке на ослах теряется и осыпается значительное число колосьев. По этой же причине не использовали ослов для перевозки зерна и в Хуфе [16, 78].

Переноска снопов (считавшаяся делом мужчин, как мы уже отмечали) начиналась на рассвете и продолжалась, если светила луна, до 10—11 часов следующего дня. Принесенные на ток снопы складывали в большую скирду — лый (Вахан), лй (Ишкашим).

Приготовление тока и обмолот зерновых культур. В прошлом каждое хозяйство имело свой отдельный ток — чырамн (Вахан), хурман (Ишкашим).

В Вахане и Ишкашиме были распространены постоянный ток — гоз (Вахан), магзор (Ишкашим), буквальный перевод — «лужайка», и временный ток. На постоянном току весной жали траву. За две недели перед сенокосом эту траву поливали, чтобы она росла гуще, выше и дала длинные корни, которые укрепляли почву.

[27] По наблюдениям автора.

[28] Эти же термины употребляли для названия самих скирд, сложенных тем или другим приемом.

Приготовление тока сводилось к очень чистой, под корень, жатве травы с площади тока и тщательному подметанию.

Временный ток устраивали на поле после уборки зерновых. Отводимую под ток площадь поля поливали водой и выравнивали лопатой, уничтожая валики и борозды. В тот же день на эту площадку пригоняли мелкий рогатый скот и несколько раз прогоняли его по току, чтобы он своими копытами утрамбовал землю; для этой же цели с силой бросали каменные плиты. Утрамбовав и выровняв площадь тока, на него насыпали солому, чтобы поверхность тока не пересыхала и не трескалась.

Весной временный ток вспахивали, а осенью восстанавливали. Выбор места для тока проходит так же, как в Дарвазе, Каратегине [71, 123; 122, 69, 124, 113], Кулябской и Центральной группе районов Таджикистана[29], способ же приготовления отличается некоторыми деталями.

Метод обмолота в Вахане и Ишкашиме свидетельствует также о древности земледелия в этом районе. Существовало три способа извлечения зерен из колосьев: первый — с помощью трения колоса между ладонями, второй — выбиванием палкой, и третий — вытаптыванием копытами крупного рогатого скота (волов).

Первый способ — трение колоса между ладонями — фрилн, на наш взгляд, является самым древним и известен, вероятно, с эпохи собирательства. Т. А. Бунятов [44, 5], занимающийся изучением земледелия в Азербайджане, относит его к эпохе неолита.

Этот способ существовал в Вахане и Ишкашиме вместе с другими до первой четверти XX в. Это было вызвано тем, что малоземельным крестьянам не хватало хлеба до уборки нового урожая (это имело место у всех памирских таджиков и таджиков Дарваза) и они были вынуждены выбирать в поле пожелтевшие колосья ячменя и пшеницы. Они срывали их руками и поджаривали в золе очага, а затем растирали между ладонями, очищали и ели.

Второй способ — выбивание зерен палкой — появился, по-видимому, позднее, и им пользовались в начальный период земледелия. Этот способ продолжает сосуществовать с более совершенными способами обмолота и в эпоху развитого земледелия.

В Вахане и Ишкашиме, как и в других районах Западного Памира, он сосуществует с третьим способом обмолота — вытаптыванием зерна копытами волов — галагов. Последний способ обмолота мог появиться в эпоху развитого земледелия после приручения, а возможно, только после одомашнивания скота. Этот способ был самым распространенным в Средней Азии, особенно в Дарвазе и на Западном Памире, вплоть до механизации сельскохозяйственных работ за годы социалистического строительства.

Обмолот проводился следующим образом: после просыхания тока на нем разбрасывали развязанные снопы, и по ним по кругу прогоняли четырех и более волов, связанных друг с другом за шею веревкой, перевязывающей одновременно и морды животных, чтобы они не могли есть колосья[30].

---

[29] По наблюдениям автора.

[30] В отличие от этого приема в Дарвазе и Каратегине [124, 140] в Кулябской и Центральной группе районов Таджикистана (по наблюдениям автора) практиковали другой способ связывания веревкой за шею. Число волов или быков зависело от количества обмолачиваемого хлеба, обычно их было от четырех до восьми. Других животных в Вахане и Ишкашиме для обмолота не применяли, за исключением быка-гибрида (от коровы и яка) — гыш (Вахан), хышгов (Ишкашим). Яка-гибрида использовали только для пахоты и как средство транспорта при выходе на летовки. Но так как гибридов было мало и они не переносили жару, их использовали для обмолота крайне редко.

Их гоняли до размельчения стеблей и колосьев на поверхности раскиданных снопов. Для ускорения обмолота волов гоняли то в направлении против часовой стрелки, то по часовой стрелке. Чтобы быстрее окончить обмолот, злаковые ворошили деревянными вилами.

Время обмолота на току зависело от количества снопов и числа волов, процесс этот протекал примерно от одних до трех суток.

После обмолота размельченную массу собирали в центре тока в большую кучу овальной формы — хум ёвгох, хым гохон, так, чтобы длинная ее сторона была под прямым углом к направлению господствующих здесь ветров. До начала веяния на расстоянии от 20 до 30 *см* от кучи с подветренной стороны, параллельно длине кучи, ставили от 3 до 5 больших камней (на расстоянии от 1 до 1,5 *м* друг от друга). Эти камни — чырамнгар (Вахан), нишонсунг (Ишкашим) служили для обозначения границы, отделяющей солому от зерна при веянии.

Веяние. Для веяния — хум бынын (Вахан), хум дывинон (Ишкашим) употребляли деревянные четырех- или пятизубые вилы. В зависимости от объема кучи около нее работали от одного до четырех мужчин, которые, держа в руках вилы и стоя боком к направлению ветра, подкидывали вверх размельченную солому с зерном. Зерно падает недалеко, а солома, как более легкая,— дальше. Интересно отметить, что солома от различных культур имеет разные названия: в Вахане солома пшеницы именуется «гыдим выш», ячменя — «йырхк выш», бобовых — «ёри выш», «бокло выш»; в Ишкашиме солома пшеницы — «гундым выш», ячменя — «вурвыс выш», бобовых вообще — «кылухдона выш», а по отдельности каждый вид, бокло выш, крош выш и т. д. При веянии эта солома относится ветром за упомянутые камни-отметки, а более мягкая и мелкая — маныk еще дальше.

Как мы отмечали выше, в Вахане и Ишкашиме всегда со второй половины дня снизу по долине Пянджа в сторону Вахана дуют сильные ветры. Поэтому, если в составе веяльщиков оказывались неопытные, их всегда ставили со стороны направления ветра, иначе сильный ветер мог отнести вместе с соломой и зерно, за камни с подветренной же стороны кучи ставили самого опытного веяльщика. Он вилами отодвигал солому от кучи зерна, так что постепенно выделялась более тонкая полоса — гардан (шея) отвеянного зерна, смешанного с неразмельченной соломой. Для вторичного провеивания (окончательной очистки зерна от мелкой соломы и пыли) вместо вил употребляли специальную деревянную лопату. В это время одна или две женщины брали веник — дыстрефок (Ишкашим) и осторожно сметали с поверхности гардан остатки соломы. Веяние повторяли два-три раза, пока не убеждались в чистоте зерна. Затем все зерно деревянной лапатой собирали в конусообразную кучу — сор (Вахан), усир (Ишкашим). Для окончательной очистки зерна применяли специальное решето — фырахбез (Вахан и Ишкашим).

Первичное провеивание зерна было делом мужчин, а веяние гардан и очистка зерна с помощью решета — делом женщин. Делалось это обычно так: одна из женщин держала решето и слегка трясла его, а вторая деревянным блюдом сыпала неочищенное зерно в это решето.

После очистки зерна женщины быстро уходили, так как они не имели права находиться близко от тока, потому что мужчины совершали ряд магических обрядов, сопровождавших перенос зерна в закрома.

Способы хранения семенного зерна. В Вахане и Ишкашиме во время уборки зерна с тока одновременно отделяли зерно для посева — тегм. Его хранили в специально вырытых глубоких (до 170 *см*) ямах — гув (Вахан, Ишкашим), расширяющихся книзу. Верхнее отверстие ямы делали таким, чтобы через него мог свободно спуститься один человек

для ремонта и чистки ее, а также для взятия зерна. Ямы эти рыли в сухом месте, изнутри плотно обкладывали плоскими каменными плитами, чтобы предохранить зерно от случайного проникновения влаги. Верхнее отверстие тоже закрывали каменными плитами и обмазывали сверху глиной. В таких ямах семенное зерно хранилось до весеннего сева. Если часть зерна оставалась неиспользованной, то ее употребляли в пищу.

Ямы копали различных объемов, в зажиточных хозяйствах самые большие вмещали до 120 пор зерна, т. е. свыше 120 пудов.

Зерно, которое шло на приготовление муки, привозили с тока в дом и рассыпали на нары против входа, где оно и оставалось до помола. Муку обычно хранили в специальном помещении — ганджина (Вахан, Ишкашим), амбар на фундаменте (20—30 *см* над уровнем земли). Часть зерна, из которого делали муку, прятали в небольших потайных ямах во дворе и за пределами двора — у подножия горы. Закрыв отверстие ямы, поверхность его сравнивали с уровнем земли. Таким способом крестьяне спасали часть зерна от разграбления в эпоху феодальных междоусобиц.

В амбаре хранили муку для непосредственного потребления. В каждом амбаре на расстоянии 10—15 *см* от стен складывали четыре специальных четырехугольных отделения — хымбык (Вахан), хымбук (Ишкашим) из камня и обмазывали глиной. В эти отделения засыпали муку определенного вида злака (пшеницы, проса, ячменя) и бобовых.

Иногда эти отделения строили на фундаменте (тогда они примыкали к стенам), фундамент на 20—30 *см* поднимал дно отделения от пола амбара, чтобы дно отделения не могли прогрызть мыши. Пространство между дном отделения и полом амбара называлось «пышыкрав» (для хождения кошки).

Наверху каждое отделение имело отверстие, из которого муку брали рукой или миской, когда оно было заполнено доверху. Это отверстие закрывалось дверцей. Внизу отделения также было небольшое отверстие, закрытое тряпкой, из которого брали муку деревянной ложкой, когда ее оставалось мало. Иногда, когда не все отделения в амбаре заполнялись мукой, в свободных хранили также и зерно.

Садоводство. В связи со значительной высотой над уровнем моря (от 2500 до 3500 *м*) садоводством в Вахане и Ишкашиме занимались немногие, даже из зажиточных хозяйств. Количество фруктовых деревьев в каждом хозяйстве было от 1 до 40—60, например у пира Сейид-Карам-Али-шо их было 120. В ряде кишлаков даже зажиточные хозяйства совсем не имели садов, например в Шитхарве, Зугвунде не было ни одного фруктового дерева.

М. С. Андреев еще в 1900—1901 гг. отметил, что, по сообщениям местных жителей, «фруктовые деревья, кроме немногих урюковых (абрикосовых) не сажают... из-за сильных ветров... уносящих весною цвет» [11, 22]. Кроме абрикосовых деревьев — чуван (Вахан), чувенд (Ишкашим), по нашим данным, выращивали еще яблони — мыр (Вахан), менд (Ишкашим), груши — амруд (Вахан и Ишкашим) и тутовник — тут (Вахан и Ишкашим). Груша и тутовник из-за недостатка солнечного тепла фактически не давали плодов. Абрикосы и яблоки потребляли в натуральном виде зажиточные хозяйства, имевшие 30—50 абрикосовых деревьев, запасали на зиму сухие абрикосы — урюк. Урюк считался лакомством, кроме того из него варили вкусное блюдо — чамбер хашпа, типа киселя.

Фруктовые деревья (абрикос и яблоня), выросшие из семян, вследствие холодного климата дают плоды только на шестой год. Деревья эти более низкорослы по сравнению с абрикосами и яблонями Дарваза

и Каратегина [31], имеют более тонкий ствол. Плодоносность абрикосового дерева в Вахане и Ишкашиме намного меньше, чем в Дарвазе, где дерево плодоносит уже на третьем году.

Плодовые деревья сажали непосредственно вокруг усадьбы, иногда на отдельном участке либо на межах ближайшего от дома поля. Посадка производилась так: вырывали траншею — угон, вугон (Вахан и Ишкашим) глубиной в 20—30 *см*, чтобы предохранить от ветра молодые побеги. Затем взрыхляли землю, удобряли ее навозом и после посадки косточек поливали из кувшина. Траншею огораживали колючками, чтобы предохранить сеянцы от потравы скотом. За молодыми деревьями тщательно ухаживали, поливали и удобряли их. На третий год деревца — ныол достигали высоты 1,5—2 *м*.

Ранней весной на четвертый год эти саженцы переносили на выделенный под сад участок. На третий год после пересадки из траншеи деревья начинали давать плоды.

Для хозяйственных нужд и в целях предохранения молодых фруктовых деревьев от сильных ветров вокруг садов или на межах сажали тополя, березы, ивы и другие деревья.

Огородничество и бахчеводство из-за природных условий играли еще меньшую роль в хозяйстве Вахана и Ишкашима, чем садоводство. Некоторые хозяйства выделяли под огородно-бахчевые культуры 1 *кв. м* или того меньше. Как мы отмечали выше, в этом районе из огородно-бахчевых культур выращивали лук, морковь, свеклу, перец, арбузы, дыни и тыкву. Лук сеяли на квадратных или на длинных валиках, в зажиточных хозяйствах на площади длиной до 4 *м* и шириной до 1,5 *м*. На валиках высевали свеклу и тыкву. Морковь, как и лук, сеяли иногда в зигзагообразные борозды. Лук, морковь и свеклу употребляли только в теплое время года, так как не умели их сохранять зимой.

Бахчевые обычно сеяли одно или два хозяйства в кишлаке на одной-двух сотках в садах (в междурядье) или вблизи усадеб. Такой участок с дынями и арбузами назывался «полез». Иногда из-за сильных заморозков арбузы не успевали созревать, погибала и половина урожая дынь.

Дыни и арбузы сеяли по бороздам по народному календарю между «60 и 70 бахор». Семена их непосредственно опускали в ямки, сделанные палочкой. В течение недели они должны были дать всходы. За вегетационный период дыни и арбузы три-четыре раза окучивали, удобряли и поливали. Особенно тщательно поливали бахчевые во время цветения.

По сообщению наших информаторов, в Вахане и Ишкашиме, по преданию, раньше очень хорошо вызревали дыни и арбузы, вероятно, климат тогда был мягче.

Садоводство в древности, видимо, было распространено шире. Доказательством могут служить пни крупных абрикосовых деревьев, которые обнаруживаются при рытье фундаментов, а также на межах [11, 22].

* * *

Приведенный в данной главе материал показывает, что одной из основных отраслей занятия населения Вахана и Ишкашима было высокогорное земледелие, основанное на искусственном орошении высокогорного типа и по своему характеру частично приближающееся к тому

---

[31] По наблюдениям автора.

типу, который называют террасовым. По определению Н. И. Вавилова, «высокогорное земледелие связано с интенсивными формами, с применением орошения (там, где недостает влаги), с применением удобрений, с тщательной культурой ограниченных земельных пространств» [46, 82].

Система земледелия — наиболее яркий показатель развития земледельческого хозяйства. В Вахане и Ишкашиме она была паровой, с соблюдением севооборота.

Земледельцы Вахана и Ишкашима, как мы показали выше, издавна занимались выведением более приспособленных к местным условиям видов сельскохозяйственных культур. «Высокогорные формы,— отмечает Н. И. Вавилов,— часто являются весьма скороспелыми, что естественно в силу отбора здесь наследственных форм, укладывающихся в своем цикле развития в короткое лето» [46, 79].

Кроме пара и севооборота крестьяне применяли смешанные посевы зерновых и бобовых, поддерживали плодородие почвы обязательным уничтожением сорных трав, соответствующей обработкой почвы для поддержания ее в рыхлом состоянии и, что особенно важно, вносили дифференцированные удобрения.

Особенности высокогорного земледелия Вахана и Ишкашима позволяют нам определить его как интенсивную систему земледелия, характеризующуюся в первую очередь применением удобрений уже в начальном периоде развития, простейшей агротехники и селекции определенных сортов культурных растений для выведения высокоурожайных.

Земледельческий календарь был выработан земледельцами Вахана и Ишкашима на основе многовекового народного опыта, определившего лучшие сроки начала и окончания разнообразных земледельческих работ.

Хозяйственно-культурная общность памирских таджиков (в том числе ваханцев и ишкашимцев) с таджиками и с другими соседними народами Средней и Передней Азии проявляется не только в наличии земледелия, основанного на искусственном орошении, общности форм орудий труда, отмеченной нами выше, но также и в приемах отдельных земледельческих процессов (пахоте, севе, жатве, обмолоте и т. п.).

Бытовавшие еще в XIX — начале XX в. некоторые приемы ручного земледелия и связанные с ними орудия труда (серпы из рогов дикого козла, прием выдергивания стеблей злаков и трав вместе с корнями, ручной обмолот — извлечение зерен из колосьев с помощью трения колоса между ладонями и извлечение зерен из колосьев выбиванием палкой, и т. п.) свидетельствуют о древности земледелия в изучаемом районе. Н. Н. Чебоксаров и И. А. Чебоксарова отметили, что «до распространения пашенного земледелия различные варианты горного ручного земледелия были очень характерны для народов многих высокогорных районов ойкумены: для Западных Гималаев, Гиндукуша, Памира, Кавказа, Карпат, Альп, Пиринеев, Андийского нагорья, Южной Америки» [145, 191].

Бытование в прошлом и в начале нашего века в исследуемом районе древних орудий труда и приемов ручного земледелия объясняется особенностями географического положения — изолированностью высокогорных долин Западного Памира, в частности Вахана и Ишкашима, от культурных центров Средней Азии и сопредельных стран. Кроме того, это объясняется господством натурально-патриархального уклада в хозяйстве, обусловившим сравнительно позднее проникновение в эти районы технически более современных орудий, например металлических наконечников, серпов и т. п. Из-за дороговизны железных серпов

многие крестьяне практически были лишены возможности их приобретать. Поэтому древние орудия уборки, сохранявшиеся в горных районах, бытовали в крестьянской среде еще в XIX — начале XX в.

В конструкции земледельческих орудий памирских таджиков, в том числе ваханцев и ишкашимцев, проявляется земледельческий опыт их предков — древних земледельцев высокогорных долин. Древние земледельцы учитывали природные особенности своего родного края, рельеф, структуру почв и климат. Постоянно дующие горно-долинные ветры в Вахане и Ишкашиме и расположение полей на склонах обусловили применение традиционных пахотных орудий, которые только рыхлят, а не переворачивают пласты земли. Это обстоятельство очень важно, так как при рыхлении почвы ее наружный слой (часто с корнями зерновых), остающийся наверху, предохраняет более глубокий плодородный слой почвы от выдувания ветром. К тому же при рыхлении почвы остается часть верхнего слоя гумуса, куда перед пахотой вносится естественное удобрение (навоз), что способствует повышению урожайности культур.

Глава V

ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С ЗЕМЛЕДЕЛИЕМ

Народности Западного Памира, в том числе ваханцы и ишкашимцы, старались принять все меры к тому, чтобы сохранить растения от стихийных природных бедствий и собрать урожай без потерь.

Бессилие земледельца перед природными явлениями, уничтожающими плоды его труда, подготовило почву для возникновения целого ряда магических обрядов и обычаев, сопровождавших выполнение всех земледельческих работ. Многие из этих обрядов и обычаев возникли в глубокой древности и связаны с анимистическими верованиями. Впоследствии они «переплелись с мусульманскими религиозными верованиями. Мусульманское духовенство нередко пользовалось древними земледельческими обычаями и обрядами, облекая их в мусульманскую религиозную оболочку и тем самым усиливая свое влияние на беспомощные массы населения горных долин» [122, 161]. Однако совершению некоторых анимистических обрядов духовенство препятствовало.

Действия исмаилитского духовенства (среди припамирских народностей ислам распространился в форме исмаилизма) в этом плане не отличались от суннитского. Поэтому древние народные верования и обряды интерпретировались исходя из исмаилитского вероучения.

Земледельческие обряды и обычаи издавна по традиции передавались из поколения в поколение в устной форме. В 1969 г. во время экспедиции нами был обнаружен «Рисолаи дехкони» («Трактат земледельца», далее — «Рисоля»).

«Рисоля» хранится в рукописном виде у крестьянина Латифа Бодурбекова из кишлака Рын (Ишкашимский район). Она состоит из 10 страниц таджикского текста арабской графикой. Каждая страница (длиной 12 *см*, шириной 9 *см*) имеет от восьми до девяти строчек, а последняя — три строчки. Эту «Рисоля» Латиф Бодурбеков получил от учителя Кадам-шо, жившего в начале XX в. в кишлаке Шитхарв в Вахане. По нашему мнению, этот трактат был составлен неизвестным местным автором-исмаилитом, потому что в ней прослеживаются элементы этой секты («Рисоля» написана на бадахшанском диалекте таджикского языка, и в ней проявляется чрезмерное возвеличивание Али).

М. Гаврилов, анализируя «Рисоля» ремесленников из «сартов», считает, что «первые века распространения ислама в Азии были именно той эпохой, которая более всего подходила ко времени возникновения цеховых статутов» [50, 8]. А. Ф. Миддендорф отнес составление «Рисоля для земледельцев Ферганы» к XIV в. [90, 355; 14].

На наш взгляд, в определении времени возникновения подобных «Рисоля» более прав М. Гаврилов. Он считает, что «преобладающий

язык этих мест, т. е. персидский, был первоязыком рассматриваемых нами „Рисоля"; здесь же, по-видимому, и родина их» [14, 8—9]. Так как в этих «Рисоля» встречаются имена чисто шиитских святых, М. Гаврилов полагает, что «имена этих святых, можно думать, не были бы включены в рисоля, составленную правоверными сунни» [14, 9].

Однако «Рисоля» были распространены как среди земледельцев суннитов, так и шиитов.

В «Рисоля», записанной нами в кишлаке Рын, говорится о том, что Бобои Одам — Дед Адам обучил земледелию своих потомков[1]. Упоминается также, что от Деда Адама до Ходжа дехкона (Ходжа-Абдулла дехкан, так называют патрона земледелия в Вахане и Ишкашиме) было на земле 6677 Ходжа дехкон, но среди них только 18 известны своей необыкновенной святостью. Дед Адам был первым в мире земледельцем, и обучил его этому архангел Гавриил. Он научил Адама делать орудия, а также как ими пользоваться при исполнении определенных сельскохозяйственных работ, показал, как надо обращаться с упряжкой волов, и приручил их.

В «Рисоля» отмечаются «неблагополучные» дни для земледельческих работ, а приводятся изречения на арабском языке для определенного вида земледельческой работы: начала пахоты, сева, обмолота, веяния, очищения зерна и перенесения его на хранение в кладовую.

В «Рисоля» говорится о том, что если крестьянин не выполняет правил трактата, то его труд и полученный урожай являются «скверными» и «не богоугодными» для его семьи. Знание «Рисоля» обязательно для каждого земледельца. Однако во время бесед с крестьянами никто из стариков не мог нам привести из этого «Рисоля» ни одного изречения.

Патрон земледелия — Бобои Дехкон. В представлении ваханцев и ишкашимцев, Дед-Земледелец — Бобои дехкон выступает как благодетель, покровитель земледельцев, создавший все виды земледельческих культур. Наряду с именем Бобои Дехкон он часто носит и другое — Ходжа-Абдулла дехкан, чаще употребляемое в Ишкашиме[2]. В этом образе олицетворяется праотец Адам, который, будучи соблазнен дьяволом, отведал зерен пшеницы и был за это изгнан из рая.

Аналогичные этому поверья существовали в долине реки Хингоу, в Дарвазе и Каратегине [122; 124], а также по всей Средней Азии [135; 31]. По рассказам наших информаторов, судьба Адама после изгнания его из рая складывается иначе, чем в преданиях, распространенных в Дарвазе и Каратегине.

В кишлаке Зунг, в Вахане, нами записана следующая легенда[3]. Дед Адам (Бобои Одам) жил в раю и не знал, что пшеницу, дыни и яблоки можно есть. В раю зерна пшеницы были очень крупные, величиной с куриное яйцо. Шайтан (дьявол), увидев Деда Адама гуляющим в саду, приблизился к нему, сорвал зерно пшеницы, отрезал от него ножом ломтик и начал есть. Адам захотел его попробовать и попросил у шайтана ломтик, а тот только и ждал этой минуты. Он дал Адаму ломтик пшеничного зернышка, Адам попробовал его, и у него сразу вздулся живот, чем он и осквернил рай. В это же мгновение и шайтан исчез из рая, а след его ножа до сих пор виден на каждом пшеничном

---

[1] Ср. с легендами об Адаме, распространенными в Дарвазе и Каратегине [122, 182—183].

[2] Полевая запись 1969 г. [7].

[3] Мамадгул Нурхаётов (84 года), кишлак Зунг; Хаитмамадов Хайдар (74 года), кишлак Рын. Полевая запись 1969 г. [7].

зерне. Дед Адам 900 лет стоял у ворот рая, не зная, что ему делать. После этого бог — Эмоми замон, мавло (букв. имам всего мира) — Мавло Али, повернувшись к архангелу Гавриилу, сказал: «Сегодня Дед Адам должен увидеть лик бога». После такого благожелательного изречения бога Мавло прокукарекал Золотой петух — мурги заррин. Услышав это, Дед Адам удивился и сказал: «Эй, Мухаммад-Али!» — и, повернувшись, увидел, что Али сидит рядом с ним. Потом Мавло Али сказал архангелу Гавриилу, что Деду Адаму нужен спутник жизни. Затем, сидя на месте, Мавло Али провел в земле углубленную черту, из которой мгновенно появилась бабушка Ева («Биби Хаво»). Архангел Гавриил посадил Биби Хаво с правой стороны Адама, а тот под влиянием пробудившегося чувства протянул к ней руку. По велению бога Гавриил препятствует этому и велит Еве встать и потихоньку, на цыпочках, незаметно удалиться в другой дом, чтобы приготовиться к брачной церемонии. В качестве свидетелей архангел Гавриил пригласил Израиля и Исрафиля. После этого Еву посадили с левой стороны от Адама и прочитали «хутбу» брака.

По велению бога архангел Гавриил привел из рая волов, принес пахотное орудие — сыпундр, овец, хурму. Затем Гавриил сам провел первую борозду и передал все Деду Адаму для того, чтобы тот продолжил эту работу.

В этих преданиях бог олицетворяется с Дедом Адамом, а последний с патроном земледелия — Дедом-Земледельцем. О. А. Сухарева отметила, что, по библии и религиозному преданию мусульман, Адам считался первым земледельцем и патроном земледелия. Под влиянием ислама Дед-Земледелец был заменен Дедом Адамом, заместителем которого в каждом селении считался самый старый и опытный дехканин, совершавший посвященный патрону земледелия ритуал и проводивший весной первую борозду на полях [138, 30; 122, 183, 186—187].

По утверждению М. С. Андреева, у исмаилитов «должность распорядителя священными обрядами, связанными с земледелием... захвачена халифой, исполняющим, таким образом, функции „Деда-Земледельца" — „Бобои Дехкон". Этим именем среди таджиков-суннитов называется не только патрон земледелия, но и упомянутые выше, существовавшие по разным селениям лица, распоряжавшиеся земледельческими обрядами и ведшие свое происхождение от патрона земледелия» [16, 75; ср. 14, 323]. Наши материалы подтверждают правильность точки зрения М. С. Андреева. Действительно, в недавнем прошлом в Вахане и Ишкашиме земледельцы не начинали никаких земледельческих работ без уточнения «счастливого дня» для каждого вида работ сайидами — пирами (пир — духовный наставник, глава местных исмаилитов) и их помощниками — халифа́.

В лице такого пира земледельцы почитали особого человека, приносящего им не только духовную пищу, но и способствующего сохранению урожая всех сельскохозяйственных культур. Они советовались с ним по всем жизненным вопросам, почитали его как потомка бога — Мавло Али (в их понимании он же Дед Адам и он же Дед-Земледелец).

У таджиков Дарваза, Каратегина, Зеравшана и других местностей наиболее авторитетный старый крестьянин, являющийся, по преданию, потомком патрона земледелия и олицетворяющий его, определяет счастливый день для начала каждой из его земледельческих работ. Он лично сам должен первым выйти в поле и провести первую борозду, сев и т. п. Только после этого его односельчане могут приступить к определенной работе.

В Вахане и Ишкашиме функцию патрона земледелия приняло на

себя исмаилитское духовенство. Только пир или халифá определяют «счастливый день» и время начала пахоты (проводимой в дни празднования Нового года) или других земледельческих работ[4], а также местонахождение созвездия Скорпиона — ситораи Акраб, ситораи нахс (букв. звезда неблагополучия) [100, 123; 102]. Сами они наряду с другими односельчанами приходят со своими волами в назначенный день и место для проведения первой борозды и принятия участия в общественной трапезе.

Празднование Нового года — Навруза и первой пахоты. Праздник Нового года — Навруз (в Вахане и Ишкашиме Шогуни боор — букв. весенний Шогун), приходящийся на дни весеннего равноденствия (20—22 марта), торжественно отмечался в Средней Азии (в том числе в Дарвазе, Каратегине и Припамирье). С наступлением весны начинался цикл сельскохозяйственных работ.

Праздник Нового года одновременно был праздником земледельцев, отмечающих начало земледельческих работ, он был также днем проведения первой пахоты. В Вахане и Ишкашиме проведению Навруза уделяли огромное внимание. По поверью ваханцев и ишкашимцев, если хорошо и весело провести Навруз и если будет сытное угощение, то в новом году жизнь будет веселой и сытной. Следует отметить, что все народные обряды и обычаи строго соблюдались, начиная с обрядов и обычаев, сопровождавших празднование Нового года, и при всех земледельческих работах. Многие из них, дошедшие до нашего времени, под влиянием исмаилизма частично изменили свое содержание.

За две недели до наступления Нового года крестьяне просили у халифа определить точное время празднования Навруза и дня первой пахоты, а также местонахождение созвездия Скорпиона [42, гл. 13; 11; 125; 102]. Упоминая в своих работах о созвездии Скорпиона в связи с празднованием Нового года и с началом сельскохозяйственных работ, исследователи не раскрывают причину столь длительного существования поверий, связанных с этой «звездой неблагополучия».

О созвездии Скорпиона среди местного населения существовало интересное предание. Верили, что оно олицетворяет на небе плохого человека, совершает зловредные поступки — подслушивает разговоры других звезд, ангелов на небе и людей на земле, сплетничает, т. е. передает подслушанное тем, о ком говорят. Созвездие отдыхает только в субботние дни и следит, кто чем занимается. Из-за его сплетен ссорятся между собой звезды, ангелы и люди, а оно наблюдает за этими ссорами издалека и радуется. Поэтому другие звезды на небе и ангелы остаются в субботу на своем месте, не передвигаются, чтобы не попасть на глаза Скорпиону. Поэтому в субботу не начинают свадебных торжеств, женщины не моют голову, не начинают кроить одежду и т. п. В противоположность Скорпиону Полярная звезда — ситораи Кутб связана с хорошими приметами — это столб мира, она управляет всей вселенной.

По народному представлению, созвездие Скорпиона движется так, что в различное время дня находится в разных местах на небе, а когда его там не видно, считают, что оно «в земле». Например, в первый день Нового года оно может быть в любой части кишлака — на северной, южной, западной или восточной. Определение халифой местонахождения Скорпиона считалось хорошим предзнаменованием, об этом оповещали всех жителей кишлака. Все выносили паласы на двор, а в дом приносили зеленые ветки ивы и хлыст для волов. Волов, впряженных

---

[4] По нашим материалам, большой популярностью пользовался местный знаток астрологии — пир Замрад, живший на левом берегу Вахандарьи.

в пахотное орудие, выводили в поле, стараясь, чтобы только затылок человека был обращен в сторону созвездия. Выходя из дома по случаю начала земледельческой работы, нельзя было на него смотреть. По поверью, с тем, кто нарушит этот запрет, случится беда и он принесет несчастье всему кишлаку. Каждый крестьянин, выходящий на первую пахоту в поле, старался строго соблюдать этот обычай, чтобы не навлечь несчастье на себя и на всех своих односельчан.

Самое неблагоприятное для начала всяких работ и дел время, когда созвездия нет на небосводе, т. е. когда оно, по народному поверью, находится «в земле». Только с появлением его на небе можно было приступать к различным работам, соблюдая вышеупомянутый обычай.

По сообщению наших информаторов[5], созвездие Скорпиона каждый месяц по три дня (они идут не подряд друг за другом) находится «в земле». Эти дни — «неблагополучные», и, по народному представлению, если человек в эти дни начнет какую-либо работу, то случится несчастье. Эти дни всегда бывают нечетные, например девятый, девятнадцатый и двадцать девятый дни месяца.

Следует отметить, что в приведенной нами «Рисоля» земледельцев неблагополучными считаются не три, а семь дней, и не только нечетные, но и четные дни месяца. Например, третий, пятый, тринадцатый, шестнадцатый, двадцать первый, двадцать четвертый и двадцать пятый дни месяца.

Нужно подчеркнуть, что разница между народным представлением о «неблагополучных» днях и о таких же днях, зафиксированных в «Рисоля», подтверждает наше предположение о том, что крестьяне Вахана и Ишкашима в своем подавляющем большинстве не знали его содержания.

По представлению ваханцев и ишкашимцев, «счастливыми» днями считались четные дни месяца, например второй, четвертый, шестой, восьмой, десятый и т. д., в сочетании с днями недели — воскресенье, понедельник, четверг и пятница.

Как уже было нами отмечено, за неделю и более до Нового года шьют новую одежду, красят яйца, приготовляют солод и пекут лепешки.

С первого дня Нового года надо было строго соблюдать все обычаи. Например, в Ишкашиме, в кишлаке Рын и в соседнем с ним Наматгуте рано утром в первый день Нового года в дом никого из чужих не пускали и сами не ходили ни к кому из односельчан. В первый и второй день Нового года в эти кишлаки не пропускали жителей из соседних кишлаков, даже родственников[6]. Для этого в километре от кишлака ставили сторожей, которые направляли проходящих людей другой дорогой, в обход кишлака[7].

На рассвете первого дня Нового года старший в семье выходил из дома, стараясь, чтобы его затылок был обращен к созвездию Скорпиона, срывал несколько веток желтой ивы — зартнук (Вахан), зардбед (Ишкашим) и, возвратясь домой, засовывал их за балки. Зеленые ветки ивы символизировали пробуждение природы и наступление весны, начало земледельческих работ, а также, по поверью, должны были при-

---

[5] Мадатхон Михрабонов (90 лет), Курбонмамад Хотамбеков (62 года, Вранг, Вахан); Хайдар Хаитмамадов (74 года, кишлак Рын, Ишкашим), Зарик Тошмахмадов (68 лет, кишлак Внукут, Вахан).

[6] Наши материалы подтверждают данные М. С. Андреева и А. А. Половцева. [См.: 11, 27—28].

[7] Жители других кишлаков, зная этот обычай, существовавший в Рыне и Наматгуте, старались все дела решать до Нового года или после него, а в первые два дня Нового года старались в эти кишлаки не ходить

нести здоровье, успехи и счастье всем членам семьи. С восходом солнца старшие мужчины от каждой семьи шли с подарками в дом пира, своего духовного наставника, поздравляли его с наступлением Нового года и, сидя за угощением, слушали пира почти до полудня. В это время домочадцы не могли выйти из дома. Они ждали возвращения мужчин, отправившихся к пиру. Если дети или кто-либо из взрослых нарушал этот запрет, то не входил в дом до возвращения мужчин, особенно главы семьи. Этот запрет был связан с урожайностью зерновых культур. Считалось, что след ноги — паи кадам (кроме следа, принадлежащего главе хозяйства), особенно женский, может принести вред урожаю. Поэтому в дом вслед за главой семьи старались первыми войти мужчины, а так как, по народному представлению, мужчина был производителем, то его приход в дом первым должен был способствовать получению хорошего урожая зерновых.

Женщины до возвращения главы семьи и мужчин, ушедших с ним к пиру, убирали в доме, наносили рисунки мукой на стены, затем совершали омовение и приступали к печению хлеба — кумоч, кумочи шогуни́. В некоторых семьях кумоч пекли из солода[8], готовили молочную кашу, густую похлебку — кочи́ из молока, воды и муки, а также суп из мяса — шурбо.

По возвращении от пира, перед обедом, глава семьи выводил осла из хлева, покрывал его спину паласом, иногда сажал на осла своих мальчиков (до трех) и, подведя осла к двери, говорил: «Отворите дверь! Я привез счастье Шугнана, привез счастье Бадахшана, привез счастье Ишкашима!» Если в семье был юноша, которого собирались женить, он добавлял: «Я привез невесту для сына». В отворенную дверь дома въезжали на осле мальчики, а за ними входил глава семьи и произносил: «Лурд, лурд, лурд, шогуни боор муборак бошад!» («Поздравляем с весенним шогуном!»). Хозяйка дома ему отвечала: «Ба руи шумо муборак бошад» («Поздравляем вас также») и осыпала мукой плечо хозяина, плечо каждого мальчика и между ушами осла (мука белого цвета — символ счастья в Новом году).

Затем глава семьи снимал с осла ребятишек, расстилал палас и садился на него в ожидании угощения. Для осла в нише также приготовляли угощение — сено и ячмень. Если первым он начинал есть ячмень, то это предзнаменовало хороший урожай зерновых, а если сено — то плохой. Когда осел все съедал, его отводили в хлев.

После этого вся семья во главе с хозяином садилась за дастархан есть ритуальные лепешки — кумоч и приготовленное угощение. Новогодний кумоч, особенно на солоде, благодаря его сладкому вкусу символизировал «сладость жизни» и благополучие в наступающем Новом году.

Во второй половине дня начинались массовые народные гулянья, хождение к родственникам и соседям с поздравлениями. Большой популярностью пользовались народные спортивные игры: конное поло — гуйбози́ [42, 97—98; 11, 34], козлодрание — бызкаши́, скачки на ослах — хартози́ и соревнования по бегу. Многие играют в тухм (яйца), т. е. игра «в битки».

Молодые женщины, девушки и девочки качались на качелях. Некоторые исследователи считают это качание обрядовым, актом имитативно-сексуальным по отношению к божеству плодородия [149, 466; 31, 16—17]. Подтверждением этого, возможно, является и качание на качелях женщин и девушек во время свадебных торжеств. Однако смысл этого обряда давно забыт, и народ считает качание на качелях просто

[8] Приготовление солода см. [11, 29; 122, 197—198].

развлечением. Особое внимание привлекало к себе кабак — соревнование в стрельбе во время скачки на лошади в привязанного в середине поля козла. Всадники пускали лошадь вскачь с расстояния 200 *м* от цели, а стреляли в козла с расстояния 80—50 *м*. Тот, кто поражал цель, из этого козла готовил угощение для своей семьи и друзей. Местные стрелки пользовались большим авторитетом не только среди односельчан, но и за пределами Вахана или Ишкашима.

На рассвете второго дня Навруза хозяин дома готовил на полу корм для вола — алаф (из соломы, политой водой и посыпанной мукой) и вводил его в дом. Когда вол входил в помещение, ему между рогами насыпали немного муки — кашка мекунан — для счастливого начала пахоты. Хозяин, поглаживая шею и спину вола, приговаривал: «Поздравляем тебя с весенним шогуном, ибо ты тоже участвуешь в земледельческой работе».

Если во время пребывания вола в доме он испражнялся, то это считалось хорошей приметой. Его помет собирали и хранили длительное время, так как он играл определенную роль в ряде земледельческих обрядов. В случае когда в хозяйстве не было вола, хозяйка приводила в дом овцу — меш, посыпала у нее между ушами мукой с целью увеличения поголовья скота, а также масла, молока и т. п.

Как мы уже отмечали выше, счастливое время и направление вывода волов на определенное поле (кому бы оно ни принадлежало) для первой пахоты сообщалось халифой и было известно всем крестьянам. К этому выводу волов хозяйка дома готовила специальное ритуальное блюдо — молочную кашу или кочй. Хозяин при выводе волов с пахотным орудием просил кого-либо из мужчин своей семьи помочь ему незаметно для других выйти в поле, так как встреча с кем-либо предвещала неудачу. Если на дороге появлялся кто-нибудь, его просили удалиться, объясняя, что хозяин хочет вывести волов для первой пахоты. Хозяин брал в платок около килограмма семян, в чашу столько же удобрений, а сверху колючки от сглаза, в уголок этой чаши клали отруби — сабус, руту (растение для священного курения — Peganum Hermaly), сыпандр (Вахан), сыпандона (Ишкашим), сливочное масло — ругын (Вахан и Ишкашим), последние три компонента сжигали [42, 97], затем шли в поле, где собирались все односельчане. Обычно оно было довольно близко к кишлаку. Приближаясь к полю, пахарь поздравлял всех присутствующих: «Поздравляю вас с весенним шогуном!». Ему отвечали: «Вас тоже поздравляем с весенним шогуном!»

После этого пришедший оставлял удобрение в каком-нибудь месте поля, в стороне от людей, там же он оставлял золу от священного курения. Затем бросал на землю часть принесенных с собой семян и говорил:

«Фатхи кор, футухи рузгор,
Муборакии шогуни боор,
Як дона — хазор,
Хазор донаи бешумор,

Ба дами гарми Хайдари Карор
Шо-Абдуллон Дехкон
Аллоху акбар!» [9]

«Успеха в работе,
Успеха в хозяйстве (во всех областях хозяйства),
Поздравляем с весенним шогуном,

Одно зернышко — тысяча,
Тысяча зернышек — бессчетно;
С теплым дыханием Хайдара-Карор [10],
Шо-Абдулла дехкан [11]
Велик аллах!»

---

[9] Сообщение Нурхаётова Мамадгула (84 года), кишлак Зунг; Тошмахмадова Зарика (68 лет), кишлак Внукут (Вахан). Полевые записи 1969 г. [7].

[10] Хайдар-Карор — имя бога.

[11] Покровитель земледелия, т. е. Дед-Земледелец.

После этого сам хозяин или в знак уважения к нему кто-либо из более молодых односельчан, особенно из тех, у кого нет рабочего скота, пропахивал пять-шесть борозд на месте разбросанных семян. Вслед за этим давали отдых волам, которые пахали. Затем каждый хозяин на том же поле пропахивал пять-шесть борозд, после чего давал отдых волам.

Существовал интересный обряд, при совершении которого определяли, будет ли хороший урожай или нет. Отправляясь отмечать первую пахоту, надо было утаить горсть семян, которые несли в поле. Во время отдыха волов, когда хозяин приходил к себе домой, он должен был незаметно от хозяйки бросить эту горсть семян через световое отверстие в крыше. Но хозяйка подкарауливала появление хозяина, иногда даже просила кого-либо из детей сообщить о приближении отца к дому, так как сама стремилась опередить его и первой выбросить деревянную ложку из отверстия на крышу. Если хозяин успевал первым бросить горсть зерна, то урожай должен был быть хорошим, если же хозяйке удавалось опередить его и она первая выбрасывала ложку на крышу, то это означало, что в новом году она получит больше молока, масла и сыра. Если ложка падала вверх дном, то год будет голодным, если вниз дном — урожайным. После этого обряда хозяин брал ритуальное блюдо кочи́ и шел на поле, где собирались все односельчане для общей трапезы.

Перед едой те крестьяне, которые имели волов, обмазав кусок лепешки кочи́, давали его каждому из волов, приговаривая: «Профессия твоего отца была эта (т. е. пахать. — *И. М.*), ты трудишься, испытываешь затруднение, пусть и тебе, и нам будет (урожай. — *И. М.*), профессия Ходжа-Абдулла пусть даст нам изобилие» [12].

В кишлаке Враиг (Вахан) в день первой пахоты в новом году нами отмечены интересные обряды. Когда крестьянин выводит волов в поле для первой пахоты, хозяйка дома готовит ритуальное блюдо — кочи́ и сама приносит его на поле. Выходя из дома, она старается сделать это незаметно для других, а чтобы при случайной встрече ее не узнали, накрывается с головой шубой, вывернув ее овчиной наружу [13]. Придя на поле, она поздравляет всех присутствующих с весенним шогуном и, отдав мужу принесенные кочи́ и лепешки, присоединяется к женщинам, которые уже сидят в шубах, вывернутых мехом наружу.

Женщины наравне с мужчинами принимали участие в общей трапезе, после которой читали молитву о всеобщем благополучии и получении хорошего урожая в новом году. Затем все расходились по домам.

Как мы уже отмечали выше, помет вола, вводимого в дом перед первой пахотой, сохраняли у входа в дом, в возвышенной части стены — миндал. Часть семян, которые бросал хозяин дома в световое отверстие крыши, втыкали в помет вола и следили за появлением ростков. Когда они достигали высоты пяти — восьми сантиметров, их пересаживали в поле. Это делали для того, чтобы и всходы на поле были такие же хорошие и крепкие, как эти, выращенные в доме.

Кроме этого, для того чтобы колосья пшеницы на поле хозяина дома были полными, налитыми, как зерна семенной пшеницы, делали следующее: брали два-три килограмма зерен семенной пшеницы, поджаривали ее и ели, причем ели не только члены семьи, ею угощали родственников и соседей в своем и других кишлаках.

---

[12] Сообщение Хайдара Хаитмамадова (74 года), кишлак Рын (Ишкашим), июнь 1969 г. [7].

[13] По народному представлению, шуба, вывернутая мехом наружу, должна способствовать появлению на полях таких же густых всходов, как мех шубы, а также высокому урожаю зерновых.

Нечто подобное изложенному выше делали для того, чтобы выросли хорошие бобовые культуры. Из бобовых варили в соленой воде кушанье — *бодж*. Прежде чем приступить к его еде, хозяин дома одну горсть этого вареного гороха относил в поле и закапывал в земле, а часть приносил обратно домой. Считалось, что после совершения этого обряда бобовые вырастут налитыми, полными, как зерна боджа.

Значительный интерес, на наш взгляд, представляет особое (сложившееся, вероятно, в эпоху одомашнивания крупного рогатого скота) почтительное отношение земледельца к быку (особенно к волам), своеобразный культ быка (вола), ведущего свое происхождение якобы из рая. Считалось, что его приручил и стал использовать для пахоты Дед-Земледелец, патрон земледелия. По преданию, бык с момента своего появления на свет обладал речью и только по велению бога перестал говорить. При совершении ряда новогодних обрядов, связанных с земледелием, и особенно в день первой пахоты, хозяева обращаются к быкам с небольшой речью, веря, что последние их понимают.

Хозяин всегда почтительно относится к своему быку (волу), не бьет его, не ругает даже мысленно, так как, по поверью, обида, нанесенная быку (волу) без причины, вызовет гнев патрона земледелия — Деда-Земледельца. Берегли животных и от сглаза, привязывая к рогам быка оберег — тымор.

В день первой пахоты с волом обращались особенно ласково. Как уже говорилось выше, во время общей трапезы на пашне в день первой пахоты каждого вола обязательно угощали ритуальным блюдом — куском лепешки, обмазанным кочй. Считается, что, поев вместе с людьми этой ритуальной пищи, вол на том свете в день страшного суда не сможет обвинить своего хозяина в жестокости, в том, что тот не дал ему его воловьей доли. Крестьяне верили, что, отведав ритуального угощения, вол будет доволен, и также будет доволен патрон земледелия (у исмаилитов он часто отождествляется с богом), который наградит за это и хозяина вола чистым, хорошим урожаем.

Обряды, совершаемые при строительстве каналов и при поливах. Все работы, связанные с земледелием, как уже было сказано, начинались с наступления Нового года. На вторые или третьи сутки нового года, в заранее определенный счастливый день и час, крестьянин приступал к ритуальной получасовой чистке арыка возле своего дома — кушоиши кор — для успешной и благополучной ирригационной работы в дальнейшем.

В назначенное время, в день начала строительства магистральных каналов и головных сооружений, устраивалась всеобщая трапеза в честь воды. Культ воды в Вахане и Ишкашиме (как и в других районах Западного Памира и сопредельных стран) проявляется во многих обрядах и в особо почтительном к ней отношении населения. Вода священна, она очищает с человека грязь и грех. Без воды не может существовать вселенная.

Горячие минеральные источники у кишлаков Зунг, Ширгин, Вранг, Ямг (Вахан), Даршай, Сист, Гармчашма (Горон) пользуются почитанием за их целебные свойства, а места, где они находятся, считаются святыми местами. По преданиям, их создал бог для человека. Если кто-либо возле них согрешит с женщиной или, имея грязное, немытое тело, приблизится к источнику, то невидимая таинственная сила воды накажет этого человека, принесет вред не только ему, его хозяйству, но и его односельчанам. Возле этих священных источников устраивали часто жертвоприношения, молились и просили помощи, защиты от различных бедствий, например во время эпидемий. Водой клялись так же, как именем бога.

Возникновение некоторых источников связывают с именем определенного святого [14], который, совершив чудо — каромот, вызывал появление воды.

В одной из легенд [15] рассказывается, что когда-то в отдаленном прошлом в кишлаке Рын жило много людей и было 120 хозяйств, но от стихийных бедствий (в том числе селевых потоков) и междоусобиц значительная часть населения погибла. Воды для хозяйственных нужд стало не хватать. Как-то раз из Зебака в гости в Рын приехал ишан Шо-Абу-Толиб. После угощения он спросил у хозяина дома о делах и о количестве воды; ему ответили, что воды в кишлаке очень мало, не хватает для полива, а в середине лета она и вовсе исчезает. Ишан спросил, есть ли поблизости в ущельях родники? Ему сказали, что в верхнем ущелье Харавык есть священный родник, а при нем мазар — «остун». Воду оттуда приносят, но сама вода до кишлака не доходит.

На рассвете следующего дня Шо-Абу-Толиб с двумя стариками поднялся в горы к названному источнику. Он помолился у остуна, затем сжег священное курение — буй, после чего велел старикам, пришедшим с ним, возвратиться в кишлак, не оглядываясь назад, так как это принесет делу вред. Сам же он взял свой посох — асобелча и втыкал его в два-три места родника, а затем, возвращаясь в Рын, провел им линию до середины кишлака.

На другой день ишан встал на рассвете, помолился и спросил у хозяина дома, пришла ли в арык вода. Хозяин ответил, что не знает. Тогда ишан велел ему выйти и посмотреть, есть ли вода в арыке ниже его дома. Хозяин увидел, что воды очень много. Население признало совершенное чудо и назвало эту воду «каромоти эшон» (ишанское чудо). Воды из года в год становилось все больше, так что на ее пути построили восемь водяных мельниц.

За это «чудо» все хозяйства Рына каждый год посылали Шо-Абу-Толибу один пор зерна, а после его смерти даже его потомкам, вплоть до установления Советской власти.

В Дарвазе, например, считают, что возникновение истоков Пянджа дело рук святого Ходжа-Хизра, который свой посох втыкал в пяти местах, в результате чего забили пять родников, от слияния которых и начинается Пяндж. Отсюда и само название реки — ови Пандж (вода пяти).

Интересны обряды, связанные с увеличением ледников в горах. По представлению населения, железо вызывает похолодание. Об этом писали еще М. С. Андреев и А. А. Половцев [11, 26; ср. 14, 324]. Нам удалось обнаружить интересный обряд, при совершении которого магические действия — бросание на снег кусков железа — должны были способствовать увеличению воды в горах за счет снега и ледников. Если куски железа бросить в снег, то, по поверью, снег не будет ежегодно таять и через несколько лет превратится в толстый слой льда. Увеличение площади ледника в горах в жаркое время последующих лет будет способствовать бесперебойному снабжению населения водой.

Крестьяне собирали на дороге и в углах поля куски от старых железных предметов, которые затем в корзинах уносили в горы высоко над кишлаком и выбрасывали их в снег. После этого поверх снега набрасывали конский навоз, чтобы предохранить снег от быстрого

---

[14] Местное население называет их «эшон», т. е. ишан (видное духовное лицо) или девона (букв. сумасшедший, в данном случае имели в виду человека, целиком преданного богу).

[15] Информаторы Хайдар Хаитмамадов (74 года), Джалол Хабибов (57 лет), кишлак Рын Ишкашимского района [7].

таяния. В кишлаке Зунг, например, для этой цели с гор левобережного Пянджа приносили большие куски льда в заплечных корзинах или привозили его на ослах. Эти куски льда вместе с железом и навозом разбрасывали по снегу высоко в горах, считая, что это помогает образованию большого количества льда [16].

Издавна существует поверье, что, для того чтобы был постоянный приток воды в канале, нужно перед началом сооружения ложа канала совершить жертвоприношение — курбон, худой. В Ишкашиме [17] нам рассказали легенду, в которой говорилось, что после правления Кахкаха [42, 16—17; 11, 3] (царя кафиров-сияхпушей) Ваханом стали править эмиры — миры. Во время их правления при сооружении ложа каналов существовал обычай закапывания под ложе канала живой собаки — кыд. Это делалось для того, чтобы ложе не сорвалось вниз и вода текла по нему бесперебойно. Рассказывают, что однажды мир проложил трассу канала по обрывистому скалистому горному склону, по которому часто зимой (из-за таяния снега) или весной (при пуске воды) ложе канала срывалось. В присутствии мира в один из весенних дней ложе канала было восстановлено. К обеду мир приказал пустить воду. Личная повариха мира, старуха, должна была принести всем обед. В это время в канал пустили воду и все следили за ее ходом и боялись, как бы на опасном участке не повторился срыв ложа. К несчастью, это снова произошло, причем на том же самом месте, что и раньше. В этот момент старуха повариха принесла обед. Мир приказал схватить ее, связать веревкой руки и ноги и живую закопать под ложе канала, как раз в этом опасном месте. Его приказ был выполнен. После этого вода в канале шла нормально.

Пережитки этого обряда существовали в Вахане и Ишкашиме до недавнего времени. Ежегодно весной при чистке каналов и головных сооружений односельчане приносили в жертву овцу или быка. Если головные части оросительных каналов брали начало из священных мест, то там жгли курения, резали приносимый в жертву скот и устраивали общественную трапезу для всех общинников и обязательно приглашали за дастархан всех случайных прохожих. В кишлаке Рын головная часть канала начиналась в ущелье Харавык, где находился остун. Перед началом очистки все мужчины-общинники вскладчину устраивали общественное угощение. От каждого хозяйства собирали по килограмму муки и по полкило масла. Забрав с собой лопаты, они шли к мазару и жгли там курения. Двое мужчин забирали у всех принесенные муку и масло и пекли толстые ритуальные лепешки — кумоч, затем крошили их в масло и, помолившись (в надежде на обилие воды), угощались.

Каждый из присутствующих брал по кусочку такой лепешки и уносил домой на счастье, веря, что это принесет обильный урожай.

В кишлаке Внукут около мазара «сорок мюридов» — чилмырид, возле дороги у р. Пяндж ежегодно приносили в жертву козу или барана. В кишлаке Вранг совершали жертвоприношение и общественную трапезу у мазара (остуна) святого Шо-Абдуллои Ансорй (некоторые старики говорят, что здесь останавливался пир, проповедник исмаилизма Шо-Носир-Хисроу), расположенного в самом начале магистрального канала. Возле мазара варили угощение из мяса принесенной

[16] Жители кишлака Хандут, Емит (Афганский Бадахшан) в целях защиты от вражеских набегов, действуя таким способом, сумели в течение нескольких лет перекрыть толстым слоем льда (не тающим даже летом) перевал на пути в Кафиристан и Читрал.

[17] Информаторы Хайдар Хаитмамадов и Джалол Хабибов (кишлак Рын, Ишкашим).

в жертву скотины. Односельчане приносили с собой лепешки. К общественной трапезе обычно приступали в обеденное время. Садились вокруг, читали молитву, испрашивая обилие воды, хороший урожай и всем счастья.

Нами отмечено существование обряда, связанного с задержкой появления воды в каналах в обычный срок весной.

Каждое хозяйство выделяло в таком случае часть зерна в обмен на овцу для жертвоприношения. Утром в пятницу — джумъа эту овцу резали у мазара и варили из нее мясной суп. От каждого хозяйства приносили лепешки для общей трапезы, на которую собирались все односельчане обоего пола (начиная с младшего возраста). Все ели суп и мясо, а халифа́ читал молитву, прося бога дать воды в изобилии. Халифа́ за чтение молитвы получал грудинку, голову и шкуру жертвенного животного (крупного рогатого скота или овец и коз).

Если же воды, несмотря на жертвоприношение, все же было недостаточно, то прибегали к обряду вызывания дождя, широко распространенному в различных вариантах у народов Передней и Средней Азии [43, 117—118; 122, 209—211; 124, 125—127; 107, 129—131]. В Вахане и Ишкашиме знающие этот обряд крестьяне в тайне от других вынимали из старой могилы череп и клали его на дно речки в укромном месте, чтобы не заметили односельчане. Считается, что совершение этого обряда способно вызвать дождь. Если дождя все же не было, а начинал дуть сильный ветер (называемый здесь афганцем — он дует со стороны Афганистана, неся пыль и пригоняя тучи без дождя), то для прекращения последнего череп снова незаметно зарывали в могилу.

И. И. Зарубин отмечает также, что в Шугнане и Рушане говорят, что «если череп человека опустить в воду, то пойдет дождь или снег» [5, ф. 121, ед. хр. 249, л. 68].

До недавнего времени в Вахане и Ишкашиме, когда увеличивалось количество воды в Пяндже и из-за этого усиливался шум текущей воды, особенно ночью, говорили, что вода (т. е. река) требует жертвоприношения — курбони́ или хун талаб мекуна [18]. Чтобы кто-либо из людей не оказался случайно жертвой воды (при переправе или во время купания) и чтобы река утихла, в Пяндж бросали собаку или курицу, предварительно привязав к ногам тяжелый камень.

В кишлаке Вранг (Вахан) существует интересное представление о воде мужского рода — нароб (букв. нар — самец, об — вода) и женского — *модаоб* (букв. *мода* — самка, *об* — вода). Вода мужского рода — производитель, плодородный, вода женского рода — неплодородная. Во Вранге из двух ущелий идет вода в оросительные каналы. Из одного ущелья течет вода мужского рода, и везде по берегам арыков растет густая высокая трава. Вода из другого ущелья женского рода, и травы везде очень мало и она низкая.

Разделение воды на мужскую и женскую, так же как и разделение времени года [12, 77; 102, 107] на мужские (зин — зима, тир-мо — осень) и женские (бахор — весна, тобистон — лето), связаны с древними аграрными культами, например с культом плодородия, сохранившимся вплоть до наших дней в изолированных горных долинах Западного Памира.

Считалось, что у воды (р. Пяндж) свой патрон, покровитель — пир Гавос. Поэтому перед купаньем или переправой тот, кто входит в воду, должен, по поверью, произнести имя Гавоса, чтобы он ему помог,

---

[18] Хун талаб мекуна, букв. «требует крови» [136, 160].

поддержал на воде и не дал утонуть. Хорошие пловцы, например, ежегодно один раз устраивали угощение в честь пира Гавоса.

Обряды и обычаи, связанные с жатвой и обмолотом. К жатве и обмолоту, как и к другим земледельческим работам, приступали только в заранее определенное халифой благоприятное время, в счастливый день [100, 121—122, 124; 102, 100—101]. Боясь общественного осуждения, в Вахане и Ишкашиме никто не смел начать жатву до этого дня. Здесь также строго соблюдали запрет (табу) на пользование железными серпами в период после сева, до полного созревания дикорастущих трав. По поверью, соблюдение этих правил предохраняло посевы от стихийных бедствий, от затвердения зерна злаков раннего сева. Считалось, что если серпом начнут жать до счастливого дня, то зерновые культуры подвергнутся болезни — гарди реф (Ишкашим), букв. «пыль веника», и начнутся ранние заморозки. Эта болезнь в Вахане неизвестна, но запрет на пользование серпами до счастливого дня существовал.

Первый день жатвы зерновых в Вахане и Ишкашиме отмечают обильным угощением — наврас. По обычаю, в день устройства навраса самый старший в семье мужчина приносил в дом пучок ячменя нового урожая. Он рано утром, стараясь быть никем не замеченным, выходил из дома и шел в поле, строго выбирая дорогу, чтобы все время только его затылок был обращен к созвездию Скорпиона, причем желательно было по дороге ни с кем не встретиться. Если же этого избежать не удавалось, то на встречного нельзя было смотреть, и здороваться с ним надо было без рукопожатия и быстрее разойтись. Если крестьянин, идущий за пучком ячменя, после этой встречи попадал в беду, то виновником ее считали встречного и в дальнейшем все односельчане сторонились этого человека. При возвращении старейшего с ячменем в дом, хозяйка приветствовала его словами: «Поздравляю с Новым! (ячменем нового урожая. — *И. М.*). Дед-Земледелец (покровитель земледелия. — *И. М.*), подари час, доброе здоровье и всем людям спокойствие». Приговаривая так, хозяйка осыпала правое плечо старейшего мукой. Как мы уже говорили выше, мука и ее белый цвет, по поверью, является символом счастья.

Вслед за этим старейший делил принесенный им пучок ячменя нового урожая на пять частей (по пять-шесть колосьев в каждой) и привязывал их к пяти деревянным опорным столбам [19]. Колосья оставались там привязанными до последующего Нового года. Если случайно они срывались со столба, то их отдавали скотине.

Каждое хозяйство готовило для навраса угощение: либо мясной суп — шурбо, либо блюдо курутоб из пахтанья или из сыра — курут, топленого масла и горячих лепешек, либо варили молочную рисовую кашу. Такое угощение односельчане несли в дом старосты кишлака, где угощение съедали, читали молитву и расходились по домам.

К концу XIX в., когда в каждом кишлаке вследствие начавшегося раздела больших семей увеличилось число хозяйств, приготовленное для навраса угощение относили в дом старейшего своей родственной группы (авлод).

После всех этих процедур начиналась жатва. Начиная жать, каждый из жнецов говорил: «Во имя бога, всемилостивого, милосердного, Ходжа-Абдулла дехкан, помоги нам всем, чтобы зернышек стало больше, а соломы меньше. Велик аллах!» По обычаю, всякий, кто проходил мимо жнецов, должен был обязательно пожелать им благополучного

---

[19] Эти пять опорных столбов кровли, по народному представлению, олицетворяют пять исмаилитских пророков: Мухаммеда, Али, жену Али — Фатиму и сыновей Али — Хасана и Хусейна.

завершения уборки урожая, сказав: «Желаю успешной работы». В ответ ему жнец отвечал: «Рады вашему пожеланию», т. е. «Если пожелаете нам помочь, будем рады».

Этот обычай пожелания успешной работы должны были все обязательно исполнять, так как это благоприятствовало успешному ходу работы. Если кто-либо игнорировал этот обычай, то о нем складывалось общественное мнение как о дурном человеке.

В кишлаке Рын при завершении жатвы на отдельном участке земли, когда злаков оставалось на два-три снопа, говорили: «Жните скорее, чтобы не болела голова поля». После этого все жнецы по одному пучку сжинали оставшиеся колосья. В этом обычае явно прослеживается одушевление поля, являющееся, на наш взгляд, пережитком древних анимистических верований, так же как у таджиков других районов — бассейна р. Хингоу [71, 120; 122, 213—215], Ягноба [17, 75] и Кулябской группы районов. Срезая последний пучок колосьев, жнецы приговаривают: «Срезали (т. е. сжали. — *И. М.*), сердца крестьян, радуйтесь!». Это обращение — обращение к Деду-Земледельцу, патрону земледелия. По поверью, он на каждом поле радуется окончанию жатвы и дарит людям счастье и благополучие в хозяйстве.

Завершение жатвы отмечалось обрядом — досовез [11, 26; 141, т. I, 345] — вешание серпа. После этого обряда серп до следующего сезона жатвы больше не применялся. Жнецы при жатве последнего пучка зерновых опять повторяли обращение к Деду-Земледельцу, вешали на шею хозяина поля серп и кричали: «Досовез!», требуя вкусного угощения. Серп не снимали с шеи хозяина, пока он не обещал угощения. Если хозяин сразу не давал согласия на угощение, то ему слегка надавливали на шею серпом, пока он не соглашался угостить жнецов. Обычно хозяин устраивал угощение в честь завершения жатвы зерновых.

Окончание переноски снопов с поля на гумно, если по этому случаю созывали «помочь», отмечали специальным угощением. Существовал особый обряд — кыштовез (Вахан), куштовез (Ишкашим), когда после переноса последнего снопа участвовавшие в «помочи» мужчины старались повесить на шею хозяина кышт (деревянное приспособление для переноса снопов) и с силой надавить ему на шею. Хозяин старался уклониться от этого, обещая обильное угощение.

Почитание тока в Вахане и Ишкашиме, так же как у таджиков долины р. Хингоу [122, 215], связано с соблюдением определенных, схожих обычаев. Ток — чырамын (Вахан), хурман (Ишкашим) считался чистым (чистой скатертью), так как он был током Деда-Земледельца.

После подготовки тока к обмолоту строго следили за тем, чтобы никакое нечистое животное не осквернило ток, особенно собака, иначе с тока исчезнет «благодать» — баракат.

Перед раскидыванием снопов на току для обмолота зерна крестьянин молился, прося помощи у Деда-Земледельца, у бога, чтобы обмолот прошел успешно. Об этом же просили у Деда-Земледельца и у бога при связывании волов на току для молотьбы — галагов. Перед началом обмолота, по обычаю, волов обязательно прогоняли по снопам против хода часовой стрелки, — считалось, что это способствует успеху обмолота, — затем волов прогоняли в обратную сторону, т. е. по ходу часовой стрелки.

Чтобы не исчезла «благодать бога», при молотьбе соблюдали ряд запретов: нельзя было на ток приносить воду, так как она будто бы вызывала дождь, что могло погубить урожай. К току не давали приблизиться собаке, так как от ее дыхания урожай осквернялся и, кроме того, она пугала находившихся на току Деда-Земледельца и ангелов,

и если бы, испугавшись собаки, они ушли с тока, то исчезла бы «благодать». Если молодые женщины приносили еду работающим на току мужчинам, то они заменяли погонщиков волов только на время их обеда. Во время месячных женщинам вообще не разрешали подходить к току, чтобы его не осквернить.

После обмолота, отделив чистое зерно от соломы, соблюдали табу в отношении кучи продолговатого зерна — гардан. Верили, что в этом зерне находится Дед-Земледелец, олицетворяющий Адама и в его лице, по народному представлению, бога. Запрещалось перешагивать через гардан, и если кто-нибудь нарушал этот запрет, то хозяин гумна с негодованием говорил нарушившему, что тот непочтительно отнесся к «благодати» Деда-Земледельца. Поэтому нежелательным было появление на току посторонних людей без особой на то причины. Детей в это время к току близко не допускали, следили, чтобы они играли в другом месте.

При вторичном веянии, когда женщины приходили на ток с веником — дыстрефок, они были обязаны совершить ритуальное омовение всего тела и быть в обуви. Им запрещалось приближаться к куче гардан босиком, чтобы не осквернить тело Деда-Земледельца.

Когда женщины веником осторожно сметали с поверхности невымолотившиеся остатки стеблей и колосьев, они должны были сбрасывать оставшиеся колосья, толкая их ладонью вперед — пеши даст (Вахан, Ишкашим), если они делали иначе, то совершали грех, и это расценивалось Дедом-Земледельцем как недовольство зерном, данным богом, и вызывало гнев патрона земледелия.

Очистив гардан от соломы и просеяв зерно для окончательной чистки через решета, женщины должны были быстро удалиться с тока, так как мужчины, строго соблюдая меры предосторожности, приступали к совершению магических обрядов, при которых женщины не могли присутствовать.

Старейший в хозяйстве, взяв в руки деревянную лопату, собирал посредине тока все очищенное зерно гардан в конусообразную кучу — сор (Вахан), усир (Ишкашим).

М. С. Андреев приводит аналогичные нашим материалы по Хуфу [16, 83], И. И. Зарубин — по Шугнану [5, ф. 121, ед. хр. 242, 40] и Бартангу [5, ф. 121, ед. хр. 274, 94], но, к сожалению, они не раскрывают смысловую сторону обрядов, выполняемых при оформлении упомянутой кучи зерна — сор. Наши материалы несколько дополняют сведения М. С. Андреева и И. И. Зарубина.

По поверью ваханцев и ишкашимцев, куча зерна считалась символом тела патрона земледелия — Деда-Земледельца (как мы уже отмечали выше, он же Адам и бог). Эта куча зерна считалась священной, *и к ней было особенно внимательное отношение со стороны присутствующих* на току. Поэтому при оформлении сор никто не смел громко говорить, на кого-либо кричать. Если к току приближалось нечистое животное (например, собака), то один из присутствующих молча вставал и как можно дальше отгонял ее от тока. Тот человек, который оформлял кучу зерна — сор, до окончания своей работы старался ни с кем не разговаривать. В процессе работы он все действия совершал против хода часовой стрелки, если он делал иначе, это считалось грехом, якобы этим высказывалось недовольство хозяина действиями патрона земледелия. М. С. Андреев отмечает, что поверхность этой кучи *зерна украшали спиралеобразными бороздами, делали углубление для* хранимого с Нового года навоза вола. Считали, что этими рисунками и углублением запечатывали ток (гумно) до момента сбора хераджа [16; 47, т. I, 187 (рис. 88)].

По нашим материалам эти рисунки на поверхности кучи зерна, по народному представлению, кроме запечатывания тока символизировали украшение самого патрона земледелия — Деда-Земледельца, символизировали его одевание, что проявлялось в опоясывании этой кучи зерна — соре ванд (Вахан), усир ной мед вонд (Ишкашим), а хранимый с Нового года помет (навоз) рабочего вола, который клали в углубление на поверхность кучи, считали символическим головным убором Деда-Земледельца.

Ареал распространения магического опоясывания кучи зерна охватывает Памир [16, 83; 5, ф. 121, ед. хр. 242 и 249], Дарваз и Каратегин [122, 216; 124, 146], Кулябскую группу районов [20], Афганистан [47, т. I, 187 (рис. 88)] и Иран [154, 48 (fig 11)].

Так как нам неоднократно во время экспедиций приходилось наблюдать момент украшения рисунками «тела» патрона земледелия, коротко остановимся на технике этого процесса. В Вахане и Ишкашиме нами отмечено два вида рисунков: кольцевые, т. е. горизонтальные, и вертикальные бороздки.

Основным орудием нанесения рисунков на поверхность кучи зерна служит деревянная лопата, которой производится вторичное веяние. Перед тем как нанести рисунки, кучу (от ее основания до верха) два раза похлопывают нижней стороной рабочей части лопаты. Затем ребром лопаты от основания кучи к верху наносят рисунок — кольцеобразные бороздки (от двух до пяти в зависимости от размера кучи зерна) [21], идя при этом вокруг кучи против хода часовой стрелки.

Другой вид рисунков — вертикальные бороздки. Они бывают парные или одиночные. Наносили их также ребром деревянной лопаты от основания кучи до ее верхней части.

Иногда при украшении кучи зерна на ее поверхность наносили оба вида бороздок — и вертикальные, и горизонтальные. Тогда поверхность кучи получается украшенной многочисленными «куполами». Затем на самую верхушку кучи деревянной лопатой осторожно кладут алвойук — комок из помета вола, сохраняемый с Нового года, и нижней стороной лопаты слегка придавливают его, чтобы он сровнялся с уровнем поверхности кучи. Этот комок помета вола, как мы уже отмечали выше, символизирует тюбетейку патрона земледелия [22]. После того как зерно этой кучи унесут с тока, алвойук старательно, в тайне от посторонних, вынимали из кучи и прятали в стоге сена, около тока, чтобы никто не мог его видеть или случайно не наступил на него.

При сооружении следующей кучи такого же провеянного зерна этот же комок опять служил «тюбетейкой» патрона земледелия, и так до конца уборки зерна с тока он «украшал» каждую следующую кучу такого зерна. После окончания уборки зерна с тока этот комок не выбрасывали, а закапывали в землю на поле хозяина, чтобы «благодать» сохранилась на его собственном поле [23].

После нанесения рисунков на поверхность кучи зерна лопату и веник клали перед кучей с западной стороны. Перед тем как положить лопату, целовали ее ручку, затем, идя против хода часовой стрелки, крестьянин садился с восточной стороны кучи (напротив лопаты и веника), лицом к западу (к святому месту — Кибле) и читал молитву.

---

[20] И. Мухиддинов, Сельскохозяйственные занятия таджиков Нурека (рукопись). Архив сектора этнографии Института истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР [7].

[21] В Иране кучи больше, там всегда пять борозд [154, 48 (рис. 11)].

[22] См. о способах укладывания навоза [16, 83—84].

[23] Те хозяйства, которые не имели рабочего скота, вместо алвойук для «тюбетейки» патрона земледелия употребляли камень, комок земли или яблоко.

Окончив ее и не поднимаясь с места, крестьянин касался ладонями три раза основания кучи зерна, затем целовал свои ладони и, поднявшись, отходил на два-три шага от кучи, пятясь назад, причем лицо его должно было быть обращено к куче.

После этого обряда обязательно придерживались ряда запретов — табу. Например, нельзя было во время захода солнца подходить к куче зерна с западной стороны, так как считали, что в этот момент Дед-Земледелец и ангелы смотрят на запад, и попасть им на глаза был большой грех.

Начало переноса кучи зерна — сор бардори с тока для хранения в дом сопровождалось угощением — оши сор (Вахан), оши усир (Ишкашим). Его устраивали перед закатом солнца. Для него готовили молочную рисовую кашу, мясной суп, бодж и приносили на ток. После еды старший из присутствующих на току членов семьи или соседей читал молитву, обращаясь к Деду-Земледельцу, благодарил его за помощь и за благодеяние. Ко времени, когда садилось солнце и начинало темнеть, приготовляли «священное курение» [24], которым окуривали сначала дом, а затем яму для хранения зерна — гув (Вахан и Ишкашим). Кроме того, дымом от священного курения заполняли пор — меру для измерения зерна, который потом закутывали в мешок — дец (из сыромятной кожи барана, козла или теленка). Затем быстро шли на ток, становились на колени перед кучей зерна и, обращая лицо на запад и касаясь три раза поверхности кучи «дымом» из пора, говорили: «Во имя бога всемилостивого, милосердного! О бог! О Мавлоно (Али. — *И. М.*), благодетель, великий архангел Бобо-Сайидано и Ходжа-Абдулла дехкан, честно приобретенное за труд нам подари! Оно (зерно и труд. — *И. М.*) стало благодатным, чтобы его ели с радостью!» В этот момент запрещалось разговаривать. На току должно было быть очень тихо, так как верили, что в момент окуривания от приятного запаха благовония куча зерна, т. е. Дед-Земледелец, пьянеет и его нельзя беспокоить — это грех.

На наш взгляд, обожествление кучи зерна, нанесение на ее поверхность украшений, «опоясывание» и надевание «тюбетейки» патрону земледелия преследовали цель сделать эту кучу зерна «неприкосновенной», «запретной» для любого человека и тем самым уберечь зерно от расхищения. Даже сам хозяин зерна не мог им распоряжаться, пока не будет совершено его окуривание.

После окуривания кучи зерна первый пор выделяли для — хаки пир, т. е. дахьяк — одну десятую часть всего зерна или десятину в пользу духовенства, как было принято у крестьян всего Западного Памира [16, 86], Дарваза, Каратегина и других районов Таджикистана [122, 216—217; 59, 138]. Второй и следующий, включая девятый пор, хозяин брал себе. Первый пор из следующих десяти поров опять отделяли для хаки пир, и так далее.

Мы уже отмечали, что приход посторонних на ток, особенно после нанесения украшений на поверхность кучи провеянного зерна, считался нежелательным. Однако посторонние люди (особенно бедные, большинство которых было из высокогорного Сархада — афганской части Вахандарьи, где пшеница не созревала на такой высоте) приходили в надежде получить немного зерна в качестве милостыни [71, 125], называемой тоже «дахьяк», считавшейся долей Деда-Земледельца. Они ходили от одного тока к другому и везде получали одну-две тюбетейки зерна. Это считалось богоугодным делом, и, по поверью, хозяин за это

[24] См. о значении окуривания и его лечебных свойствах в Афганистане [24, 3; 16, 84—85; 11, 24].

получал благословение Деда-Земледельца, зерно становилось «чистым».

Приближаясь к току, просящие милостыню должны были строго соблюдать определенный ритуал. Так, подходя к току, надо было пожелать хозяину добра, сказав: «Благодать току!» Хозяин должен был ответить: «Душа дарит благодать!» После этого пришедший, согнувшись, приближался к куче зерна со стороны, противоположной той, у которой лежала деревянная лопата, и, дотрагиваясь три раза до основания кучи, должен был каждый раз после прикосновения к ней целовать свою руку. От кучи он удалялся, пятясь назад — лицом к куче, затем он садился шагах в десяти от нее, ожидая подаяния.

Когда провеянное зерно убирали с тока, то пор наполняли зерном, беря его только у основания кучи, так как по мере уменьшения зерна и «оседания» кучи, комок воловьего помета — алвойук — опускался вниз. Для того чтобы он не попал в пор, его осторожно брали и снова клали на верхнюю часть кучи.

Следует отметить, что, забирая зерно, его брали только у основания кучи, со стороны, противоположной той, у которой лежала деревянная лопата, т. е. берущий зерно стоял с восточной стороны кучи, лицом на запад. Брали зерно, стоя на одном месте, и после выборки основной массы зерна на току оставалась кривая полоса зерна в виде буквы «С» с расстоянием до 20 *см* между ее наружным и внутренним краями. Затем, действуя лопатой против хода часовой стрелки, собирающий зерно делал опять кучу, но меньшую по размеру. Если в ней было более трех поров зерна, на нее снова наносили рисунки, как и на начальную кучу. Затем с четырех сторон от границы краев прежней кучи к основанию новой кучи проводили черту, обозначающую, по поверью, перенесение «благодати» Деда-Земледельца с первой кучи зерна на оставшееся зерно.

Взяв с тока последний пор зерна, говорили: «Да умножится благодать, благотворный Ходжа-Абдулла дехкан, дай всем спокойствие, счастье, велик аллах!» Это обращение к Деду-Земледельцу считалось, по поверью, прощанием с ним.

К чертам, проложенным на току, относились почтительно, никто не смел наступить на них. После того как все зерно было унесено с тока, эти черты стирал рукой тот человек, который их наносил.

На наш взгляд, особо почтительное отношение к проведенным на току чертам отражает древнее представление о «пребывании» Деда-Земледельца в куче зерна, а после того, как зерно уносили, патрон земледелия, по поверью, уходил по одной из проложенных «дорог», символом которых и являлись эти черты на току. Поэтому запрещалось наступать на них, чтобы не «осквернить» путь Деда-Земледельца.

Окончание переноса с тока последней кучи зерна сопровождалось интересным обычаем — принесением чучела старухи — кампирык (Вахан, Ишкашим) в дом. Совершение этого обряда в Вахане и Ишкашиме аналогично описанному М. С. Андреевым [11, 24—25; 16, 87]. Обряд заключался в том, что в вывороченную мехом наружу шубу наряжали тот веник, который приносили из дому на гумно для сметания с поверхности кучи непровеянных остатков стеблей и т. п. На току его сохраняли до окончания работ. В честь «прихода» старухи устраивали обильное угощение для членов семьи. Хозяин от имени старухи просил у жены приготовить то блюдо, которое ему хотелось, говорил, что старуха устала, хочет покушать вкусного и отдохнуть. Чучело ставили обычно на нары, ближайшие к входной двери. Во время еды (мясной суп, молочная рисовая каша и т. д.) часто поглядывали на «старуху», обращались к ней с шутливыми замечаниями.

На следующий день этот веник «раздевали» и относили в хозяйственное помещение.

Обряды и обычаи, связанные с земледелием, аналогичны подобным обрядам, распространенным и у других памирских таджиков.

* * *

Рассмотренные нами обряды и обычаи, связанные с земледелием ваханцев и ишкашимцев, свидетельствуют об этногенетических и давних исторических связях их с другими припамирскими народностями и таджиками Дарваза, Каратегина и остальных местностей Таджикистана и другими исконными земледельческими народами Афганского Бадахшана и Пригиндукушья. Это ярко проявляется в пережитках некоторых аграрных культов, особенно в почитании патрона земледелия — Бобои Дехкона, т. е. Деда-Земледельца [14; 71; 122; 135; 31; 102]. С этим связано много обрядов, носивших «общественный» характер, т. е. в совершении обрядов участвовали все члены кишлачной общины. С. А. Токарев считает, что каждая форма общественной жизни порождает «адекватную ей форму религии: патриархально-родовой строй — культ родовых и семейных предков; племенной строй — культ племенного бога; сельская община — аграрные (сельскохозяйственные) культы» [142, 378]. Он подчеркивает, что «хотя сельская община в ее развитом виде исторически приурочивается к рубежу между доклассовым и классовым обществом, но корни ее, как корни земледельческого хозяйства, уходят в гораздо более далекую древность... поэтому и зачатки аграрных культов мы имеем основание искать в этой более отдаленной эпохе — у примитивных земледельцев. Там мы их и находим» [142, 379].

При анализе этих культов следует учитывать то обстоятельство, что ислам в идеологических целях облек в мусульманскую оболочку «представления, связанные с одухотворением сил и явлений природы» [74, 116]. Как мы уже отмечали выше, это отчетливо прослеживается в том, что праотец Адам олицетворяет патрона земледелия, Деда-Земледельца у ваханцев и ишкашимцев, как и у остальных припамирских народностей и таджиков других районов.

В честь Бобои Дехкона совершали обряды в новогодние праздники. Культ вола, который, как мы отмечали выше, был здесь основной и единственной рабочей скотиной, проявлялся в ряде земледельческих обрядов и, по-видимому, был тесно связан с культом Деда-Земледельца.

Пережитки когда-то, видимо, более пышного культа быка (вола) можно видеть в том, что его приносили в жертву при различных обстоятельствах: если крестьянин находился при смерти, то его близкие (брат, сын, жена) во время молитвы обещали принести бычка или вола в жертву — худой (Вахан, Ишкашим) или живым «подарить богу» — сделать подарок — саркори пиру, который имел право на это, потому что считался верующими исмаилитами непосредственным наместником бога, искупителем грехов своих мюридов. Приносили быка (вола) в жертву и при ремонте головных сооружений каналов и водохранилищ, что́, по народному представлению, должно было обеспечить необходимое количество воды на весь вегетационный период.

Пережитками культа воды, особенно в исследуемом районе, где земледелие возможно только при искусственном орошении, на наш взгляд, является широко распространенное почитание источников, клятва водой, наличие особого патрона — покровителя воды — пира Гавоса, совершение жертвоприношений.

Подобные аграрные культы были широко распространены у земледельческих народов значительной части земного шара: у народов Западной Африки, некоторых племен индейцев Северной и Южной Америки, Индокитая и Индии [142, 383].

М. С. Андреев отметил, что «древний индо-европейский миф об отце-небе и матери-земле, „двух великих родителях", как они называются в Риг-Веде, сохранился, видимо, до сих пор в виде обрывков представлений среди некоторых народностей Средней Азии» [12, 77]. М. С. Андреев ссылается при этом на язгулемцев и патанов (юсуфзаев). Наши материалы дополняют данные М. С. Андреева. У ваханцев и ишкашимцев земля считалась женщиной, матерью, а небо — мужчиной [25].

Активное участие женщин в новогодних обрядах (качание на качелях, посещение ими поля в день первой пахоты в накинутых шубах мехом наружу — как символ всходов, ростков, участие их в ритуальной общественной трапезе вместе с мужчинами на пашне, где проводились первые борозды) можно, на наш взгляд, также связать с культом плодородия. С этим культом связано еще много магических обрядов, особенно выращивание ростков (всходов) зерен злаков в помете вола, приносимого в жилой дом перед первой пахотой; приготовление дзун — жареных семенных зерен пшеницы; закапывание в поле горстки вареного гороха — бодж и принесение обратно в дом части этих горошин; тайное принесение пучка ячменя нового урожая в дом перед жатвой; бросание кусков железа на снег с целью вызвать увеличение льда для бесперебойного снабжения водой всей оросительной сети и многие другие обряды.

Анализируя обряды и обычаи с социальной стороны, следует выделить из них те, которые носят общинный характер и выполняются от имени всей кишлачной общины (жертвоприношение и общественная трапеза у мазара перед началом сооружения или чистки оросительных каналов, в связи с задержкой весной появления в каналах воды в обычный срок, день первой пахоты, магические действия для увеличения площади ледников), и те, которые носят частный, семейный характер (все магические обряды и поздравления с Новым годом, совершаемые в кругу семьи, в том числе и введение вола в дом, принесение пучка ячменя нового урожая и связанное с ним угощение — наврас, почитание тока).

Сочетание общинных и частных начал в жизни кишлачной общины оказало влияние и на своеобразный дуализм, характерный для некоторых обрядов, проявляющийся в переплетении общинных и семейных обрядовых действий, например в празднике Нового года и в день первой пахоты с выведением волов всех общинников на одно определенное поле для проведения «первой борозды», в день принесения пучка ячменя нового урожая (общественная трапеза, которая иногда устраивается в доме старосты или главы патронимии).

---

[25] В кишлаке Ягид Калаи-Хумбского района во время стационарной работы в 1958 г. нам говорили о том, что земля — это мать. Поэтому при ритуальном омовении исмаилиты не высушивают penis прикладыванием к нему комочка земли, как это делают сунниты, потому что земля — мать, и прикосновение к ней penis'a — грех, так как это действие якобы равносильно половому акту с матерью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Земледельческое освоение человеком высокогорий на Памире и в Бадахшане относится к глубокой древности. Это подтверждается, как мы старались показать, историческими (в том числе археологическими) и этнографическими материалами. «Исторические и археологические данные определенно показывают, что наступление на пустыню, так же как и на высокогорья, со стороны земледельческого населения началось уже тысячелетия тому назад. Уже во времена глубокой древности, в период доклассового общества, междуплеменные и междуродовые войны оттеснили отдельные группы, заставляли их уходить в горы, искать там пристанищ» [46, 74].

Высокогорное террасовое земледелие, основанное на искусственном *орошении высокогорного типа, было одним из основных хозяйственных* занятий населения. Традиционные сельскохозяйственные орудия, несмотря на их примитивную конструкцию, остававшуюся неизменной на протяжении веков, настолько хорошо приспособлены к условиям высокогорного рельефа и видам почв, что находят применение и в настоящее время там, где из-за особенностей рельефа и почв невозможна механизация. Анализ высокогорного земледелия ваханцев и ишкашимцев, характеризующегося искусственным орошением при высокой технике полива, паровой системой с соблюдением севооборота, применением простейших приемов агротехники и селекции, дал нам возможность отнести его к интенсивной системе земледелия.

Местное население издавна занималось выведением приспособленных к природным условиям скороспелых сельскохозяйственных культур, кроме пара и севооборота применяло смешанные посевы разного вида зерновых и бобовых, обязательную прополку, поддерживало рыхлость почв и, что особенно важно, вносило дифференцированные удобрения.

О древности земледелия в изучаемом районе свидетельствует бытование в конце прошлого и начале нашего века приемов ручного земледелия и связанных с ним простейших орудий, а также примитивность и простота системы регулирования количества необходимой для полива воды и всех гидротехнических сооружений. Однако высокоразвитая культура полива полей подтверждает интенсивность системы земледелия в исследуемом районе.

Интенсивность обработки посевных земель была обусловлена малоземельем и стремлением получать удовлетворительные урожаи с этих крохотных участков.

Особенности географического положения, т. е. многомесячная изолированность и труднодоступность высокогорных долин от культурных центров Средней Азии и Афганистана, господство при крайнем малоземелье натурально-патриархального уклада объясняют причины сравнительно позднего проникновения в эти районы технически более современных орудий — металлического наконечника на пахотное орудие, металлических серпов, вил и лопат. Из-за дороговизны последних (учитывая и трудность доставки) многие крестьяне не могли их приобретать. Поэтому в Вахане и Ишкашиме, как и в других высокогорных владениях на периферии крупных феодальных государств, в XIX в. продолжали бытовать в крестьянской среде древние земледельческие орудия.

Как мы старались показать, особенности рельефа и характер почв оказывали существенное влияние на конструкцию орудий, особенно пахотных.

В связи с дискуссией по некоторым вопросам агроэтнографии, которых мы коснулись в главе о сельскохозяйственных орудиях, следует остановиться на соотношении «этнографического» и «географического» факторов, влиянии их на систему земледелия и земледельческие орудия.

Определенная система земледелия тесно связана с земледельческой техникой, орудиями и приемами обработки земли.

Действительно, географические условия — рельеф, характер почв и климатические особенности — оказывают решающее влияние на конструкцию земледельческих орудий, определяют отбор определенных сельскохозяйственных культур, приемов обработки почв и обязательной регламентации циклов отдельных земледельческих работ в соответствии с выработанным народным земледельческим календарем.

Однако выработанные под влиянием природных условий характерные особенности хозяйства (в частности, земледелия) и материальной культуры (в том числе земледельческих орудий) на определенной социально-экономической стадии развития передавались из поколения в поколение, закреплялись традицией, превращаясь в этнографические особенности хозяйства и материальной культуры определенного этноса (племени, народности, нации).

Нельзя также забывать о различных контактах, издавна существующих между народами, о культурной общности населения определенных районов.

В своем исследовании мы старались показать, что хозяйственно-культурная общность памирских таджиков (в частности, ваханцев и ишкашимцев) с народами сопредельных стран проявляется в древней системе земледелия, основанной на искусственном орошении, общности форм орудий труда (являющихся разновидностью единого типа сельскохозяйственных орудий), приемов отдельных земледельческих процессов (в пахоте, поливе, севе, жатве, обмолоте, уборке и т. п.).

Обряды и обычаи, связанные с земледелием, свидетельствуют об этногенетических и давних исторических связях ваханцев и ишкашимцев с другими припамирскими народностями, с таджиками Дарваза, Каратегина и остальных местностей Таджикистана (особенно к югу от Гиссарского хребта, древней территории Тохаристана). Проявляется это в пережитках некоторых аграрных культов, особенно в почитании патрона земледелия — Деда-Земледельца, когда-то более ярких культов быка и воды и многих других обрядов, связанных с культом плодородия.

Во всех этих интересных земледельческих обрядах ярко проявляются пережитки древней имитативной магии, широко распространен-

ной у всех земледельческих народов с глубокой древности [142, 380—381].

Анализируя обряды и обычаи с социальной стороны, мы отметили сочетание в них общинных и семейных элементов, отражавших дуализм, характерный для самой кишлачной общины.

Выходя за хронологические рамки нашего исследования, хочется добавить, что за годы Советской власти с активной помощью братских народов нашей страны, и в первую очередь русского народа, хозяйство памирских таджиков, в том числе ваханцев и ишкашимцев, из патриархального превратилось в социалистическое.

Коллективизация сельского хозяйства, глубокие социалистические преобразования в экономике и быту, а также всестороннее развитие культуры способствовали переходу прежде отсталых памирских таджиков к социализму [96; 211—219], минуя капиталистическую стадию развития.

ГЛОССАРИЙ

Авлод — название патронимии у памирских таджиков. Группа родственных семей.
Ага-хан — имам, глава одной из шиитских сект — исмаилитов
Акведук — деревянный желоб
Алаф — корм волу, приготовленный из соломы, политой водой и посыпанной мукой
Алвойук — комок из помета вола — символ «тюбетейки» патрона земледелия
Алғов (алгов) — супряга (род взаимопомощи)
Амбоз — производственная артель, вид товарищеской взаимопомощи (иногда заключается на кабальных условиях)
Амруд — груша
Арами-чубин (Вахан) — бревно-рычаг
Арбоб — староста
Арғынд (аргынд) — гибрид яка и коровы
Афрач (афрадж) — Вахан — земли второй категории, каменистые, малоплодородные.

Баракат — благодать
Бâтук (Ишкашим) — двусторонний деревянный молоток с длинной ручкой для размельчения комьев земли
Бахор (боор, бахор) — весна
Бобои Деҳкон (Бобои Дехкан) — патрон земледелия
Боч (бодж) — вареный в соленой воде горох
Боқло (бокло) — Ишкашим — бобы
Боқло выш (Бокло выш) — Вахан — солома бобовых
Большая патриархальная семья
Бел — железная лопата
Буй — священное курение
Буй йюпк (Вахан) — название второго полива
Бун (Вахан) — деревянные вилы
Бызкашй — козлодрание
Бықла (быкла) — Вахан — бобы
Бынраша (Ишкашим) — временный арык, выполняющий функции коллектора
Быор шыдгор (Ишкашим) — весенняя пахота
Вад (Вахан) — деревянная ручка серпа
Валиковый способ искусственного орошения
Варг (варг) — Ишкашим — название валикового способа орошения
Варғфай (варгфай) Ишкашим — деревянная лопата для ирригационных работ, для разбрасывания удобрений на поля
Веб (Ишкашим) — сжатые охапки бобовых
Велок (Ишкашим) — сжатые охапки бобовых
Велок быпгон (Ишкашим) — переворачивание кучи сжатых бобовых для лучшей просушки
Воп фарйирвын (Вахан) — переворачивание кучи сжатых бобовых для лучшей просушки
Воп (Ишкашим) — вытянутая из нескольких охапок колосьев или травы куча
Воп (Вахан) — сжатые охапки бобовых
Воспин (Ишкашим) — шлюзы в береговых отвалах оросительных каналов (арыков)
Вугон — траншея, в которой выращивают плодовые деревья из косточек
Вундри вырг (Вахан) — земля, подготовленная для орошения валиковым способом
Вундри чуйыкй (джуйыки) — Вахан — земля, ежегодно подготовляемая для орошения струйчато-бороздковым способом
Вурвыс (Ишкашим) — ячмень
Вурвыс выш (Ишкашим) — солома ячменная
Выжирк (Вахан) — люцерна
Вырг (Вахан) — название валикового способа орошения
Вышп (Вахан) — дышло

Галагов — молотьба прогоном рабочего скота (волов)
Ганҷина (ганджина) — амбар для хранения муки
Гардан — «шея», т. е. в переносном смысле куча очищенного зерна (куча овальной формы)

Гармсил — суховей
Гирав — отдача земли под залог
Гоз (Вахан) — постоянный ток (гумно)
Горно-Бадахшанская автономная область
Гру, гуру — название патронимии у шугнанцев
Гуйбозй — конное поло
Гыш (Вахан) — гибрид яка и коровы

Дарза (Ишкашим) — сноп
Дарзабанд (Ишкашим) — свясло
Дарзавонд (Ишкашим) — связывание снопов
Даста (Ишкашим) — деревянная ручка серпа
Дастмуза — рукавица из сыромятной овечьей или козьей кожи для предохранения левой руки от пореза при жатве
Дашт (Ишкашим) — земли второй категории, каменистые, малоплодородные
Даҳьяк (или ҳаки пир) — десятина ($^1/_{10}$ всего урожая зерна) в пользу духовенства
Даҳьяк — второе значение термина — доля «Деда-Земледельца» (милостыня, равная «десятине»)
Дед Адам — одно из названий патрона земледелия
Дед-Земледелец — Бобои Деҳкон — патрон земледелия
Деҳқонй (деҳқонй) — крестьянство; другое значение — батрак
Дец — мешок из сыромятной кожи, мера сыпучих тел; назывался по числу вмещаемых в него пор
Дзоп (Вахан) — куча овальной формы из нескольких охапок колосьев или травы
Дзуп — жареные зерна семенной пшеницы
Дзықлай (дзыклай) вод (Вахан) — наименьшая мера воды для полива
Дзықлай выргышт (Вахан) — плетенные из прутьев заплечные корзины для переноса груза мужчинами
Дзықлай битр (дзыклай зитр) — Вахан — малый серп
Дзықлай сыпундр (Вахан) — малое традиционное пахотное орудие
Дзықлай тиш (Вахан) — малый чугунный наконечник для деревянного пахотного орудия
Дорға (дарга) — сборщик налогов
Досдырыв — работник, нанимаемый на время жатвы
Досовез — обряд «вешание серпа»
Дур (Ишкашим) — серп
Духтари сулбй — дочь-наследница
Дыоба (Ишкашим) — второй полив
Дырайук (Ишкашим) — жатва
Дырзг (Вахан) — сноп
Дырзг вындак (Вахан) — связывание снопов
Дырзгвыш (Вахан) — свясло
Дыркинфай (Ишкашим) — деревянная лопата для вторичного веяния зерна на гумне; ее применяют и при очистке крыш от снега
Дырыв (Вахан) — жатва
Дыстрефок (Ишкашим) — веник для сметания с поверхности кучи зерна остатков соломы после обмолота

Ёривыш (Вахан) — солома бобовых

Замини варғй (Ишкашим) — земля, ежегодно подготовляемая к орошению *валиковым способом*
Замини чуйыкй (джуйыки) — Ишкашим — земля, ежегодно подготовляемая *для орошения струйчато-бороздковым способом*
Замини саркорй — «божьи земли» — *земли типа вакуфных*, т. е. наследственные земли, подаренные их владельцами Ага-хану
Зардак — морковь
Зарт, барт (Вахан) — навоз домашних животных
Захнымузг (Вахан) — вид бороны-волокуши
Зин — зима
Зитр, битр (Вахан) — *серп*
Зыворғаш (зыворгаш) — Вахан — сооружение головной части оросительного *канала*
Зякет — налог со скота

Иргорчуб (иргорчуб) — Ишкашим — две пары палочек ярма, между которыми помещаются шеи впрягаемых волов
Исоби қамарй (камари) — лунный календарь
Исоби мард — счет времени года по освещению лучами солнца частей тела мужчины
Исоби шамсй — солнечный календарь
Ишын (Вахан) — шлюзы в береговых отвалах оросительных каналов (арыков); второе значение — мера воды для полива
Ишынсот (Вахан) — плоские каменные плиты, которыми выложено отверстие водосброса

Йерзн (Вахан) — просо
Йори ном — бобовые
Йорч (Вахан) — пол в доме
Йуғ (йуг) — Ишкашим — ярмо
Йырхк (Вахан) — ячмень голозерный
Йырхквыш (Вахан) — солома ячменя

Қабутвурвыс (Ишкашим) — ячмень голозерный
Қаду — тыква
Қампирык — веник для сметания с кучи зерна соломы, необмолоченных колосьев
Қаромот — чудо, свершенное святым
Қатта вод (Ишкашим) — наибольшая мера воды для полива
Қатта дур (Ишкашим) — большой серп

Қатоиык (*Ишкашим*) — *лен*
Қатташыпын (Ишкашим) — большой чугунный наконечник для деревянного пахотного орудия
Қатта успер (Ишкашим) — большое традиционное деревянное пахотное орудие
Қатта чымуб (Ишкашим) — большая плетенная из прутьев корзина для перевоза вьюком груза на ослах
Қафа (Ишкашим) — невымолоченный колос
Қачыфч — большая заплечная корзина, *плетенная из прутьев ивы и служащая* для переноса соломы мужчинами
Кел (Ишкашим) — маленький нож
Қочй — густая молочная похлебка
Курхуй (Ишкашим) — большой чугунный наконечник для деревянного пахотного орудия
Кушоиши кор — ритуальная получасовая чистка арыка, производимая на второй или третий день празднования Нового года
Кушт (Ишкашим) — специальное деревянное *приспособление из досок для* перепоса груза на спине (мужчинами)
Куштовез (Ишкашим) — обряд переноса последнего снопа с поля на ток
Қызлй (Ишкашим) — большой нож
Қылухдона — бобовые
Қылухдонавыш (Ишкашим) — солома бобовых
Қында — название патронимии у ишкашимцев
Қырн (Вахан) — весенняя пахота
Қырнқызг (Вахан) — пахарь
Қырош (*Вахан*) — *чина*
Қытнык (Вахан) — лен
Қытум (Вахан) — двусторонний деревянный молоток с длинной ручкой для размельчения комьев земли
Қыряр — общественная взаимопомощь (помочь)
Қышт (Вахан) — специальное приспособление из досок для переноса грузов на спине (мужчинами)
Қыштовез (*Вахан*) — *обряд переноса* последнего снопа с поля на ток

Лашык (Ишкашим) — рожь
Лй (Ишкашим) — стог, скирда, копна
Луп вод (*Вахан*) — *наибольшая мера* воды для полива
Луп выргышт (Вахан) — большие плетенные из прутьев корзины для перевоза грузов вьюком на ослах
Луп зитр (Вахан) — большой серп
Луп сыпундр (Вахан) — большое традиционное деревянное пахотное орудие
Луп тиш (Вахан) — большой чугунный наконечник для деревянного пахотного орудия
Лый (Вахан) — стог, скирда, копна
Лыхмола (*Ишкашим*) — *вид бороны-волокуши*

Мағзор (*Ишкашим*) — *постоянный ток*
Манык — мелкая солома
Мах (Вахан) — вид чины
Менд (Ишкашим) — яблоня
Мир — правитель
Мираб — см. мирчу
Мирчу (мирджу) — (қырықмол) — человек, избранный кишлачной общиной, следящий за соблюдением очередности потребления воды
Модаоб — вода женского рода
Мыжык (Ишкашим) — вид чины
Мыр (Вахан) — яблоня
Мырч — *перец*
Мытык — держатель в рукоятке пахотного орудия
Мыштадырайук (Ишкашим) — один из приемов жатвы
Мыштак — охапка колосьев или травы

Навруз — праздник начала Нового года у мусульман (21—22 марта)
Наврас — праздник начала жатвы
Нароб — вода мужского рода
Нарчу (нарджу) — Ишкашим — более редко употребляемый *термин для* обозначения временного оросительного арыка
Нарй (*Ишкашим*) — *земли первой* категории на ровных плодородных почвах
Нахта (Вахан) — земли первой категории на ровных плодородных почвах
Нишонсунг (Ишкашим) — камни, обозначающие границу, отделяющую солому от зерна при веянии
Нов (Ишкашим) — деревянный желоб, искусственное ложе канала
Новак (*Ишкашим*) — *один из терминов*, обозначающий кованый железный наконечник пахотного орудия
Нув (Вахан) — деревянный желоб, искусственное ложе канала
Нымузг (Вахан) — вид бороны-волокуши

Овез (Ишкашим) — небольшой временный арык-ороситель
Ойин — кованый железный наконечник пахотного орудия
Ором (*Ишкашим*) — *бревно-рычаг*
Остун — святое место, мазар
Оши усир (Ишкашим) — угощение в ознаменование переноса кучи зерна «сор бардорй» с тока в дом для хранения
Оши сор (Вахан) — угощение в ознаменование переноса кучи зерна «сор бардорй» с тока в дом для хранения

Пал — квадратные валики при орошении огородов (лук) и люцерны
Патык (Ишкашим) — чина
Первыш (Вахан) — невымолоченный колос
Пешик — *кованый железный наконечник* пахотного орудия

Петхын (Ишкашим) — тесло
Пийоз — лук
Пир — духовный наставник у исмаилитов
Пир Ғавос (Гавос) — патрон воды
Пири дарьё Ғиёс (Гиёс) — патрон воды у дарвазцев Калан-Хумба
Пога (Ишкашим) — пол в доме
Полез — бахча
Пор — мера сыпучих тел, одновременно мера участка пахотной земли
Пушидачав (пушидаджав) — Вахан — пленчатый ячмень
Пый (Вахан) — деревянная лопата с длинной ручкой для ирригационных работ
Пыран — искусственное ложе канала из камней
Пырчовга — водосброс

Райят — крестьяне-общинники
Ре̄ (рег) — Вахан — тяж ярма
Рисолаи дехкони — трактат земледельца
Риш (Ишкашим) — межа между полями
Ро̄ (рог) — Ишкашим — временный оросительный арык
Руғын (ругун) — сливочное масло
Рывыр (Вахан) — временный арык-ороситель, выполняющий функцию коллектора

Сабус — отруби
Самшунг (Вахан) — две пары палочек ярма, между которыми помещается шея впрягаемого вола
Сарчу (Сарджу) — Ишкашим — головная часть канала
Сардова (Ишкашим) — верхняя часть поля
Сарзер (Ишкашим) — копна снопов, сложенных колосьями вовнутрь
Сарзывор (Вахан) — сооружение головной части оросительного канала
Саркор — руководитель (эпитет бога)
Саркорй — натуральный налог (или деньгами) в пользу Ага-хана
Сарраша (Ишкашим) — один из видов временных арыков-оросителей в верхней части поля
Сарчук — копна (скирда) снопов, сложенных колосьями наружу
Сарчыпак (Вахан) — собирание колосьев на жнивье
Сафедвурвыс (Ишкашим) — белый ячмень
Сафедру — один из терминов способа оставления пахотной земли под паром (не вспахивали после жатвы)
Сеоба (Ишкашим) — третий полив
Сер — мера сыпучих тел
Сор (Вахан) — конусообразная куча провеянного зерна
Соре ванд (Вахан) — обрядовое «опоясывание» кучи зерна
Сорпый (Вахан) — деревянная лопата для вторичного веяния зерна на гумне, для очистки крыш от снега
Струйчато-бороздковый способ искусственного орошения
Стыр былгон (Ишкашим) — ворошение злаковых деревянными вилами при обмолоте прогоном быков
Сынвыр (Вахан) — ярмо
Сыпандона (Ишкашим) — рута, растение для священного окуривания
Сыпандр (Вахан) — рута, растение для священного окуривания
Сыпундр (Вахан) — традиционное деревянное пахотное орудие
Сытрызг (Вахан) — метла для очистки тока

Табу — запрет
Тавар (Ишкашим) — топор
Тамоку — местный сорт табака
Тарбыз — арбуз
Тарш (Вахан) — тесло
Теғм (тегм) — семенное зерно
Тезкан — палка длиною до 1 м с заостренным концом. Применяется для выкорчевывания корней растений
Тирамо — осень
Тирамои шыдгор (Ишкашим) — осенняя пахота
Тиш — чугунный наконечник деревянного пахотного орудия
Тобистон — лето
Томысй — один из способов оставления пахотной земли под паром (после жатвы не вспахивали)
Томыс чытк — черный пар, см. томыс шыдгор
Томыс шыдгор — черный пар, один из способов оставления пахотной земли под паром (после жатвы поле вспахивали и поливали)
Труй йупк (Вахан) — третий полив
Тут — тутовник, шелковица
Тухм — яйцо, название патронимии у ваханцев
Тымор — талисман, оберег от сглаза
Тыпар (Вахан) — топор
Тыпыч (Вахан) — название первого полива
Тыпычпый (Вахан) — деревянная лопата для ирригационных работ, для разбрасывания удобрений на полях
Тырчапдырыв (Вахан) — один из приемов жатвы трав

Угон — траншея для выращивания плодовых деревьев из косточек
Удел (Ишкашим) — навоз домашних животных
Уждын (Ишкашим) — просо
Усыр (Ишкашим) — конусообразная куча провеянного зерна
Усырной мед вонд (Ишкашим) — обрядовое «опоясывание» кучи зерна
Усырфай (Ишкашим) — деревянная лопата для вторичного веяния зерна на гумне, для очистки крыш от снега
Успер (Ишкашим) — традиционное пахотное орудие из дерева
Ушр — налог с урожая
Уштевын (Ишкашим) — деревянные вилы

Фай (Ишкашим) — деревянная лопата с длинной ручкой для ирригационных работ, разбрасывания удобрений на полях
Фарйирвын воск кост (Вахан) — ворошение злаковых деревянными вилами при обмолоте прогоном скота
Фаранг (Ишкашим) — дышло
Фрилн — извлечение зерен из колосьев при помощи трения колоса между руками (ладонями)
Фырахбез — решето для очистки зерна
Фырьюш (Ишкашим) — тяж ярма

Халифа́ — помощник пира
Харбыза — дыня
Хартозй — скачки на ослах
Херадж — налог с урожая (при бухарском владычестве)
Хишова — прополка
Ходжа-Абдулла Деҳкон — то же, что и Бобои Деҳкон
Хокоб (Ишкашим) — первый полив
Хокобфай (Ишкашим) — деревянная лопата для ирригационных работ, для разбрасывания удобрений на полях
Хормола (Ишкашим) — вид бороны-волокуши
Худой — жертвоприношение
Хум ёвгох — размельченная масса зерна с соломой, собранная в кучу овальной формы после обмолота
Хуми бынын (Вахан) — веяние
Хуми дынон (Ишкашим) — веяние
Хурман (Ишкашим) — ток, гумно
Хуша (Ишкашим) — невымолоченный колос
Хушачинй (Ишкашим) — собирание колосьев на жнивье
Хымгохон — собранная в кучу овальной формы размельченная масса зерна с соломой
Хычис (Вахан) — пленчатый ячмень
Хышгов (Ишкашим) — гибрид от коровы и яка

Ца вундр бынын (Вахан) — нижняя часть поля
Ца вундр сарын (Вахан) — верхняя часть поля
Цыбыр йупк (Вахан) — четвертый полив

Чамбер хашпа — блюдо в виде киселя из урюка
Чангык или Чангак — изогнутые железные лопаты-мотыги для прополки
Чапдырайук (Ишкашим) — один из приемов жатвы трав
Чарм (Вахан) — межа между полями
Чок — кирка типа кельта
Чороба (Ишкашим) — четвертый полив
Чот — искусственный водоем, водохранилище, водоотстойник
Чуван (Вахан) — абрикос
Чувен (Ишкашим) — абрикос

Чымуб (Ишкашим) — плетенные из прутьев заплечные корзины для переноса груза (мужчинами)
Чырами (Вахан) — ток, гумно
Чырамнғар (Вахан) — камни, обозначающие границу, отделяющую солому от зерна при веянии
Чыт вод (Ишкашим) — наименьшая мера воды для полива
Чыт дур (Ишкашим) — малый серп
Чыт успер (Ишкашим) — малое традиционное пахотное орудие
Чытк царакызг (Вахан) — пахарь, производящий вспашку осенью
Чытк (Вахан) — осенняя пахота
Чытшыпын (Ишкашим) — малый чугунный наконечник для деревянного пахотного орудия

Шаволыки пустин — штаны из сыромятной кожи у жнецов
Шенгаро (Ишкашим) — невымолоченный колос
Шиканч (шикандж) — Вахан — временный арык-ороситель
Шогуши боор — праздник Нового года, см. Навруз
Шопде (Ишкашим) — один из приемов жатвы
Шопдингак (Вахан) — один из приемов жатвы
Шопдырайук (Ишкашим) — один из приемов жатвы, то же, что и шопде
Шопдырывын (Вахан) — один из приемов жатвы, то же, что и шопдингак
Шохчоруб (шохджоруб) — Ишкашим — метла для очистки тока
Шурбо — мясной суп
Шырмола (шыгмола) — Ишкашим — вид бороны-волокуши
Шыпын (Ишкашим) — чугунный наконечник для деревянного пахотного орудия

Ярғу (яргу) — штраф

Ғамук (гамук) — Ишкашим — вид чины
Ғаныk (ганык) — Ишкашим — копна (скирда) снопов, сложенных колосьями вовнутрь
Ғому (гому) — Ишкашим — вид чины
Ғув (гув) — яма для хранения семенного зерна
Ғундым (гундым) — пшеница
Ғундым выш (Ишкашим) — солома пшеницы
Ғундым сафедак (Ишкашим) — белая пшеница
Ғундым сырхак (Ишкашим) — красная пшеница
Ғундым сырхуша (Ишкашим) — пшеница с красными колосьями
Ғыдим (гыдим) — Вахан — пшеница
Ғыдим выш (Вахан) — солома пшеницы
Ғыдим сафедак (Вахан) — белая пшеница

Ғыдим сыкр (Вахан) — красная пшеница

Ғырик (ғырик) — Ишкашим — люцерна

Қабақ (кабак) — соревнование в стрельбе по привязанному козлу во время скачки на коне

Қабил (кабиль) — сельская (кишлачная) община

Қавзадырыв (кавзадырыв) — Вахан — один из приемов жатвы

Қаум (каум) — название патронимии у язгулемцев, ишкашимцев

Қашқа (кашка) — мекунан — посыпание муки между рогами волов в первый день пахоты (для счастливого начала) во время празднования Нового года

Кул (кул) — в Ишкашиме водоем-отстойник

Кумоч — сдобные лепешки

Курбонӣ (курбони) — жертвоприношение (здесь вода)

Курут (курут) — сыр

Қылба (*кылба*) — *Ишкашим — пахота*

Қылбагар (Қылбагар) — Ишкашим — пахарь

Қылбашыпын (кылбашыпын) — Ишкашим — малый чугунный наконечник для деревянного пахотного орудия.

Қып (кып) — Вахан — копна (скирда) снопов, сложенных колосьями вовнутрь

Қырықмол (Қырыкмол или мирджу) — человек, избранный кишлачной общиной, следящий за соблюдением очередности потребления воды и сохранностью полей от потрав

ҷалдык ғыдим (джалдык ғыдим) — Вахан — скороспелая пшеница

ҷомбачук, ҷомчук (джомбачук, джомчук) — деревянный валек для обмолота колосьев

ҷоиваршох (джоиваршох) — орудие из необработанных рогов горного козла, применяемое для чистки оросительных капалов (арыков)

ҷуйгаш (джуйгаш) — Вахан — один из видов временных арыков-оросителей в верхней части поля

ҷуймола (джуймолла) — Вахан — вид боропы-волокуши

ҷуйпымузг (джуйпымузг) — вид бороны-волокуши

ҷуиыкӣ (джуйыкн) — название струйчато-бороздкового способа орошения

ҷурараг (джурараг) — Вахан — парные параллельные временные арыки-оросители

ҷуфтраг (джуфтраг) — Вахан — одно из названий парных параллельных временных арыков-оросителей

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Ост-Индская компания и результаты ее деятельности,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9.
2. Маркс К., Капитал, т. III,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. 2.
3. Ленин В. И., II конгресс Коммунистического Интернационала,— Полное собрание сочинений, т. 41.
4. Ленин В. И., О продовольственном налоге,— Полное собрание сочинений, т. 43.
5. Архив востоковедов при Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР, ф. 115 (личный архив А. Е. Снесарева), ф. 121 (личный архив И. И. Зарубина).
6. Архив Центрального Архивного Управления УзССР, ф. Политагентства в Бухаре, архив 293, оп. 9. Записка дипломатического чиновника при Туркестанском Генерал-Губернаторе, от 20 ноября 1903 г. (№ 472, г. Ташкент). Копия с докладной записки Генерального шт. капитана Снесарева о зякете в Западном Памире, л. 15.
7. Архив сектора этнографии Ин-та истории им. А. Дониша АН ТаджССР.
8. Абаева Т. Г., Очерки истории Бадахшана, Ташкент, 1964.
9. Агаханянц О. Е., Основные проблемы физической географии Памира, Душанбе, ч. I, 1965; ч. II, 1966.
10. Аманулаев Ф., Развитие сельского хозяйства таджиков Советского Памира,— «Труды АН ТаджССР», т. VI, Сталинабад, 1960.
11. Андреев М. С., Половцев А. А., Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии (Ишкашим и Вахан),— Сборник Музея по антропологии и этнографии при императорской Академии наук, вып. IX, СПб., 1911.
12. Андреев М. С., По Таджикистану. Отчет по экспедиции 1925 г., Ташкент, 1927.
13. Андреев М. С., По этнологии Афганистана. Долина Панджшир, Ташкент, 1927.
14. Андреев М., По поводу процесса образования примитивных среднеазиатских древних цеховых сказаний (рисаля),— «Этнография», 1927, № 1—2.
15. Андреев М. С., Таджики долины Хуф, вып. 1, Сталинабад, 1953.
16. Андреев М. С., Таджики долины Хуф, вып. 2, Сталинабад, 1958.
17. Андреев М. С., Материалы по этнографии Ягноба, Душанбе, 1970.
18. Андрианов Б. В., Древние оросительные системы Приаралья (В связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия), М., 1969.
19. Андрианов Б. В., Изучение горной ирригации на юге Таджикистана и на Западном Памире,— «Итоги полевых работ Института этнографии АН СССР в 1970 г.», М., 1971.
20. Андрианов Б. В., Моногарова Л. Ф., Ленинское учение об общественно-экономических укладах и его значение для этнографии,— «Советская этнография», 1970, № 1.
21. Андрианов Б. В., К вопросу о классификации форм орошаемого земледелия в Средней Азии,— «Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана», Л., 1973.
22. Арандаренко Г. А., Заметки об ирригации в Зеравшанской долине,— «Досуги в Туркестане», СПб., 1889.
23. Аристов Н. А., Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям,— «Русский антропологический журнал», кн. XI, 1902, № 3; кн. IX, № 1.
24. Асланов М. Г., Афганские народные поверья о растениях. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964.

25. Бабаев А. Д., Крепости и погребальные сооружения Древнего Вахана, Душанбе, 1966 (рукопись на соискание ученой степени кандидата исторических наук).
26. Бабаев А. Д., *Крепости древнего Вахана*, Душанбе, 1973.
27. Баранов П. А. и Райкова И. А., Дарваз и его культурная растительность, Ташкент, 1928.
28. Баранов П. А., *Памир и его земледельческое освоение*, М., 1940.
29. Баранов П. А., Гурский А. В., Остапович Л. Ф., Земледелие и сельскохозяйственные культуры Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР, Душанбе, 1964.
30. Бартольд В. В., Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900.
31. Басилов В. Н., Культ святых в исламе, М., 1970.
32. Бахрамов З., *Земельные отношения в Шугнане в конце XIX — начале XX в.* (1895—1920),— «Очерки по истории Таджикистана», т. 1, Сталинабад, 1957.
33. Бахрамов З., К вопросу о состоянии хозяйства Шугнана в дореволюционный период,— «Очерки по истории Таджикистана», т. II, Сталинабад, 1959.
34. Бежкович А. С., Еще раз об агроэтнографических исследованиях,— «Советская этнография», 1971, № 5.
35. Бернштам А. Н., Древняя Фергана,— «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», 1947, т. 21.
36. Бернштам А. Н., Археологические памятники Памира,— «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», 1949, т. 26.
37. Бернштам А. Н., Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая,— «Материалы Института археологии», М.— Л., 1952, т. 26.
38. Бикжанова М. А., Семья в колхозах Узбекистана, Ташкент, 1959.
39. Биснек А. Г. и Зельдович Н. М., Этнография народов Памира,— «Советская этнография», 1940, III, М.— Л.
40. Бичурин Н. Я., Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.— Л., 1950.
41. Бобринской А. А., Секта исмаилия в русских и бухарских пределах Средней Азии,— «Этнографическое обозрение», 1902, кн. 1, № 2.
42. Бобринской А. А., Горцы верховьев Пянджа, М., 1908.
43. Богомолова К. А., Следы древнего культа воды у таджиков,— «Известия отделения общественных наук АН ТаджССР», вып. 2, 1952.
44. Бунятов Т. А., Земледелие в древнем и средневековом Азербайджане. Доклад на VII Международном Конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964.
45. Бурхан-Уд-дин-хан и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан, Ташкент, 1926.
46. Вавилов Н. И., Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий,— «Природа», 1936, № 2.
47. Вавилов Н. И., Букинич Д. Д., Земледельческий Афганистан,— «Избранные труды в пяти томах», т. I, М., 1959.
48. Вавилов Н. И., У Памира (Дарваз, Рошан, Шугнан),— Баранов П. А., Гурский А. В., Остапович Л. Ф., Земледелие и сельскохозяйственные культуры Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР, Душанбе, 1964.
49. Вавилов Н. И., Избранные произведения в двух томах, Ленинград, 1967, часть I—II.
50. Гаврилов М. Рисоля сартовских ремесленников. Исследование преданий мусульманских цехов, Ташкент, 1912.
50а. Гафуров Б. Г., Таджики, М., 1972.
51. Гинзбург В. В., Горные таджики,— «Труды антропологии, этнографии и археологии», сер. 2, 1937.
52. Гордон, Путешествие на Памир, СПб., 1877.
53. Громов Г. Г., Новиков Ю. Ф., Некоторые вопросы агроэтнографических исследований,— «Советская этнография», 1967, № 1.
54. Гулямов Я. Г., История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957.
55. Давыдов А. Д., Афганская деревня, М., 1969.
56. Ершов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерева Е. М., Русяйкина С. П., Культура и быт таджикского колхозного крестьянства,— «Труды Института этнографии АН СССР», нов. серия, М.— Л., 1954.
57. Ершов Н. Н., О водопользовании в селении Кыстакоз (ныне Чкаловск) до Октябрьской революции,— «Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея», вып. II, Сталинабад, 1955.
58. Ершов Н. Н., Традиции общинного водопользования у таджиков,— «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», т. 26, М., 1957.
59. Ершов Н. Н., Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией,— «Труды АН ТаджССР», т. 28, Сталинабад, 1960.
60. Засыпкин Б. Н., Архитектура Средней Азии, М., 1948.
61. Зеленин Д. К., Русская соха, ее история и виды, Вятка, 1907.

62. Зелинский А. Н., Древние крепости на Памире,— «Страны и народы Востока», вып. III, М., 1964.
63. Иванов Д. Л., Путешествие на Памир,— «Известия Императорского Русского географического Общества», 1884, т. XX, вып. 3.
64. Иванов Д. Л., Памир (Пуп Земли),— «Новь», 1885, т. VI, № 23, 24.
65. Искандаров Б. И., Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России, Душанбе, 1960.
66. Искандаров Б. И., Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в., ч. I, Душанбе, 1962; ч. II, 1963.
67. Калоев Б. А., Осетины, М., 1967.
68. Касымов Н., Прогрессивное значение образования русских поселков в Ходжентском уезде, Душанбе, 1968.
69. Кисляков Н. А., Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахно-Бало, М.— Л., 1936.
70. Кисляков Н. А., История Каратегина, Дарваза и Бадахшана,— «Сборник материалов по истории таджиков и Таджикистана», Сталинабад, 1945.
71. Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием у таджиков бассейна реки Хингоу,— «Советская этнография», 1947, № 1.
72. Кисляков Н. А., Язгулемцы,— «Известия Всесоюзного географического общества», 1948, т. 80, вып. 4.
73. Кисляков Н. А., Очерки истории Каратегина, Сталинабад, 1954.
74. Кисляков Н. А., О некоторых древних поверьях таджиков долины реки Хингоу,— «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», 1960, вып. 80.
75. Кисляков Н. А., Патриархально-феодальные отношения среди оседлого населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в., М.— Л., 1962.
76. Кисляков Н. А., Таджики,— «Народы Средней Азии и Казахстана», сер. «Народы мира», т. I, М., 1962.
77. Кисляков Н. А., Сазонова М. В., Программа сбора материала по теме «Земледелие и ирригация» к Историко-Этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана,— «Региональное совещание по вопросам подготовки историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана», М., 1967.
78. Кисляков Н. А., Некоторые материалы по сельскохозяйственной терминологии у таджиков,— «Советская этнография», 1969, № 3.
79. Кисляков Н. А., Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, Л., 1969.
80. Кондауров А. И., Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев, М.— Л., 1940.
81. Косвен М. О., Семейная община и патронимия, М., 1963.
82. Кузнецов, Памир,— «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», СПб., 1894, вып. 56.
83. Латынин Б. А., Вопросы истории ирригации Древней Ферганы,— «Краткие сообщения Института этнографии», М., 1957, вып. 26.
84. Майский П., Исчисление полевого периода сельскохозяйственных работ у горцев Памира и Верхнего Ванча,— «Советская этнография», 1934, № 4.
85. Мамедов А. И., Русские ученые и развитие ирригации Средней Азии, Ташкент, 1965.
86. Мамедов А. И., Развитие ирригации в Узбекистане, Ташкент, 1967.
87. Мандельштам А. М., Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей (с древнейших времен до XX в. н. э.),— «Труды АН ТаджССР», т. 53, Сталинабад, 1957.
88. [Марко Поло], Книга, Л., 1956.
89. Массе, Ислам, М., 1962.
90. Миддендорф А. Ф., Очерки Ферганской долины, СПб., 1882.
91. Минаев И., Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб., 1879.
92. Моногарова Л. Ф., Язгулемцы Западного Памира,— «Советская этнография», 1949, № 3.
93. Моногарова Л. Ф., Язгулемцы (опыт этнографического описания), М., 1951 (Автореф. на соискание ученой степени канд. ист. наук).
94. Моногарова Л. Ф., Материалы по этнографии язгулемцев,— «Среднеазиатский этнографический сборник», II, «Труды ИЭ АН СССР», т. XLVII, М., 1959.
95. Моногарова Л. Ф., Современные этнические процессы на Западном Памире,— «Советская этнография», 1965, № 6.
96. Моногарова Л. Ф., Преобразования в быту и культуре припамирских народностей, М., 1972.
97. Мухамеджанов А. Р., Из истории древних водных сооружений в Узбекистане,— «Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования», М., 1969.

98. Мухитдинов И. (И. Мухиддинов), *Съедобные дикие растения Дарваза*,— «Ботанический журнал АН СССР», М.— Л., 1963, т. 48, № 3.
99. Мухиддинов И., Сельскохозяйственные орудия таджиков Ишкашимского района Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР,— «Советская этнография», 1971, № 1.
100. Мухиддинов И., Жатва и связанные с нею обряды в Вахане и Ишкашиме (XIX — *начало* XX в.),— «Советская этнография», 1971, № 5.
101. Мухиддинов И., *Из прошлого ирригации на Памире* (Традиционная система орошения в Вахане и Ишкашиме в XIX — начале XX в.),— «Гидротехника и мелиорация», М., 1972, № 2.
102. Мухиддинов И., Обряды и обычаи, связанные с земледелием, у памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX — начале XX в.— «Советская этнография», 1973, № 3.
103. Наливкин В. П., *Хрестоматия для Туркестанской учительской семинарии*, Ташкент, 1896 (*литограф. издание*).
104. Наливкин Д. В., Памир — крыша мира, М., 1948.
105. Народы Кавказа, т. II, М., 1962.
106. Никонов А. А., От Амударьи до Гиндукуша, М., 1970.
107. Оде-Васильева К. В. Обычаи, связанные с засухой у палестинских арабов,— «Советская этнография», 1936, № 1.
108. *Оранский И. М., Введение в иранскую филологию*, М., 1960.
109. «Очерки общей этнографии», М., 1957.
110. Ошанин Л. В., Иранские племена Западного Памира, т. I, Ташкент, 1937.
111. Пахалина Т. Н., Ишкашимский язык, М., 1959.
112. Пахалина Т. Н., Ваханский язык,— «Языки народов СССР», т. I, М., 1966.
113. Пахалина Т. Н., Памирские языки, М., 1969.
114. Петровский Н. П., *Ирригация. Туземная единица объема воды и способы деления ее*,— «*Справочная книжка Самаркандской области*», *вып. 5*, Самарканд, 1897.
115. Писарчик А. К., Примечания и дополнения к кн. М. С. Андреева «Таджики долины Хуф», вып. 2, Сталинабад, 1958.
116. Писарчик А. К., Припамирские таджики,— «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962.
117. *Путята, Очерк экспедиции на Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан*, 1883 г.,— «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», СПб., 1884, вып. X.
118. Рассудова Р. Я., Занятия населения,— «Этнографические очерки узбекского сельского населения», М., 1969.
119. Рассудова Р. Я., Формы организации труда в общинах некоторых районов поливного земледелия Средней Азии (конец XIX — начало XX в.),— «*Среднеазиатский этнографический сборник*», III, Л., 1971 [Труды Института Этнографии АН СССР, нов. сер., т. XCVII (67)].
120. Рассудова Р. Я., К истории сельской общины в Средней Азии во второй половине XIX — начале XX в.,— «Советская этнография», 1971, № 1.
121. Рахимов М. Р., Исчисление времени у таджиков бассейна р. Хингоу в XIX — начале XX века,— «Советская этнография», 1957, № 2.
122. Рахимов М. Р., Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период,— «Труды АН ТаджССР», т. 43, Сталинабад, 1957.
123. Рахимов М. Р., *Следы древних верований в земледельческих обычаях и обрядах таджиков Каратегина и Дарваза в XIX — начале XX в.*,— «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», 1958, вып. 29.
124. Рахимов М. Р., Сельское хозяйство,— «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. 1, Душанбе, 1966.
125. Розенфельд А. З., Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикоязычного населения Советского Бадахшана,— «Советская этнография», 1970, № 3.
126. Розенфельд А. З., Таджикские говоры Советского Бадахшана и их место среди других языков на Памире,— «Вестник Ленинградского университета» (истории, языка и литературы), Л., 1968, вып. 4, № 20.
127. Рычков Ю. Г., Антропология и генетика популяций Памира, М., 1966 (Автореф. на соискание ученой степени кандид. биологич. наук).
128. Сабурова Л. М., *По поводу статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований»*,— «Советская этнография», 1967, № 6.
129. Саушкин Ю. Г., Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза, М., 1947.
130. Семенов А. А., Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, М., 1903.
131. Семенов А. А., *Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов*,— «*Мир ислама*», 1912, т. I, № 4.

132. Серебренников А., Очерки Памира, СПб., 1900.
133. Снесарев А. Е., Религия и обычаи горцев Западного Памира,— «Туркестанские ведомости», 1904, №№ 89, 90, 92.
134. Снесарев А. Е., Памир в средние века и Великий Памирский путь,— *Известия Туркестанского отделения русского географического общества*», т. VII, Ташкент, 1907.
135. Снесарев Г. П., Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1969.
136. Снесарев Г. П., По следам Анахиты,— «Советская этнография», 1971, № 4.
137. Стеблин-Каменский И. М. *Историческая фонетика ваханского языка*, Л., 1971 (автореф. диссер. на соискание ученой степени кандидата филологич. наук).
138. Сухарева О. А., Ислам в Узбекистане, Ташкент, 1960.
139. Сухарева О. А., Бикжанова М. А., Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955.
140. «Таджики Каратегина и Дарваза», Душанбе, 1966, вып. 1.
141. Толстов С. П., Религия народов Средней Азии,— «Религиозные верования народов СССР», т. I, М., 1931.
142. Токарев С. А., Ранние формы религии и их развитие, М., 1964.
143. Фирштейн Л. Ф., Земледельческие орудия таджиков и узбеков,— «Традиционная культура народов Передней и Средней Азии», МАЭ, т. 26, Л., 1970.
144. «Худуд-ал Алем» (*рукопись Туманского*), Л., 1930.
145. Чебоксаров Н. Н., Чеснов Я. В., Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии,— «Советская этнография», 1967, № 3.
146. Чеснов Я. В., Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии,— «Советская этнография», 1972, № 4.
147. Шаниязов К., *Узбеки-карлуки (историко-этнографический очерк)*, Ташкент, 1964.
148. Шенников А. А., Распространение животноводческих построек у народов Европейской России,— «Советская этнография», 1968, № 6.
149. Штернберг Л. Я., Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936.
150. Забирзоде М., Солшумории халк (народный календарь),— «Шарки сурх», 1957, № 12.
151. Курбон Мухаммад-заде, Мухаббат шох-зоде, *История Бадахшана*, М., 1973.

152. Kußmaul F., Badaxšan und seine Tagiken,— «Tribus», 1965, vol. 14.
153. Lentz W., *Zeitrechnung in Nuristan und am Pamir*,— «*Abhandungen* der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Jahrgang 1938, Philosophischhistorische Klasse. Berlin, 1939, № 7.
154. Lerche G., Observations on harvesting with in Iran,— «Tolls and Tillage», 1968, vol. 1, N 1.
155. Pignede Bernard, Les Gurungs une population himalaenne du Nepal, Paris, 1966.
156. Olufsen O., Through the Unknown Pamirs (Vakhan and Garan), London, 1904.
157. Rasmussen H., Grein Harvest and threshing in Calabria,— «Tolls and Tillage», 1969, vol. 1, № 2.
158. Schultz A., Die Pamirtadschik, Giessen, 1914.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авдж, кишлак 8, 33
Амударья 3, 49
Афганистан 3, 10, 11, 13, 15, 17, 33—34, 45, 48, 49, 55, 56, 57, 62, 64, 65, 68—70, 71, 101, 105, 108

Бадахшан 5, 10, 11, 13, 15, 17, 33, 49, 54, 55, 56, 59, 100, 110
Бактрия 10
Бухарское ханство 10, 15

Вахандарья 6, 15, 54, 71, 93, 106
Вахио 76
Внукут, кишлак 4, 27, 47, 68, 94, 96, 100
Вранг, кишлак 4, 7, 11, 18, 22, 36, 47, 67, 68, 76, 94, 97, 98, 100, 101

Герат 48
Гиндукуш 3, 5, 17, 56, 65, 90
Гиссар 45, 48, 49, 65, 68
Горон 4, 8, 57, 59, 98

Дарваз 9, 10, 11, 14, 18, 26, 45, 48, 54, 56, 57, 62, 63—66, 74—76, 79, 84, 86, 91—93, 99, 105, 106, 108, 111
Дашт, кишлак 48
Дирч, квартал кишлака Зунг 23
Дриж, кишлак 23, 47

Зебак 55, 82, 99
Зеравшан 57, 64, 92
Зунг, кишлак 4, 10, 11, 18, 23, 47, 48, 54, 55, 71, 75, 91, 96, 98, 100

Индия 3, 10, 109
Иран 61, 62, 79, 105
Исор, кишлак 54

Каратегин 14, 26, 45, 48, 54, 57, 62, 65, 74—76, 84, 86, 87, 91, 92, 105, 106, 108, 111
Кашгар 9
Кундуз 10, 55
Керран 10
Куляб 45, 48, 49, 57, 65

Лянгар, кишлак 6, 8, 22, 23, 33, 48, 49, 57, 65

Мулводж, кишлак 47

Наматгут, кишлак 8, 18, 48, 94
Нижгар, кишлак 47
Ныд, кишлак 24, 48, 66

Ови Пандж, вода пяти родников, от слияния которых начинается река Пяндж 99

Пакистан 3
Памир, р. 6, 8, 17
Памир 3, 5, 9, 24, 31, 34, 35, 46, 58, 61, 66, 90, 105, 110
Памиро-Алай 3
Пяндж 3, 5, 6, 8, 10, 17—19, 22, 26, 72, 99—101

Романит, кишлак 47
Россия 4, 15, 59
Рушан 9, 48, 57, 101
Рын, кишлак 4, 7, 18, 24, 29, 48, 55, 72, 90, 91, 94, 97, 99, 100, 103

Самарканд 57, 62
Сархад, афганская часть долины Вахандарьи 106
Сарыкол 9
Сурхандарьинская область 57

Таджикистан 22, 27, 45, 56, 57, 62, 68, 84, 106, 111

Удит, кишлак 47
Узбекистан 22, 62

Фергана 49, 55, 90

Хорог 5
Хотан 10
Хингоу, р. 26, 68, 70, 79, 83, 91, 103
Хуф 79, 83, 104

Читрал 9, 55

Шахдара (Шахдарья), р. 22
Ширгин, кишлак 54, 98
Шитхарв, кишлак 18, 48, 55, 73, 86, 90
Шугнан 8—10, 48, 55, 57, 63, 76, 101, 104

Ягноб 58, 82, 83, 103
Язгулем 9
Ямг, кишлак 12, 98
Яхшвол, кишлак 4, 47

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава I. Краткий историко-этнографический очерк 5

Глава II. Ирригация 17

Глава III. Сельскохозяйственные орудия 50

Глава IV. Полеводство, садоводство, огородничество и бахчеводство 66

Глава V. *Обряды и обычаи, связанные с земледелием* . . . 90

Заключение 110

Глоссарий 113

Использованная литература 119

Географический указатель 124

Икромиддин Мухиддинов

Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX — начале XX в.
(историко-этнографический очерк)

Утверждено к печати
Институтом истории им. А. Дониша
Академии наук ТаджССР

Редактор *Г. М. Юдина*
Младший редактор *И. В. Бушуева*
Художник *М. Р. Ибрагимов*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректор *Л. И. Письман*

Сдано в набор 22/VIII 1974 г.
Подписано к печати 4/VI 1975 г.
А-11973. Формат 70×108¹/₁₆. Бум. № 1
Печ. л. 8. Усл. п. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,99
Тираж 1200 экз. Изд. № 3521
Зак. № 428. Цена 1 р. 10 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Набрано в московской типографии № 13
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам издательств
полиграфии и книжной торговли
107005, Москва, Б-5, Денисовский пер., д. 30

Отпечатано в 3-й типографии издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

ВЫЙДУТ:

Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (XVI — начало XX в.). 25 л.

Хазанов А. М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. 20 л.

Халфин Н. А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. 8 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117464, Москва В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

ВЫЙДУТ:

Неразик Е. Е. Сельское жилище и семья Хорезма (I—XIV вв.). Археолого-этнографические очерки, 25 л.

Сунчугашев Я. И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. 11 л.

Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. 25 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117464, Москва В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

Цена 1 р. 10 к.